

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **№1 (133)**

МОСКВА 2021

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2021. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2021

Содержание

2021-й (<i>Главный редактор</i>).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия в переделье (двадцать тезисов — 2020)	11
<i>И.В. Пшеницын</i>	
Русский мир и антимир цивилизаций.....	26
<i>Е.В. Зайцева, П.С. Толкачев</i>	
Региональные проблемы социально-экономического развития России	34
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.Н. Иванова, К.И. Колтуновский</i>	
Экономика совместного потребления как сфера инновационной деятельности.....	41
<i>А.М. Ласько</i>	
Вызовы цифровой экономики.....	56
Раздел III. Актуальная философия	
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Человек как несовершенное совершенство (антропоконсерватизм contra трансгуманизм)	73
<i>К.В. Молчанов</i>	
О некоторых функциональных положениях интеллектуально-алгоритмической интенсификации познания.....	86
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Ключевые атрибуты истины (тезисы).....	101
Раздел IV. Актуальная социология	
<i>А.Л. Андреев</i>	
Риски и угрозы в восприятии российского общества.....	111
<i>А.Г. Штейнберг</i>	
Объективация женственности: фактор материнства	123
Раздел V. Актуальная история	
<i>Ф.Л. Сеницын</i>	
Массовое сознание в СССР в период правления Л.И. Брежнева (1964—1982).....	135

<i>В. Щербаков</i>	
Проблема исторической традиции в понимании	
А.С. Хомякова и И.В. Киреевского: сравнительный анализ.....	151
<i>Э. Мартин-Йогансон</i>	
Экономические санкции как инструмент	
политического контроля.....	165
Раздел VI. Актуальный менеджмент	
<i>А.Е. Шрамм</i>	
О перспективах третьей волны парадигмы цифрового	
государственного управления.....	187
<i>А.И. Селиванов, В.Г. Старовойтов, Д.В. Трошин</i>	
Стратегический аудит в системе государственного	
стратегического управления национальной экономикой	216
Раздел VII. Рецензии и отклики	
<i>Н.И. Злыгостева</i>	
В лучах Света Невечернего.....	237
<i>Б. Правдин</i>	
Софиасофия как достояние Руси-России:	
экстраординарные и спасительные новогодние откровения.....	241
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
Россия как цивилизация и цивилизация как Россия:	
суть и ход перемен (обзор дискуссии)	257
<i>Т.С. Сухина</i>	
Российское переделье: настоящее и будущее	
в условиях техногенеза и тотальной цифровизации	269
Концептуальная декларация международной научной	
конференции «Россия в переделье: цивилизация,	
техногенез, экономика» (<i>Ю.М. Осипов</i>)	278
<i>Е.С.Зотова</i>	
Экстрамодерн: ученый как призрак или призрак	
как ученый (об университетской дискуссии в Татьянин день).....	283
Анонсы	295
Наши авторы	297

Contents

2021st (<i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia in the Remaking (Twenty Theses — 2020).....	11
<i>I.V. Pshenitsin</i>	
Russian World and Antiworlds of Civilizations	26
<i>E.V. Zaytseva, P.S. Tolkathev</i>	
Regional Problems of Socio-Economic Development of Russia	34
Part II. Economic Theory	
<i>V.N. Ivanova, K.I. Koltunovsky</i>	
The Economy of Shared Consumption as a Sphere of Innovation.....	41
<i>A.M. Lasko</i>	
Challenges of the Digital Economy	56
Part III. Actual Philosophy	
<i>V.A. Kutyrev</i>	
Man as Imperfect Perfection (Anthropoconservatism Versus Transhumanism).....	73
<i>K.V. Molchanov</i>	
On Some Functional Provisions of Intellectual and Algorithmic Intensification of Cognition	86
<i>A.Yu. Gorbachyov</i>	
Key Attributes of Truth.....	101
Part IV. Actual Sociology	
<i>A.L. Andreev</i>	
Risks and Threats in the Perception of Russian Society	111
<i>A.G. Shteinberg</i>	
Objectivation of Feminity: Factor of Motherness	123
Part V. Actual History	
<i>F.L. Sinitsyn</i>	
Mass Consciousness in the USSR during the Rule of Leonid Brezhnev (1964—1982)	135
<i>V. Shcherbakov</i>	
The Problem of Historical Tradition in the Understanding	

of A.S. Khomyakov and I.V. Kireevsky: a Comparative Analysis	151
<i>E. Martin-Ioganson</i>	
Economic Sanctions as an Instrument of Political Control	165
Part VI. Actual Management	
<i>A.E. Schramm</i>	
On the Outlook for the Third Wave of Digital Era Governance	187
<i>A.I. Selivanov, V.G. Starovoytov, D.V. Troshin</i>	
Strategic Audit in the System of State Strategic Management of the National Economy	216
Part VII. Reviews and Responses	
<i>N.I. Zligosteva</i>	
In the Rays of Non-Evening Light	237
<i>B. Pravdin</i>	
Sophiasophy as a Property of Russia: Extraordinary and Saving New Year's Revelations	241
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
Russia as a Civilization and a Civilization as Russia: the Essence and the Course of Changes (Discussion Overview)	257
<i>T.S. Sukhina</i>	
Russian Remaking: Present and Future in Conditions of Technogenesis and Total Digitalization.....	269
Conceptual Declaration of the International Scientific Conference «Russia in the Remaking: Civilization, Technogenesis, Economy» (<i>Yu.M. Osipov</i>)	278
<i>E.S. Zotova</i>	
Extramodern: a Scientist as a Ghost or a Ghost as a Scientist (About the University Discussion on Tatyana's Name-Day)	283
Anounce	295
Our Authors	299

2021-й

2021-й год — третий из роковой трехлетки «2019—2020—2021», наверное, и решающий. Что-то этакое наверняка случится, что-то непременно увидим, что-то, может, и поймем. Да, мир меняется, человек меняется, даже мироздание меняется. Разрыв с прошлым не просто велик, он, видно, окончателен; настоящего нет, оно в безвременном провале; известно-неизвестное *не*-будущее наготове, при дверях. 2021-й все и решит!

Решит, конечно, в завязи, сингулярно, исходно, но решит. О-о, какие наступят перемены — хаосные! Впереди мир-хаос, точнее — хаос-мир, он же попросту *хаосмир*. Вся надежда у полусильных мира сего на тотальную цифровизацию, большие массивы данных, виртуальные управленческие платформы. Да, это так, но кто ж и что ж им *все это* позволит, ежели хаос в самой социумной цифровизации, в самих массивах людских и иных данных, в самих управленческих платформах?

А-а, диктатура! Диктатура это все позволит. Чья же и какая, ежели вокруг один хаос?

О-ох, то-то будет! И цифровизация, и диктатура, да вот какие, чьи, — кто ж из смертных этакое знает?!

Да, у некоторых и кое-где, включая Россию, есть шанс сплотиться, овладеть хаосом, утвердиться, разумеется, диктатно. Но для этого не одна воля потребна, а и *большой ум*. Одно дело большие компьютеры, большие данные и большие платформы, то бишь *большой искусственный разум*, совсем другое — *большой ум*, как раз тот самый — *остаточный!*

Где ж его взять, как не из глубины, той самой — истоковой, метафизической, софийной, а кто к этому из полусильных мира сего приближен? Или никто, что вернее, или же НЕКТО, что весьма сомнительно, — где же ОН, этот НЕКТО, хотя бы для той же России?

А-а, вот и она — загвоздочка! То ли есть ОН, то ли вскорости будет, то ли нет его и никогда не будет? Есть над чем поразмышлять в лукавых пандемических одиночествах!

А журнал наш переходит вместе со всем ошеломленным пандемией интернетом, цифровизацией и напористо подступающим неизвестным будущим, образованным людом не куда-нибудь, а в 23-й год своего существования, держа свой высокий ученый авторитет и повышая формальный рейтинг, а главное, оставаясь в ядре своем носителем *иного знания*, как раз истокового, метафизического, софийного!

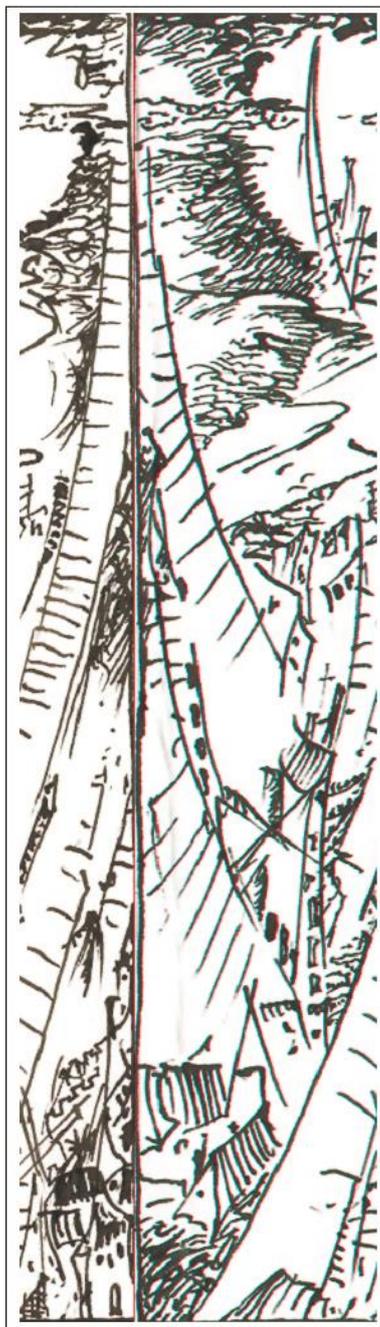
Вот-те на: хаос и журнал, журнал и хаос! Ах, этот 2021-й, ах, этот 23-й год существования журнала, ах, эта Великая Неизвестность!

Да будем!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю. М. ОСИПОВ

Россия в переделье
(*двадцать тезисов — 2020*)*

Аннотация. Мир и Россия в нем интенсивно меняются, причем не столько уже вдохновенными переменщиками, сколько самой вступившей на путь роковых перемен ирреальной реальностью.

Ключевые слова: мир, Россия, перемены, философия, философия хозяйства, софиасофия.

Abstract. The world and Russia in it are intensely changing and not so much by inspired changers already, but by the irreal reality that has entered on the fatal changes path.

Keywords: world, Russia, changes, philosophy, philosophy of economy, sophiasophy.

УДК 327, 330
ББК 65в, 66

1

Переделье — не общепринятая наукообразная категория, а всего лишь реальный исторический факт, касающийся не одной России, а и всего мира, — и важно то, что это не просто перемены и даже не просто переделки, а перемены и переделки в гуще *большой переделки*, в которую нарочно или нет вдруг *попадают* человек, семья, сообщество, страна, мир и которая выглядит как вдруг возникшее хаосно-рисковое состояние, как пребывание в трудных и опасных обстоятельствах, как и из них тернистое выживание, в общем — как неординарное потрясение субъекта-объекта, как большая замятня, как грозовой накат неопределенности, как и ослепительная вспышка неизвестности. Попадание в такой потрясающий контент или в потрясающий контекст — все равно, обычно весьма свободно, а вот выходение из него не то что совсем уж не свободно, но обычно уже крайне проблемно: «Быть или не быть, а

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Россия в переделье (двадцать тезисов — 2020) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 11—26.

ежели вдруг и быть, то кем и на каких условиях?» Отсюда и наше ПЕРЕДЕЛЬЕ, которое есть сразу перемены, переделывание, ситуационная экстремальность, испытание, пытка, протирка и продирка, а в итоге либо выживание с каким-то вольным или невольным обновлением, либо предрешенная сверху, снизу, сбоку или изнутри — пусть и с каким-то обновлением, как и без оно — погибель. Оказаться в ПЕРЕДЕЛЬЕ — оказаться не просто между одной и другой жизнью, а и попасть вдруг прямым путем между жизнью и смертью!

2

Что ж это за ПЕРЕДЕЛЬЕ такое, в котором то ли всего лишь находится ныне человечество, то ли в которое оно нежданно-негаданно попало, то ли же на которое оно ожидаемо или внезапно попало? Нет, это уже не модерновское переделье, но и, что особенно важно подчеркнуть, и не постмодерновское, это что-то явно другое, ибо нет уже ни борьбы Модерна с Постмодерном, что вершилась издавна в течение полтысячелетия, ни скоростного отрицания Модерна Постмодерном, как случилось в том же XX в., это явилось что-то иное, явилось как какое-то фантастическое запределье — ЗАПРЕДЕЛЬЕ, когда на рисковом кону уже весь зёмный мир, включая и самого человека: демиургическая искусственность взяла верх над сакрализованной естественностью, а все более искусственный хомобро́з уже берет верх над человеком как человеком, что означает не очередную трансформацию мира и новую волну в совершенствовании человека по цивилизационному (научно-техническому по преимуществу) вектору, а полную трансгрессию мира в искусственный *антимир*, а человека — в искусственного *постчеловека*. Здесь уже не отрицание чего-то из бывшего и становящегося прошлым ради чего-то нового и как бы более высокого и совершенного, а отрицание уже самого феномена зёмного мира и самого феномена зёмного человека. То еще ПЕРЕДЕЛЬЕ, вполне себе уже и в самом деле *запредельное!*

3

Таков общий земно-космический, а лучше сказать — бездно-инфернальный, передельевский фон, на кулисных вуалях которого копошатся проекционные тени из несусветного будущего окончательно обыскушенной Земли и наделенной искусственным разумом неразумной, но при этом якобы сверхразумной, интегрально-бессмертной постчеловеческой киборгиальности. Однако фон — это только фон, а не вся реальность: и Земля с ее Природой пока на месте, хоть и бунтуют они, и

взбрыкивают, и кусаются, и человечество с его осознанными Богом мозгами тоже вроде бы еще на месте, во всяком случае, пока на месте, хоть и волнуется, и зудит, и скулит, и рычит, и трепещет, ну и, как водится, хорохорится. Творение, а это есть не что иное, как ТВОРЕНИЕ, всюду, видно, продолжается, отчего Модерн все еще остается Модерном, пусть и изрядно побитым, Премодерн — Премодерном, пусть и нечестиво потертым, Постмодерн — Постмодерном, пусть и немало потрескавшимся, а нынешний запредельный и разгулявшийся Артсупермодерн, оказывается тем, чем и должен быть — Артсупермодерном! Вот и вся тут недолга: далее уже без остановки — с запредельным ветерком!

4

И в самом деле: человеческий демиургический прогресс не остановиться! Мир должен быть в итоге не просто вывернут им наизнанку, что уже вовсю происходит, а буквально *перевернут*, став не чем-нибудь, а полноценным и полноправным *антимиром* — АНТИМИРОМ, а человек при этом должен не просто стать *другим* — другим человеком, а, перестав быть собственно человеком, стать каким-то *другим существом* — АНТИСУЩЕСТВОМ! Вот тогда-то и завершится ТВОРЕНИЕ! Чего и кого? Надо полагать, *неземно-космического мира и неземно-космического существа*, прямо по волшебному заказу, пардон, тех же русских космистов рубежа XIX—XX вв. Интересно, не правда ли? Не ради ли этого «Общего дела», а не какого-то там коммунизма, явились в Россию со своей мировой пролетарской-де революцией те же Ленин, Троцкий, Сталин, как и ради чего на самом-то деле разгорелась в России жестокая братоубийственная гражданская война: кто и за что в ней так нещадно бился, жертвуя людскими миллионами?! И не ради ли чего-то подобного пришла в Россию та же новая мировая война, уже и весьма технотронная («война моторов»), а потом запылала и так называемая «холодная война» — между все той же Россией, вынужденной стать в лице СССР сначала ядерной, а потом и космической державой, и агрессивным бесноватым Западом, первым ставшим ядерным, а затем, уже вослед СССР, и космическим.

Много тут выскакивает разных неожиданных вопросов, не имеющих пока что удобоваримых ответов, да и кому их ставить и давать, ежели некому их даже представить, не то что поставить и ответить? ПЕРЕДЕЛЪЕ мира и России — *давний и очень загадочный процесс!*

5

Уже изрядно обыскусственный, раздетый до гола и опущенный ниже плинтуса точной наукой, ловкой инженерией, фальшивой экономикой, фейковой политикой, гуттаперчевым правом, авангардным антиискусством и вообще всякой нарастающей идеотоманией человеческий разум не способен ни задавать подобные вопросы, ни отвечать на них, надеясь на вполне уже *искусственный разум*, когда в царствии которого уже не придется ни ставить такого рода вопросы, ни отвечать на них — примерно как с ковидом, о котором, как выяснилось, никто из смертных ничего вразумительного сказать не может, хотя наука вроде бы много чего знает и умеет, да, видно, то ли не все, то ли что-то все-таки знает и умеет, но... *молчит*. Знать и понимать, кстати, — не одно и то же! Нынешний квазиобразованец знает как будто бы многое, чуть ли не все, но адекватного суждения о вроде бы известном составить, увы, не может. Вся надежда на вполне уже искусственный, надетый на технотрон, разум, в задачу которого войдет вовсе не это, а кое-что другое — окончательная победа антимира над миром, а артпостчеловека над человеком, — и не потому, что галатехноискусственный разум злее естественного, а потому что он всего лишь разум и только разум, без всякой примеси околоразумной неразумности, свойственной как раз собственно человеческому разуму, его обычно и выручающей, а потому он, этот вполне уже искусственный разум, и примет единственно верное решение — *дойди!*

6

Да, это так и будет, но будет... э-э... не скоро, — хотя почему же и не скоро? — в общем — еще не завтра, что означает, что у человека есть еще шанс кое-что важное осознать, утрашиться и побороться за себя, пусть, напогляд, и мнимый шанс, почти что и безнадежный, но все-таки *шанс* — чего на свете не бывает! Ко вполне естественному — природо-сакральному — разуму человеку уже, видно, не вернуться, — факт! — но можно, как все-еще-человеку кажется, обрести некий *все-еще-человеческий суперразум*, заново зачерпнув исходной природности и изначальной сакральности, однако в иной уже смысловой интерпретации и языковой транскрипции, как раз в тех их реализациях, которые диктуются не суетной обыденностью, жаждущей изобилия, комфорта и бессмертия, а глубоким безмолвным, даже и отшельническим переживанием, пусть поначалу и не слишком замечаемым и социально результативным, но все-таки... состоявшимся, да не где-нибудь, а в странной, непонятной, бестолковой и вполне себе ужасной России, которая ныне, как

и весь мир, в жерновах всемирного *переделья*, однако и в *своего собственного переделья* тоже. Не один только *космизм* родился в России, но и... *русизм* тоже, который не есть ни западный гуманизм, ни какой-нибудь восточный «изм» вроде ламаизма и буддизма, а именно *русизм*, вовсе еще никем не осознанный. Что это за «зверь» такой, этот самый *русизм*? А кто ж его знает, ежели он погружен в Великую Неизвестность, питается Иным и ведется Софией Премудростью Божией? Ясно, что это какое-то *ино-мыслие*, еще, повторяем, вовсе не осознанное, разве лишь чуть-чуть осознанное, но что интересно — *работает*, испокон веку ведь работает, и даже сейчас работает, не имея на то ни регистрации в ученых головах, ни разрешительного академического штампа на своем заумном челе, а ежели чего и имеет, так это навешанную на него заранее и предусмотрительно презумпцию виновности, ему немало мешающую, но из себя все-таки не выводящую — безрезультатную!

7

Да, на Россию, кинувшуюся, сломя голову, в известное перестроенное время на Запад, точнее — в Запад, нахлынул, может, еще и в большей мере, чем тогда на сам Запад, победоносный антимир, от которого Россия не только сейчас не избавлена, но прямо в смертоносной кабале у него и пребывает. К убивающему человека в человеке антимиру за 2000-е гг. прибавилась уже никем не скрываемая гибридная, она же гуманитарная, она же экзистенциальная, она же и геостратегическая, она же пока и холодная («холодная — 2») война, ведомая Западом вкупе с некоторыми его сателлитами против России: война наглая, гнусная, улыбочивая, лицедейная, бескомпромиссная, война на уничтожение (теперь уже не одна «англичанка», а весь Запад с упоением гадит России). А в самой нутряной России тоже не намного лучше: антиРоссия как была бодренькой в 1990-е, так и осталась, а все не слишком уверенные усилия российской-де власти перевести антиРоссию в режим России терпят неминуемый, если не запрограммированный, крах, да и есть ли они — эти усилия? Нельзя сказать, что высшее правление не делает из падшей в 1990-е гг. прозападной России какую-то новую Россию, чуть ли не антизападную, разумеется, не по духу, а лишь по поведению, и кое-что у правления получается, да вот не все, далеко не все, ибо с Западом в нутре статья антизападным вовне никак невозможно. Отсюда и пресловутые то ли «ни то, ни се», то ли все-таки «то и се», а в итоге — «не то и не се». Вот и остается России лишь держаться, как это было не раз в ее истории, включая и СССР-ную, *за саму себя* — инстинктивно, интуитивно, по

привычке, генотипически, но менее всего осознанно, деловито, институционально. Тот же *русский мир*, конечно — реальность, но реальность, не подкрепляемая почти никакой... реальностью, кроме факта стихийного вопреки всему реальному своего нереального существования. Однако Русь не исчезла насовсем из России, хотя и отошла в навскую тень, она здесь — в России, и хоть не определяет сейчас происходящего с Россией переделья, но и не стоит, как ни странно, совсем уж в стороне от этого более чем рискованного то ли исторического, то ли уже внеисторического процесса. Переделье в России — многообразный, неоднозначный, во многом эсхатологического свойства, турбулентно-хаосный, пусть и немало антироссийски управляемый, процесс-поток, а посреди этого беспримерного процесса-потока торчит непотопляемым столпом сакральная Русь-Россия, свободная от любых навешиваемых на нее оценочно-пометочных ярлыков — непонимаемая, ненавидимая, презираемая, да не просто стоит, как соляной столб, а и держит на своих плечах, да не что-нибудь, а весь русский мир, может, и даже весь планетарный мир!

8

Тогда кто же тут кого передельяет: внешние западники и вторящие им внутренние прозападники передельяют Россию или Россия, игнорируя западников и прозападников, передельяет... само бытие, как *свое*, так и *не свое* тоже? Да, отступила, ушла в тень, погрузилась в Навь, но... торчит себе неуместным торчком в самой что ни есть Яви, принимая на себя шквальный вражеский огонь, и огрызается, и бьется, и бесит гуманитарных огнестрельщиков! Сколько уже повсюду с ума своего бойкого сшедших из-за России, да не простых людишек, а все «топ», знаете ли, да «топ», самых из самых, из богатеев, властителей, суперзвезд, из чуть ли не бессмертных. Ох, как ядовита эта Русь, ох, как токсична эта Россия, ох, как глупо с Русью-Россией тягаться, ей перечить, ее под себя передельывать, ее отрицать, да еще и желать ей скорейшей гибели! И нанизывает она и нанизывает на свой невидимый виртуально-загадочный шампур, да ладно бы людишек, а то ведь и целые блудливо-заблудшие страны, — и все это как бы само собой у нее получается, каким-то неявным экстремальным самоходом! Давно ведь сказано, что хоть Русь-Россия и в единении с Бездной, но она еще и в особых отношениях с Небом, если не с самим Господом Богом, который не зря, совсем не зря пестует по-особому жестко Русь-Россию, открывая с ее участием «черную дыру» что для Запада, что для Востока, что для

самой же России разумеется, ежели что не так как у самой Руси-России, так и в ее отношениях с друзьями, партнерами, союзниками, противниками, врагами. Вот и выходит всамделишное ПЕРЕДЕЛЬЕ, да не в угоду только России, хотя и не без этого, а и всему миру, мало того — чуть ли и не самому Господу Богу!

9

Странное во всех смыслах идет ПЕРЕДЕЛЬЕ, очень странное: с пандемической остановкой времени и убыстренным донельзя технологией бегом того же времени на месте. Астрономическое время вроде бы все то же, а вот бытийно-историческое — совсем уж не то: в одно мгновение ныне все вокруг, как-то само решается и решается самой реальностью (ежели более всего не ирреальностью), полной расплывчатой и туманной неизвестности. Заткнули было просвещенцы метафизику в черную дыру незнания взамен как будто подпольной крысы, а она — метафизика — крысой в перевернутую реальность (или уже ирреальность), бац, и вернулась, да не той метафизикой, не прошлой, хотя и не без ее поощрительного участия, а вполне себе новой, уже не только, как было поначалу, *пост-модерновой*, а, как становится ныне ясно, уже и *пост-постмодерновой*. И ничего уже без нее — без этой *новой метафизики* — не понять из происходящего, но и саму эту новую метафизику — *мета-метафизику* — никому, кроме отчаянных и отчаявшихся единиц из Руси-России, не понять, а потому работать этой метафизике приходится самостоятельно, почти что бессубъектно, вроде той же пандемии — незаметненько, из-за угла, из-под Божьей полы, из невидимого Дома Софийного, в общем, через творческую неизвестность — *Великую Неизвестность!*

10

Если России суждено, продравшись через ПЕРЕДЕЛЬЕ, уцелеть, то, конечно же, весьма и весьма *другой*, совсем даже не *этой*, уже и не *постреформенной* — этого мало, а... кто ж это знает — *какой?*.. ничего ведь в идейно-проективном сознании не осталось у прошедшего через Постмодерн человека: ни сакрала, ни естества, ни гуманизма, ни либерализма, ни социализма с коммунизмом, разве один лишь фашизм еще теплится, под другими, разумеется, личинами, да и то лишь в воспаленных мозгах кое-каких неоконсерваторов, в общем — *ничего*, кроме, конечно же, новейшего интеллект-увлечения новейшим (хайтековским) искусственным разумом. Торжество технотронного искусственного разума —

замена человека... нечеловеком, таким *техновеком*, а на это ведь надо еще решиться, да и сделать это надо, как раз чем и занято прежде всего нынешнее высшее ПЕРЕДЕЛЪЕ, служащее скрытым адекватом уже брошенной в бытийно-исторический утиль великой когда-то идеи МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, а может, и не адекватом вовсе, а ее — этой идеи — логическим продолжением и даже исполнением — почему нет? Если первым субъектом-объектом такой мирозначимой революции оказалась Франция XVIII в., то вторым стала Россия XX в. (с 1917 г.), а теперь вот снова на Россию падает революционный выбор, уже передельческий, пусть и не только на Россию, пусть и на весь мир тоже, но... России от этого не легче, ибо она снова в жертвенном эпицентре мировых репертурбаций, да еще и в обстановке войны с Россией со стороны внешней и внутренней антиРоссии. Не спи, «медведь русский», думай, соображай, ищи выход, как и средства к нему и возможность по нему движения, прозревай и проектируй, бейся, а иначе с братьями, друзьями, союзниками, партнерами и попутчиками, открыто или скрытно, но охотно участвующими в гоне на тебя, не то что проиграешь, как в 1980—1990-е, а и гикнешься со сдавленным рыком прямо туда — в небытие!

11

Что делать? Ответ на сей сакраментальный вопрос весьма прост: «Делай, что должно, и все решится!». Важнее тут другой вопрос: *кто* из смертных будет такое делать, *кто* поймет, проявит волю и станет решительно действовать? Какой субъект, актер, актер? А времечко поджидает этого возможно-невозможного героя, ох, как поджидает, безжалостно отправляя на свалку бытия-истории немалый по числу и весьма возвысившийся в Постмодерн управленческий топ-сброд, вовсю активничающий, глаголящий, суеящийся, тусующийся, да все как-то невпопад, не в жилу, не в масть, не в пас, не в толк, но зато невообразимо для себя гешефтно. Постмодерн, обильный на потребление, вещизм, зрелища, суету, сетизм, вообще на всякую бессмысленность, все это самозванное менеджериальное правление как-то еще терпит, но, заметим, он — Постмодерн — заканчивается, и ему на смену идет не просто *пост*-Постмодерн, как было выше отмечено, а и самый что ни на есть реальный *анти*-Постмодерн, для которого преобразовательные попытки еврофашизма и совкоммунизма были всего лишь не более чем пробными шарами. Искусственное цифротронное образумливание, точнее, обезумливание, то ли еще человечества, то ли уже постчеловечества выдаст такие возможности построения новых утопий, которые даже не снились первым

адептам и строителям хорошо организованного, тотально контролируемого и вслепую ведомого *человеиника*. И ежели что-то делать, находясь в глобальном передельческом процессе-потоке, то, придется, овладевая искусством выживания и посильного участия в сем процессе-потоке, менять его качество, разворачиваясь к новому человеческому бытию *все-еще-человека*, ориентируясь на никому вполне не известную, но кое-кому все-таки дающуюся Софию Премудрость Божию, чему как раз и могут послужить русская софийная философия конца XIX и всего XX в., русская философия хозяйства и русская софиасофия, то бишь упомянутый выше, но уже в современном исполнении *русизм!*

12

Разумеется, никто из «топов» ничего в софийном направлении делать не будет — сути и необходимости этого даже не поймет! Человек действующий, а уж, тем более, человек управляющий, уже забыл по преимуществу не то что об «общем благе», но даже об «общем деле» — как раз совершенно гуманитарных, соотнося их с отвергнутыми концептами типа «Свобода, Равенство, Братство», «Православие, Самодержавие, Народность», социал-фашизм или тот же социализм-коммунизм, а теперь вот и америкоцентричный глобализм. Никакой концепт, пусть и кем-то хорошо разработанный, обоснованный и усиленно пропагандируемый и даже вроде бы кем-то исполняемый, ничего сегодня не решит. Пока еще нужна горячая турбулентная варка, в которой как раз и варится современный мир: Постмодерн не зря же пришел в мир со всем своим изысканным концептуально и действенно хаосом, и он — Постмодерн — еще из мира не ушел и не сразу уйдет, пока что-то *этакое* в мире сем не выварится — то ли новый мир с приоритетом искусственного технотронного разума, то ли антимир со своими нежизнью и небытием, то ли все-таки новый, но при этом и *иной*, все-еще-человеческий, мир, пусть и с технотронной умственной составляющей, но вправленной в оздоровившееся земное естество.

13

Все сказанное относится и к России, о чем свидетельствует воистину трагикомическая *концептуальная растерянность* в среде всех великих всего ныне предрержащих — богатств, собственности, властей и чуть ли не всей российской экзистенции: страна вроде бы есть, империя как будто бы есть, люди есть, патриотизм есть, государство есть, а ни общих для всех людей страны целей с общими для них задачами, ни

общей для всех перспективы, ни общего проекта, ни общего дела, ни, уж тем более, общей более ли менее слаженной работы, хотя кое-какие локальные примеры, отдельные признаки и мерцающие там и там призраки чего-то такого вроде бы есть, но, увы, никакого живоносного *целого* во всем этом нет — да и откуда ему взяться, коли все старательно и справно в стране поделено, разделено, распределено, «дистрибьютировано», раздроблено, а ежели что-то «общее» и есть, так это лишь по вектору эксплуатации, присвоения и частного в основном накопления, причем по преимуществу на *top*-уровне, так сказать, высшем, хотя и на низовых уровнях тоже? Номинально российская нация вроде бы есть, а вот фактически, в реалиях, ее нет и быть не может, чему виной не только прозападно-коллорационно-глобалический капитализм, делегированно утвержденный в стране, более всего склонный к присвоению и менее всего к творческому производству, а и сами люди, причем сверху до низу, мало что подпорченные в позднесоветское время, но и не без энтузиазма сбросившие с себя в те же 1990-е тяжкое человеческое бремя, устремившись как раз к алчному присвоению и безудержному потреблению, к захвату не одной лишь собственности и власти, но и «достойного положения» в новом владетельном феодально-азиатского пошиба классе — доходы здесь, в России, а семейное пребывание как раз там, в вожделенной «загранице». Этаким денационализированный и как бы космополитизированный «загран-отряд», он же и «иностранный легион», состоящий причем вовсе не из одних олигархов, магнатов и вообще богатеев, а и из самых разных людишек, вполне себе и незаметненьких. Бери сладкоголосого любого из ТВ или радио патриота, а детки его уже давно там — в райской загранке: что поделывать, коли одна свобода вокруг — грабить, присваивать, бежать, предавать, наслаждаться!

14

О-очень все не просто в родимой отчизне, о-очень! Да, зазяла было надежда на становление новой России — как раз *общей*, национальной, державной, да вот быстро что-то померкла в мертвящих лучах той же «оптимизации», да и многого другого с нею схожего, а потом и совсем растаяла под обжигавшим душу хладным душем из «НИЧТО» от 18 марта 2018 г., не возродившись и под бойкими на вид «конституционными переменами», а уж при COVID-19 и вовсе исчезла, как легкий весенний дым. Безвременье, безперспективье, безнадежье! Не лучший вариант в сравнении с французским гильотинированным слоганом: «Свобода, Равенство, Братство!» или тем же утешительно-раболепским

«Правосудие, Самодержавие, Народность!». Да, так, именно так, видно, в России все и есть, хотя и не только это, а и все другое тоже есть — грех жаловаться! — включая уже весьма утвердившуюся новую несправедливость, сдабриваемую чиновничьим равнодушием, бизнес-произволом, воровством, коррупцией, мошенничеством: люди есть люди, а они ведь такие — *разные и... подлые!* Так что ждать субъективного, да еще и разумного, да еще и мирного переделывания России в правильном (кто ж достоверно знает каком конкретно?) направлении ныне не приходится, ситуация вовсю идет и будет, видно, идти своим ходом, в противоборстве явно и неявно проявляющих себя сил и тенденций, в обстановке обостряющегося международного соперничества и нарастающих внешних угроз, в увязке с общемировым Передельем, от него в скверной зависимости и от себя в мерзком уклонении. Дело за скрытым в бытии и по обыкновению человеком не замечаемым *Ином*, опекаемом *Великой Неизвестностью* и направляемом, а может, просто попускаемом *Господом Богом Творцом*, ежели, конечно, явится у Господа на то благая воля: настоятельно вразумить, побудить к верному выбору, понудить к решительному и умелому действию!

15

Итак: не тотальное уныние, конечно, хотя куда без его удушливой толики, но уж всеобщая озабоченность — точно! — и никакого тебе массового одушевления. Такова сегодня в целом материально обеспеченная, весьма даже сытая, чуть ли не процветающая Россия. А жизни-то полноценной нет, во всяком случае общей, совместной, социальной, так сказать — страновой. Удаленка, разделенка, разобценка! И вовсе не только по причине загадочной вирусной пандемии, а и вследствие нашествия беспощадной цифротронной нежизни. Социум сам заметно распался, споро рассеялся, почти что и исчез. Вокруг ведь не социум, а, скажем так, от французского — *эссем* (essaim), что означает в натуре *рой*, а в ученом искусстве — *множество*, разумеется, не связанное в никакое стройное единство. И ничего другого, кроме сего *эссема* страна и не могла получить в итоге ПЕРЕСТРОЙКИ и РЕФОРМЫ, а обратного движения сего *эссема* к эффективному социуму так и не произошло: энтропия, диссипация, исчезновение! Однако не насовсем: что-то еще остается, как раз добываемое вирусной пандемией и цифрошизоманией, но в то же время и возрождаемое в ежеминутной борьбе с этими «милыми» нашествиями. Уникальное состояние человеческого бытия, может, и с «со», но вряд ли со «стоянием», впрочем, почему нет — *стойм* же! Да, стоим: инстинкт

общности, совместности, социальности, а главное — государственности, еще и империльной, то бишь по духу своему консолидационной, пока срабатывает. Странные они, эти русские, непостижимые они — все эти россияне, загадочна и она — эта Россия!

16

И чего-то *своего* Россия как ждала, так и ждет: *своей* страны, *своего* государства, *своего* правления. Ждет от Иного, от Великой Неизвестности, от Софии, от Господа Бога, но и от себя тоже ждет, готовясь, видно, к очередному большому рывку — незнамо куда! Нет, не во что-то сегодняшнее и не завтрашнее, а в отдаленное какое-то будущее, хотя это будущее, надо особо заметить, может уже и при дверях, которые способны внезапно раскрыться, как врата Ада, прямо здесь и сейчас открыться, — кто знает? Накапливается, накапливается энергия перемен, нарастает напряжение, усиливается ожидание — неважно и чего конкретно! — ибо вся фишка бытия-истории не в бросающейся в глаза известности, а как раз в *незаметной неизвестности*, а потому и ожидание тут неизвестно чего и неизвестно когда вдруг превращающегося в реальность: немая статичная сцена и, вдруг, все на сцене начинает говорить и хаотически двигаться, да еще и с убыстряющейся скоростью, до внезапного момента замедления всей сценической говорливой беготни и ее полной в тиши остановке, но уже в *иной* расстановке, почему-то вдруг *изменившейся по составу и структуре* всей сценической труппо-тусовки. Кто-то еще на сцене, кто-то уже за кулисами, а кто-то канул вдруг в пустоту разверзшейся оркестровой ямы. *Мистерия!* А ежели театр сей еще и погорелый, тогда что? Тогда, пардон, на сцену выходит диктатура: хударука, главрежа, каких-нибудь молодых обновленцев, а то и попросту каких-нибудь мерзавцев с улицы, ибо... МИСТЕРИЯ!

17

От утишенного покоем мирского стояния до буйной запредельной пляски не такое уж большое временное и экзистенциальное расстояние, ежели внутри утишенного мира накапливается мощный плясовой заряд, а спусковое событие-деяние-бездействие всегда найдется: за примерами далеко ходить не надо, достаточно обратиться к опыту ближнего «братского» зарубежья. И никак вроде бы всю еще парящая в интеллект-атмосфере, социально-гуманитарная наука не поймет одной простой вещи, что всюду работает *то*, что наукой сей даже не предположено, не то что учтено и понято, а именно... Иное, Неизвестное, Сакральное, что

и делает реальность незамечаемой и несхватываемой точной-де наукой. До сих пор ведь рассуждают о причинах гибели СССР, о явлении персонажей по имени Горбачев и Ельцин, о будто бы в принципе невозможном, но на практике ставшем вполне себе возможным — том же антицивилизационном перевороте, вполне и inferнальном, о благолепности того же Запада и отвратительности России, не заслуживающей-де своего обычного бытия на Земле и т. д., и т. п. А сейчас, когда социально-гуманитарно запыхал весь западный и в значительной мере южный океан России, благонамеренные социо-гуманитарии валят всё на внешние, конечно же, западно-глобалистские, вполне себе и реальные, враждебные происки, усердно делая вид, что никаких местных бытийно-исторических мотивов для сих пожаров нет и быть не может, в особенности, антироссийских.

18

Мир переворачивается, господа, весь мир, а что взять с наших тихо или буйно помешанных соседей, одними из первых попавших в мировое ПЕРЕДЕЛЬЕ, а все почему? — да потому, что миром правит вовсе не людское благоразумие, даже и не человеческое безумие, да и вообще не человек, а, повторим который раз — Великая Неизвестность со своим Иным, наряду, конечно, с Бездной и Сакралом, за которым маячат София и сам Господь Бог. Значит, так все и «надоть», а что касается людей — что властителей, что обывателей, что героев, что негероев, что законопослушников, что «криминалов», что граждан, что повстанцев, то все они, думая, что участвуют в чем-то одном — *этаким*, на самом-то деле работают на совсем другое — вовсе не *этакое*, им как раз и *неведомое*. Ни одно правление, пусть и самое диктаторское, ни одна революция, пусть и самая жестокая, усердно переворачивая текущее бытие, не достигают вполне *своих* целей, зато бытие, выворачиваясь под их натиском, всегда достигает каких-то *иных* целей, вовсе не обязательно, что и благостных, точнее, совсем, как правило, и не благостных, мало того, еще и, как правило, невероятных. Сегодня вокруг вовсе не *кризис*, как пытаются убедить народы разного рода гуманитарщики, ибо кризис — это состояние чего-то, что не только есть, но и что еще будет далее, пусть в измененном виде, а сегодня, если еще не катастрофа (тьфу, тьфу!), то уж *великий катаклизм* — точно!, да такой катаклизм, за которым не так недомогание, ненастье или нахлынувшее злосчастье, как, пардон, самый обыкновенный... *крах*, причем сразу всего и вся из якобы человеческого, гуманитарного, цивилизованного, искусственного и искусного, — вот

только замечать это никому не хочется, а уж понимать — прямо-таки страшно! Грета Тумберг — это вовсе не Грета Тумберг, даже вообще не девочка из Швеции, а всего лишь в ее образе... *весть*, разумеется, *черная*, или *злая, весть*, коснувшаяся всего и вся из нынешнего мира, как всю бытующего современного, всюду снующего постмодернового, так и все еще действенного премодернового, ну и, само собой, каждого из наличествующих на Земле человек! И вовсе не случайно, что за валькирической Гретой последовал химерический COVID-19 с его фактически предсказанной Гретой (не девочкой, конечно, а вестью!) смертоносной пандемией. И оказалось вдруг, что передовой-де мир, давно уже зараженный антимиром, сам уже во многом антимир, оказался не то чтобы бессильным перед сей пандемией, хотя и не без этого, а бессильным перед... *самим собой!* А ведь феномен Греты, заметим, ни в какую гуманитарную науку не помещается, как, собственно, и весь нынешний мир с его роковым всемирным антимировым катаклизмом! И что примечательно: не науке довелось выверить и выправить скособоченный и обезумевший от нее же самой мир, а Грете вдруг удалось сей мир ненаучно выверить и бросить его вместе с наукой в бездны жернова!

19

Что говорить, забавно все это, как и все вообще гуманитарное в нынешнем мире, включая и те же гуманитарные войны, а не только выборы, опросы, рейтинги, коллаборации, диспуты, форумы, ток-шоу, теледебаты, партнерства, союзы, договоры, кибератаки, мошенничества, да мало ли еще что из вокруг даже не происходящего, а попросту сию моментно мелькающего! Да, забавно, как забавной оказалась Грета Тумберг, а потом и коронные летучие мыши, а потом и коронованная домохозяйка из Минска, гонимая в Лиге, сидя в Литве, всенародно избранного «Батьку», а потом... ах... не будем о «потом», ибо все это не только не смешно, а попросту и страшно: куда катится вполне просвещенный Просвещением и его Наукой передовой мир, зачем катится, по какому сценарию и чьему наущению, кроме, конечно, служащей этому вольно или невольно хай-топ-науки? Да и кто или же что правит ныне миром, да и правит ли или же просто, имитируя правление миром, странами, государствами, правит вполне заурядно лишь собой, оставляя миру одно лишь незаурядное неправление? Может ли вообще *кто* или *что* ныне чем-то, кроме себя, править, ставя большие цели и их достигая? Правление, как и политика — искусство невозможного, так есть ли оно — это искусство, или все уже свелось лишь к искусству возможного, точнее,

выдуманного, что как раз и есть inferнальное искусство направления? Мир, кажется, и в самом деле управляется теперь самим собою, делая правителей не более чем мешающими ему сценическими коллаборантами. Не забавно вовсе, но по-своему ведь интересно! Мир уже катится сам по себе, и его просто так не остановить, причем катится он по вектору антимировской перезагрузки с капитуляцией человека перед природой и сакралом с угрозой собственной самоликвидации. Искусственный с хай-техногронной начинкой мир — уже, мягко выражаясь, не совсем, человеческий, а, выражаясь покрепче, вовсе и не человеческий, как раз тот самый мир, который ни Земле, ни Богу, ни черту не нужен, а ежели чему и нужен, так это лишь Бездне или же столь же бездному Космосу. Человечество, судя по всему, въедет в этот *свой* же нечеловеческий мир, несмотря на предупреждения старых и новых метафизиков, как и сигналы от иных сил вроде той же немислимой Греты или той же невероятной коронавирусной пандемии. Остановиться, задуматься, понять, а там, глядишь, и что-то изменить, но кто, где, когда, как?

20

Весь передовой мир (и не только собственно Запад, но и все передовые наверх по всему остальному миру) захвачен ныне передельческой *цифрошизманией*, видя в ней не только новую производительность и бытийный комфорт, но и, что самое важное, главное средство... *спасения*... да, да, именно так — СПАСЕНИЯ!, причем ото всего гуманитарного сразу: от ущербности, от болезней, от невзгод, от забот, от смерти, но и, что особенно важно, от морали, от обязательств, от ответственности, и это не все — от думания, от знаний, от памяти, от мышления, в общем — от всего тяжкого, трудного, страдательного, давящего, а главное — от всего *собственно человеческого*! «Хошь, не хошь», а мир не просто станет *иным*, а попросту *перестанет быть собственно миром*: проект антихристовой мировой революции как раз на этом и завершится! Но произойдет это хоть и не в отдаленном будущем, но все-таки не завтра, хотя завтра уже все станет ясно — достаточно пережить пандемию и хорошенько оцифриться («оттопыриться», так сказать). А что тогда Россия, назначенная, несмотря на свою величавость, главной жертвой всемирного передельнического переворота: как в плане самого переворота, так и в аспекте живительных соков для глобального постмирового трупа? Россия должна сей знаменательный факт хорошо осознать, причем не кто-то в России, кто ни на что подобное не способен, а... *сама Россия*, причем не вследствие сказанного кем-то подходящего слова, а

трансцендентно-экзистенциально, — не только Россия должна, как известно, сосредоточиться на России, которая как раз и есть *сама-себе-идея* и *сама-себе-концепт*, как и главное для россиян... *вера*, да-да, именно так — ВЕРА! — *первая и последняя!* И ежели уж переделье в России или Россия в переделье, то ПЕРЕДЕЛЬЕ РОССИЙСКОЕ и в РОССИЙСКОМ же ПЕРЕДЕЛЬЕ! Осознать это, сидя в «Мерседесе» и мчась в свой загородный замок, как и блаженствуя на какой-нибудь благодатной европейской вилле, конечно, невозможно, да и не нужно, ибо уже не этим фигурантам небытия придется заняться ПРЕОБРАЖЕНИЕМ РОССИИ, а то, что это придется-таки делать — *факт!*, подтверждаемый и ежедневно усиливаемый новейшей гуманитарной (очень при этом разнообразной) войной против России, заставляющей не только ее саму сосредоточиваться, но и сосредоточивать на ней внимание, думы и дела самих россиян, их на это отмобилизовывать, во все уже не страшась вполне, кажется, уже возможной, если не необходимой, ЧРЕЗВЫЧАЙКИ!

И.В. ПШЕНИЦЫН

Русский мир и антимир цивилизаций*

Аннотация. В статье раскрывается исходящий из коренного различия территориальной и родоплеменной общин антагонизм русского мира, живущего народнохозяйственным укладом, и цивилизации, с ее классовыми общественно-экономическими формациями. Показывается невозможность постановки проблемы переделья России в рамках цивилизационной парадигмы. Предлагается иной, нецивилизационный (неэкономикоцентричный), критерий общественного развития, исходящий из накопления человеческого потенциала. Раскрывается активная роль природы Нечерноземья в становлении менталитета русского народа и в его антицивилизационном пути развития.

Ключевые слова: русский мир, глубинная Россия, хозяйство, отчуждение, цивилизация, экономика, земля, собственность, владение.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Пшеницын И.В. Русский мир и антимир цивилизаций // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 26—33.

Аннотация. В статье раскрывается исходящий из коренного различия территориальной и родоплеменной общин антагонизм русского мира, живущего народнохозяйственным укладом, и цивилизации, с ее классовыми общественно-экономическими формациями. Показывается невозможность постановки проблемы переделья России в рамках цивилизационной парадигмы. Предлагается иной, нецивилизационный (неэкономикоцентричный), критерий общественного развития, исходящий из накопления человеческого потенциала. Раскрывается активная роль природы Нечерноземья в становлении менталитета русского народа и в его антицивилизационном пути развития.

Keywords: the Russian world, deep Russia, khozyaystvo, substraction, civilization, economics, land, property, ownership

УДК 130.3, 394
ББК 60

Правильная постановка вопроса и есть его решение.

К. Маркс

Что написано, то забыто.

Русская народная мудрость

Можно ли в рамках цивилизации, техногенеза, экономики выразить глубину предстоящего переделья России? Если переделье включает разворот России к себе самой, к России коренной, глубинной, то цивилизационного подхода будет явно недостаточно для выражения сути таких процессов. Однако российские ученые вынуждены использовать цивилизационный подход, поскольку не видят ему альтернативы. Действительно, если Россия не цивилизация — то что? В соответствии с периодичностью развития общества, введенной Л. Морганом, цивилизация — высшая ступень после дикости и варварства, понимаемых как антицивилизация. Эту периодизацию Ф. Энгельс принял за основу и лишь дополнил ее коммунизмом как будущим бесклассовым обществом, основанным на общественной собственности. Исходя из данной концепции, невозможно отказаться от признания России цивилизацией, поскольку иначе она автоматически становится страной варваров, нецивилизированных недочеловеков. Такова безальтернативная сущность цивилизационного подхода.

Понимание современной России, суть и ход предстоящих в ней перемен, следует начать с принципиальной несовместимости народа с

его хозяйственным укладом и цивилизации как общественно-экономической формации.

Цивилизация основана на развитии экономики, порождающей отчуждение от природы, на отношениях собственности; т. е. на делении людей на своих и чужих, что порождает зависимость и рабство уже в кровнородственной общине и патриархальной семье. Вырастающий отсюда менталитет чужд народу глубинной России, которая возникла как крестьянская страна русского мира. Русский мир порождается народно-хозяйственным укладом, вырастает не из кровнородственной общины, а из территориальной самоуправляемой соседской общины и основан поэтому не на отчуждении от природы, а на сохранении мира, единства с ней. Урбанизация, цивилизация разрушают русский мир, и именно этот затянувшийся на столетия процесс, а не классовая борьба в ходе развития производительных сил и производственных отношений образует внутренний стержень российской истории.

Переделье России пойдет быстрее, если проблема судьбы России, глубинной корневой России будет правильно поставлена. Мир совсем не цивилизация, так же как хозяйство не экономика, народ не общество, труд не работа, а народнохозяйственный уклад не общественно-экономическая формация. Именно поэтому глубинная Россия с ее уникальной, народной по рождению и мировой по значению, культурой не западная цивилизация, и для ее понимания необходим не цивилизационный, не классовый подход, точно описывающий эволюцию стран Запада, а специфический для русского мира мирской подход накопления человеческого потенциала.

Однако в настоящее время популярна расширенная трактовка понятия «русский мир» как глобального, цивилизационного феномена, охватывающего 300 млн человек, говорящих по-русски и интересующихся русской культурой. Данная расширенная трактовка скрывает глубинный смысл понятия «русский мир», его антагонизм с западной цивилизацией. Понимание сложности предстоящего переделья России возникает с обращением к исторической специфике русского мира, уникальности его территориальной природосообразной общины, скрываемой признанием множественности миров, вроде западного мира, Древнего мира и т. д. и т. п.

Сложность проблемы усугубляется совпадением двух принципиально разных слов «мир», проявляющихся в различном ответе на вопрос: где? — «в миру» или «в мире». Цивилизованному прозападному либералу может даже показаться, что здесь грамматическая ошибка: в каком-то таком «миру», конечно, «в мире». В слове «мир» скрываются два

принципиально различных понятия, и не следует сводить их различие к смыслу одного слова. Можно вспомнить популярный на советских майских демонстрациях трудящихся лозунг, «миру мир», или приоткрыть «мир» самого известного романа мировой литературы «Война и мир», однако не следует сводить проблему переделья России к игре в слова.

Признавая принципиальное отличие мира от цивилизации, мы подрываем понимание самого принципа развития в обществе, представления о том, что является движением вперед. Цивилизационная парадигма исходит из роста производительности труда, увеличения материального богатства, проявляющегося в создании комфорта, росте городов, развитии государств, в культурном и искусственном прогрессе, одним словом, в экономикоцентричном развитии человечества. Да, цивилизация означает классовое расслоение и борьбу, но разве есть фактор, который мог бы переоценить все ее достижения и заявить о деградации общества в связи с развитием цивилизации. Что может заставить признать цивилизационный процесс регрессом, тупиковым путем развития, бессмысленным расходом человеческого потенциала? Есть только один довод против прогресса цивилизации, но довод убийственный. При всей нецивилизованности доисторических времен мозг человека приобрел современные размеры именно в те времена, а поскольку это не случайно, значит, он целиком был необходим человеку для той его жизни в миру. В городской же цивилизации в силу разделения труда и специализации, профессионализации человека целостный мозг ему не нужен, и он деградирует в экономического человека, работника и потребителя. А это приговор природы умелого и разумного трудящегося человека русского мира человеку оцивилизованному. С точки зрения эволюции человека цивилизация оказывается деградацией по сравнению с миром, но не с варварством, являющимся лишь прямым отрицанием цивилизации. А отрицание никогда не открывает истину, что бы ни отрицалось.

Цивилизационный подход исходит из отчуждения от природы и отношений собственности, неважно даже какой по форме, частной или общественной. В сознание прозападного человека понятие собственности абсолютизировано, что проявляется в понятиях первобытнообщинной и общенародной собственности. Проблема социальной справедливости, таким образом, разрешается в рамках изменения формы собственности, частной или общественной, т. е. в рамках отчуждения от природы, разрушающего мир.

Специфика цивилизационного подхода проявляется в понимании владения как атрибута собственности и торговли. Подлинное владение

основано не на отчуждении, а на единстве и духовном взаимопроникновении в мире, уничтожающем власть над объектом владения и порождающем мир. Поэтому в мире процветает безвластие, что в отцивилизованном сознании называется анархией, отсутствием отношений вертикального подчинения, на которых в цивилизации все удерживается. Поэтому в цивилизованном обществе безвластие или анархия — это утопия, вроде коммунизма Энгельса, к которому приходит цивилизация в результате спекулятивного отрицания отрицания в классовой борьбе. В русском мире безвластие не утопия, а реальность русской территориальной самоуправяемой соседской общины, основанной на жертвенной любви к земле, что интуитивно, подсознательно отстаивал перед западниками анархист М. Бакунин.

Действительно сложный для понимания русского мира вопрос заключается не в отрицании тупика цивилизации, социализма и коммунизма. Понимание русского мира начинается с особенностей уникальной по сложности хозяйствования с ней земли, владение которой русскому народу давало больше, чем мнимая личная свобода, поскольку именно землелюбие рождало в нем божью душу, придавало ему нестигаемую мощную волю, позволяло хранить тысячелетиями общинный уклад и соответствующие ему свойства труда, рождающего и обогащающего мир русского человека.

Трудовая деятельность имеет для человека два абсолютно равных по важности последствия: создание продукта и создание в самом человеке его внутреннего богатства, его одухотворение, единство действий, мыслей и чувств, означающее что человек и весь его мозг живет как единое целое в мире, и только поэтому человек не приспособливается, не специализируется, не вырождается, не деградирует, а развивается и усложняется как вид, как человек умелый и разумный. Какая же природа позволяет сберечь и развивать человека, накапливать его человеческий потенциал? Такая, в которой оба последствия его деятельности: и продукты для потребления, и духовное богатство человека соединяются в единое целое, порождая мир.

Для продолжения накопления возможностей человека, для обогащения народа, для сохранения русского мира необходима разнообразная и изменчивая, но не слишком благодатная природа, приносящая человеку достаточный продукт, только когда он приобретает духовное богатство, только если он много трудится, но мало работает, только если труд, порождая культуру, не превращается в рутину, которую можно вынудить исполнять раба. Именно такова уникальная природа центра

Русской равнины, нашего Нечерноземья, определяющая менталитет русского народа и мощь глубинной России.

Изменчивость природы коренной России уникальна. Только здесь на нашей планете в настоящее время реально существуют 12 месяцев различных не только по названию, а по соответствующим каждому из них природным условиям. Определяется это, прежде всего, тем, что интенсивность потока солнечного света, падающего на эту землю, каждый месяц существенно меняется. Кроме того, умеренно континентальный климат создает четыре равновеликих времени года, что и говорит о максимально возможной для Земли временной изменчивости русской природы, природы русского мира.

Кроме временной циклической изменчивости для природы русского мира характерна необычайная пространственная изменчивость, поскольку разнообразие в пределах шаговой доступности ландшафтов и соответствующих им почв здесь просто поражает. Буквально через каждый километр ландшафт существенно меняется. И каждый месяц все это пространственное многообразие становится иным. Изменчивое разнообразие природы Нечерноземья уникально. Человек, вырастающий в такой природе, получает мощное воздействие непрерывно изменяющихся световых, цветовых, звуковых, температурных, химических факторов на все его органы чувств и так со временем привыкает к этому разнообразию, что оказавшемуся в любом другом благодатном месте русскому человеку становится скучно, тоскливо жить, ему «всегда чего-то не хватает», а по сути, не хватает изменчивости и разнообразия уникально сложной для жизни родной природы.

При всем сложном богатстве земля русского мира сравнительно бедна на дары, особенно в зимнюю половину года, с ноября по апрель. И все это вместе делает эту землю ни с чем не сравнимым средством для обогащения внутреннего мира трудящегося человека, для сохранения общинного народнохозяйственного уклада, который цивилизованные европейцы считают исключительно диким, первобытным явлением. Невозможно приспособиться и стать частью этой природы, она слишком изменчива и богата возможностями, она не сужает человека, а расширяет сферу хозяйственного поведения и не создает нишу, которую человек мог бы занять, став ее частью. Эта незавершенность живущего с ней в мире народа, его неопределенность, его глубинность и неприспособляемость, сохранившая территориальную общину, мир и уклад, нашла отражение в уникальности синтетического русского языка и выражается в том, что на языке этого народа человек называет себя не именем существительным, «кто я?», а именем прилагательным, «какой я?» – русский,

прилагательным к народу, языку или миру. Такова важнейшая черта родной природы глубинной России, человек не деградирует в этой сложной для жизни природе до обретения им ниши национальности, этого финишного клейма на эволюции человека как вида, у русских, в их синтетическом языке, нет национальной ограниченности по отношению к себе как народу, они продолжают накапливать человеческий потенциал, они не окостенели до обретения эгоизма национальности, в них сохраняется жертвенная любовь. Глубинной России не нужен критерий национальной принадлежности человека, поэтому не важны и национальные, а по сути собственнические, интересы. Для здоровья народа важен народно-хозяйственный уклад, образующая его жертвенная любовь, которая исчезает с обретением эгоизма национальной принадлежности. Нация — это отнюдь не народ, а продукт отчуждения классового общества, элита которого стремится сохранять видимость единства общества для защиты собственности посредством внешней угрозы или же для захвата чужой собственности.

Ценность земли для мира человека состоит не в примитивном плодородии чернозема, а в необходимости создания с нею народно-хозяйственного уклада, в сохранении землей труда, как сохраняющей единство и целостность человека и обогащающей его деятельность. Полноту, сложность уклада образует многообразие видов хозяйственной деятельности, составляющих целостность. Землевладение в Нечерноземье представляет собой жизнедеятельность, включающую в себя в качестве необходимых моментов растениеводство, лесоводство, животноводство, птицеводство, пчеловодство, рыбоводство, садоводство, мелиорацию и много что еще, причем в комплексе, одновременно. Эта земля в силу изменчивости и разнообразия не позволяет человеку к себе приспособиться, поэтому он, естественно, не может освободиться от нее, она притягивает его, поскольку соответствует его внутренней универсальной природе человека умелого и разумного, обогащает его самого без высокого плодородия, так как не возникает излишков для разрушающей уклад коммерции.

Уникальное изменчивое многообразие русской природы порождает разнообразие необходимых для жизни народа видов деятельности и основанное на жертвенной любви особое единство людей, мир или территориальную общину, необходимым условием жизни которой является яркая индивидуальность личности каждого ее члена. В мире нет ни основанного на отчуждении западноевропейского родового индивидуализма, ни подавляющего волю личности восточноазиатского племенного коллективизма. Поэтому в глубинной России не возникало рабства

— атрибута любой цивилизации, основанного на родоплеменном отчуждении, делении ближних на своих и чужих. Более того, в русском мире, в территориальной общине не возникает даже иллюзии буржуазной личной свободы, которая, по сути, всегда основана на отчуждении от народа, но есть железная воля — как целостность и единство души и тела, духовная мощь, которую цивилизованные люди воспринимают как упрямство, тупость, упертость, несообразительность, неумение подстраиваться, некоммуникабельность и т. п.

Цивилизационные экономические критерии не подходят для русского мира, поскольку они оценивают реальность с точки зрения элиты и ее атрибута — собственности. Поскольку главной ценностью глубокой России является родная природа, а не собственность, то возводить фундаментальные на многие века здания и сооружения означает отбирать у будущих поколений самую главную ценность — землю; поэтому, кстати, дома в миру строились на срок жизни человека, чтобы будущие поколения на этой же самой земле могли возрождать свой мир, их нельзя было принуждать к обслуживанию до них созданного, и тем ограничивать в созидании своего мира, поскольку это самоуправляемое созидание, этот труд и делает их людьми. Но именно такое нарастающее ограничение объектами собственности возможностей детей осуществляют отчужденные от них родители в цивилизованном городском сообществе, полном эгоистической и потому мнимой любви. Отсутствие великих древних сооружений является не показателем отсталости, напротив, это явный показатель глубины народнохозяйственного уклада, абсолютной ценности единства с природой для накопления человеческого потенциала. Таким образом, все действительное богатство заключается в накоплении потенциала в человеке, обеспечиваемом единством поколений в территориальной общине, что оцивилизованной элите невозможно признать, поскольку такое богатство нельзя перераспределить, изъять, украсть или отнять, его даже нельзя передать, оно не является собственностью по природе.

Е.В. ЗАЙЦЕВА, П.С. ТОЛКАЧЕВ

**Региональные проблемы социально-экономического
развития России***

Аннотация. В статье представлен взгляд на экономику как на целостное явление. При этом духовные факторы являются первозначимыми для последующих материальных форм их реализации (в том числе на региональном уровне). Ставится вопрос поиска идеала общества — не в смысле его лучшего устройства, внешней организации, а духовно-нравственного.

Ключевые слова: экономика, национальная экономика, национальное государство, региональный аспект, высшие ценности, ценностный подход.

Abstract. The article presents a view of the economy as a holistic phenomenon. At the same time, spiritual factors are of primary importance for material forms (including at the regional level). The question is raised about the search for the ideal of society, not the external organization of society, but the spiritual and moral one. The real reason for the difficulties of regional policy is the absence of a national idea, an ideal of development in modern Russian society. The ideal is able to establish our entire national economy on moral principles and harmoniously unite all aspects of society (including regional components).

Keywords: economy, national economy, national state, regional aspect, higher values, value approach.

УДК 33.018: 33.012

ББК 65 в

Национальная экономика как целое

Прежде, чем анализировать региональные проблемы современной российской экономики, необходимо обозначить общие принципы

---

*Статья выполнена в рамках финансирования РФФИ проекта № 20-010-00578 «Моделирование оценки эффективного управления социально-экономическим развитием регионов России на основе искусственных нейронных сетей».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зайцева Е.В., Толкачев П.С. Региональные проблемы социально-экономического развития России // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 34—38.

построения национальной экономики. Тогда можно правильно указать место конкретной задачи исследования региональных отношений.

Любое общество, как и каждый человек в отдельности, всегда находится в состоянии развития. Это вызвано осознанием (на уровне и личности, и общества) своего несовершенства и естественным неприятием данного факта. Поэтому развитие человека и общества предполагает постоянное движение по направлению к своему совершенству, к достижению идеального состояния — идеала. Его содержание достигается высокими интеллектуальными и духовно-нравственными усилиями общества. И как показывает исторический опыт России, каждый раз, когда российский социум был вынужден искать новый идеал (в силу того что прежний исчерпал свой потенциал), его нахождение требовало длительного времени и значительных испытаний.

Найденный обществом идеал становится движущей силой развития. Он раскрывает высшую цель общественного процесса (и в духовном, и в материальном плане). Одновременно идеал становится критерием формирования организационной целостности общества, его иерархической структуры.

Организационная структура национальной экономики

Исходный анализ российской экономики (как и любой другой национальной экономики) предполагает ее рассмотрение в виде простой хозяйственной единицы. Это — экономика как целое. Она как единый организм совершает свое развитие. Как единое целое она движется к своему общественному идеалу, сохраняя на всем пути свое целостное состояние.

Будучи целостным явлением, экономика выполняет различные функции. Из них две суть важнейшие: первая — социальная, вторая — производственная. Последнюю в обиходе часто именуют термином «экономическая». А весь процесс обозначают как «социально-экономический» («социально-экономическое развитие»).

Исходной причиной как социальных, так и экономических результатов, параметров экономики и любой другой деятельности выступает духовно-нравственное состояние людей. В социальном аспекте параметрами национальной экономики выступают уровень и качество жизни населения, как материальные, так и нематериальные. В производственном отношении данных показателей гораздо больше. Это ВВП, производительность труда и качество продукции, уровень и качество производственных ресурсов, технологических процессов и т. д.

Экономика — сложное явление. Она обладает внутренней структурой. Поэтому после рассмотрения российской экономики как целого следует обратиться к анализу ее внутренней структуры.

Внутренняя организационная структура любой национальной экономики (в том числе и российской) включает в себя три иерархически связанных уровня: макро, мезо и микро (см.: [2]). Высшим выступает макроуровень. Мезоуровень занимает среднее положение. А микроуровень — нижняя часть национальной организационной структуры.

Формирование макроструктуры достигается благодаря взаимодействию всех членов общества с единым общественно-экономическим центром — государством. Государство обеспечивает прочную связь всех членов общества друг с другом. Именно через отношение с государством все граждане данной страны становятся единым национальным сообществом.

Отношение «государство — гражданское общество» является основным организационным отношением национальной экономики. Все последующие организационные структуры (мезоструктура и микроструктура) строятся внутри данной и наследуют ее свойства.

Хозяйственные показатели макроуровня национальной экономики — это те же показатели, что и для экономики как целого, но в контексте государственного фактора. Другими словами, показатели макроуровня должны не только характеризовать состояние экономики как целого, но одновременно раскрывать эффективность работы «центра», т. е. государственного аппарата и всей системы государственного экономического управления. Для современной российской экономики наиболее актуальным здесь является вопрос об избавлении страны от сырьевой модели развития.

Мезоструктура занимает средний уровень национальной экономики. Она складывается внутри макроструктуры и раскрывается в виде комплекса отраслевых, региональных и межотраслевых отношений. Субъектами здесь выступают отрасли и регионы, которые по отношению к «центру» (государству) обладают определенной хозяйственной свободой.

Далее мы более предметно рассмотрим проблемы региональных отношений в современной России.

Микроструктура — это наиболее подвижная и свободная часть национальной экономики. Она формируется внутри макро- и мезоструктуры и представляет собой взаимодействие хозяйственно в большей степени самоуправляемых юридических лиц — предприятий и

организаций. На микроуровне национальной экономики рыночная сфера приобретает наибольшую полноту.

Региональные проблемы современной российской экономики

Среди многочисленных проблем современной российской экономики региональные отношения занимают особое место. Огромная территория нашей страны, природное многообразие, многонациональный состав населения (200 национальностей) и многие другие факторы возводят региональные вопросы в ранг наиболее значимых с точки зрения социально-экономического развития России.

Известный специалист в области экономической географии профессор МГУ Н.В. Зубаревич, выступая 11 декабря 2019 г. в Совете Федерации, назвала семь наиболее острых социально-экономических проблем, которые ожидают нашу страну [3]. И все они имеют региональное звучание. Зубаревич представила их в следующем порядке: 1) демографическое «сжатие» и постарение населения; 2) устойчивый характер экономического неравенства регионов; 3) высокая концентрация экономики и доходов в Москве; 4) резкое снижение объемов инвестиций в российскую экономику и их территориальная (региональная) поляризация; 5) снижение доходов населения и их неравенство; 6) непрозрачная политика помощи регионам, которая не стимулирует региональное развитие; 7) несовершенство институциональных норм в отношении развития крупных городов и агломераций.

Все названные вызовы актуальны и требуют соответствующей и незамедлительной реакции со стороны органов государственного экономического управления.

Однако дело заключается не только в наличии указанных выше негативных обстоятельств. Действительной причиной сложившейся в сфере региональной политики ситуации выступает отсутствие в современном российском социуме общенациональной идеи — идеала развития. Именно последний способен утвердить всю нашу национальную экономику на нравственных началах и гармонично объединить все стороны жизни общества (в том числе региональные компоненты) [1].

Территориальное многообразие страны — наше преимущество. Это, например, фактор установления более прочных связей. Если же не видеть этого преимущества, считать неприбыльные регионы лишь нагрузкой для экономики в целом, то источник укрепления становится источником проблем.

Отношения межрегиональные не могут быть рыночными. В качестве альтернативы предлагаем межрегиональное индикативное

планирование с участием основных экономических субъектов. А также культурно-просветительские мероприятия, поскольку экономические прочные отношения строятся на отношениях между людьми, а основным связующим звеном выступает общий идеал, или понимание духовно-нравственного совершенства.

Литература

1. Зайцева Е.В., Толкачев П.С. Вектор развития российской цивилизации // *Философия хозяйства*. 2020. № 5. С. 77—93.
2. Зайцева Е.В., Толкачев П.С. Социально-экономическое развитие России: проблемы, перспективы, региональный аспект // *Философия хозяйства*. 2019. № 6. С. 46—59.
3. Россия вымирает: экономист назвала семь главных угроз для регионов (2019): [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/10/01/2020/5e1856009a794710ca6d2a87 (дата обращения: 12.12.2020).

References

1. Zajceva E.V., Tolkachev P.S. Vektor razvitiya rossijskoj civilizacii // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 5. S. 77—93.
2. Zajceva E.V., Tolkachev P.S. Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, perspektivy, regional'nyj aspekt // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 6. S. 46—59.
3. Rossiya vymiraet: ekonomist nazvala sem' glavnyh ugroz dlya regionov (2019): [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/10/01/2020/5e1856009a794710ca6d2a87 (data obrashcheniya: 12.12.2020).

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.Н. ИВАНОВА, К.И. КОЛТУНОВСКИЙ

**Экономика совместного потребления
как сфера инновационной деятельности***

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации инновационных проектов в рамках экономики совместного потребления. Особое внимание уделено трансформации социальных отношений в условиях правовых особенностей такого типа хозяйствования. Приведен анализ ряда реализованных проектов, в которых социальные отношения претерпевают значительные негативные воздействия как вследствие неизбежной неопределенности прав собственности и прав пользования при совместном потреблении, так и из-за различий в стратегических целях со стороны вовлеченных в такую совместную деятельность потребителей. Приведены иллюстрации положительного воздействия сферы совместного потребления на институциональную среду. Сделан вывод о том, что при совместном потреблении риски инновационных проектов смещаются в область социальных отношений, что обуславливает повышенную значимость последних в итоговых хозяйственных результатах.

Ключевые слова: экономика совместного потребления, инновационные риски, саморазвитие, прямые и обратные связи, правовые отношения, социальные отношения, инновационная деятельность, институциональная среда, фундаментальные противоречия.

Abstract. The article is devoted to the implementation of innovative projects in the framework of the economy of shared consumption. Special attention is paid to the transformation of social relations in the context of legal features of this type of business. The analysis of a number of implemented projects in which social relations undergo significant negative impacts, both due to the unavoidable uncertainty of property and use rights in joint

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Теоретические и методологические основы экономики совместного потребления и возможности ее реализации в РФ» № 20-010-00180 «а».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иванова В.Н., Колтуновский К.И. Экономика совместного потребления как сфера инновационной деятельности // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 41—55.

consumption, and due to differences in strategic goals on the part of consumers involved in such joint activities. Illustrations of the positive impact of the sphere of shared consumption on the institutional environment are given. It is concluded that with joint consumption, the risks of innovative projects shift to the area of social relations, which causes the increased importance of the latter in the final economic results.

Keywords: the economy of shared consumption, innovation risks, self-development, direct and figurative connections, legal relations, social relations, innovation, institutional environment, fundamental contradictions.

УДК 316.472:316.613
ББК 60.54

Экономика совместного потребления (ЭСП) — не что иное, как современный подход к повсеместной мобилизации имеющихся на текущий период национальных внутренних ресурсов экономики России. В том числе с использованием всех возможностей от участия в международных экономических отношениях. Основной целью такого взаимодействия должно стать стимулирование совокупного спроса как ключевого фактора экономического развития. Это предполагает развитие институциональной структуры, создание условий для формирования инновационной компоненты в составе экономики России, а также обеспечение условий для адаптации лучших зарубежных практик к национальным условиям. Если же рассматривать ЭСП как масштабную инновационную инициативу в рамках мировой экономики, а конкретные формы ее реализации — как частные инновационные проекты, то неизбежно потребуются применение самостоятельной обобщающей инновационной теории. А вот ее-то на сегодняшний день и не существует как таковой [6]. В частности, отсутствует методология анализа социальных отношений в моделях ЭСП. Как будет показано далее, именно *социальные отношения в рамках реализации моделей ЭСП являются ключевыми и для понимания причин успешности того либо иного подобного проекта, и для выявления издержек конкретного проекта.*

Согласно подходу Й.А. Шумпетера [12] к вопросам инноваций, последние являются двигателями технического прогресса, обеспечивая реализацию экстернального эффекта [10], т. е. эффекта «вовне», когда появившиеся в какой-то сфере вследствие инноваций новая технология или новое качество товара неизбежно влияют на хозяйственную деятельность в смежных областях. Шумпетер также отмечает, что за любое

революционное начинание, т. е. за любую инновацию, приходится расплачиваться определенными издержками. Чаще всего упоминают нередко приводящее к банкротствам неизбежное снижение рентабельности у консервативной части предпринимателей, которым новые инновации оказываются по разным причинам недоступны. Но это еще полбеды. Основные издержки уже для экономики страны, а то и мира в целом — это повышение стоимости ресурсов, которое приводит к так называемой инфляции эволюционного типа [8]. В свою очередь, вследствие неконвертируемости валют большинства стран такая инфляция приводит к необходимости со стороны развивающихся стран платить технологическую ренту странам развитым. Одна из конкретных форм такой оплаты технологической ренты — формирование миллиардных золотовалютных резервов развивающимися странами [3, 184].

Что касается феномена ЭСП, то очевидно, что любой инновационный проект, связанный с этой формой хозяйствования, будет чреват шумпетерскими издержками. Конечно, при этом надо иметь в виду, что эти самые издержки порой сторицей окупаются за счет снижения финансовых рисков, издержек ресурсных, логистических, управленческих и т. п. Но оказывается, что у ЭСП появляется новый вид издержек — усиление социальной конфликтности и социальной напряженности в коллективах, реализующих такое потребление. Поэтому итоговые риски инновационных проектов смещаются в область социальных отношений. Ниже попробуем это проиллюстрировать на конкретных примерах и практиках ЭСП. Но сначала рассмотрим понятийный и методологический аппарат инновационных рисков.

Поскольку инновационная деятельность традиционно выделяется в качественно новую форму производственных процессов и производственных отношений вследствие реализации в рамках ее экстернального эффекта, то логично было бы ожидать, что и риски такой деятельности будут носить качественно отличные свойства по сравнению с рисками традиционной деятельности, т. е. отличаться от рисков инвестиционных, в качестве которых рассматривается ожидаемое значение случайной величины и вариации (дисперсии) той же самой случайной величины. Это понятие как раз и принимается здесь за меру риска [1; 5]. Последние характеризуют успешность того либо иного проекта в зависимости от обеспеченности его ресурсной базой — как в количественном отношении, так и во временном. Тем более что в последнее время тот самый экстернальный эффект, который выявлен Шумпетером, значительно расширился за счет перехода экономики многих стран на

постиндустриальный тип производства — со значительным элементом производства знаний как специфического товара, который сам по себе является нерастрчиваемым ресурсом.

Поскольку в настоящее время отсутствует единая инновационная теория [6], то естественно отсутствует и качественное различие между используемыми на практике инвестиционными и инновационными рисками. В частности, инновационные риски понимаются как расширение рисков инвестиционных с добавлением в структуру последних операционных рисков и рисков коммерческих.

Последние два термина — операционные риски и риски коммерческие — целесообразно было бы более точно идентифицировать в соответствии с их фактическим пониманием, т. е. риски управленческие и риски контрактно-правовые. При такой терминологии риски, называемые инновационными, являются типично ресурсными рисками и могут быть отнесены к рискам инвестиционным [16]. Тогда что же понимается под инновационными рисками в большинстве научных публикаций? Оказывается, если проанализировать те признаки, по которым в настоящее время классифицируются инновационные риски, то «...все имеющиеся признаки носят либо временной характер, либо привязаны к направлению инновационной деятельности организации, но они не ориентированы на те факторы и возмущения, которые конкретно приводят к инновационному риску, т. е. нет ориентации на причины формирования риска, тогда как классифицируются риски по результату его проявления на практике» [7].

По сути дела, инновационной составляющей в рисках, которые классифицируются как инновационные, просто нет. А какая же она должна быть, хотя бы функционально, чтобы с ее помощью можно было бы локализовать и своевременно обнаружить такие инновационные риски? Ведь здесь мало знать достаточно размытые общие признаки и временные параметры, необходимо учитывать специфику возмущения [7]. Ответ здесь простой — следует в первую очередь привязать инновационные риски к явлению собственно *саморазвития*. Ведь именно оно — как аналог цепной реакции в физике — определяет ту самую инновационность с ее экстернальным эффектом.

В работе одного из авторов предложена модель динамики инновационного развития, где процесс саморазвития описывается системой однородных дифференциальных уравнений первого порядка, а коэффициенты при переменных в первых степенях соответствуют интенсивностям обратных социально-экономических связей [5]. Последние как раз

и ответственны за процессы саморазвития. Анализ указанной математической модели показал, что условием запуска процесса саморазвития в инновационной деятельности является знак комплексной величины, сформированной из коэффициентов при переменных в первых степенях. В частности, для системы двух уравнений этим комплексом является дискриминант однородной системы дифференциальных уравнений, который должен быть меньше нуля. Только тогда произойдет запуск процесса саморазвития. При этом модуль дискриминанта можно рассматривать как величину инновационного риска.

Анализ подходов по моделированию инновационного развития, в частности, модели инновационного типа экономического роста [11], демонстрирует всего лишь попытку моделирования процесса саморазвития через пошаговую запись уравнений баланса материальных и интеллектуальных ресурсов совместно с величинами объема производства. При этом даже методологический подход по выявлению рисков такого инновационного развития не проясняется. Успешность описываемого данной моделью развития определяется всецело выделяемыми по результатам каждого расчетного шага ресурсами из общего, произведенного за предыдущий шаг, в частности, объема. Поэтому указанный модельный подход не может быть распространен на явления саморазвития.

Риск запуска либо незапуска процесса саморазвития не является единственным риском для инновационной деятельности. Ведь неизбежно должен существовать и риск торможения саморазвития до полной остановки его. Кроме того, модель однозначно показала, что институциональная среда, с которой ассоциируются прямые связи, напрямую не влияет на указанный инновационный риск. Тем не менее взаимовлияние прямых и обратных связей существует, но оно не детерминировано ни функционально, ни количественно. При этом обратные социальные связи первоначально формируются как по своей структуре, так и по своим механизмам, с одной стороны, на основе фундаментальных цивилизационных противоречий [4], а с другой — на основе социальных инноваций предыдущего периода. А величины интенсивностей таких связей как при запуске инновационного проекта, так и при его дальнейшем развитии и завершении определяет уже существующая на тот момент институциональная среда.

Знак обратных социальных связей может быть как положительным, так и отрицательным. Относительно положительных форм приведем цитату Ю. Павленко: «Гегелю удалось выявить и проследить диалектическую связь между индивидуальной свободой и

взаимозависимостью людей и сословий в обществе, указать на важнейшую роль государства в процессе *гармонизации интересов в обществе*. Другими словами, стремление к самоорганизации людей в сообщества — их сущностное стремление, поскольку сообщества позволяют преодолеть противопоставление свободы и необходимости, солидарности и эгоизма» [9, 98]. В этом плане объединение людей в сообщество под эгидой ЭСП и есть именно та положительная тенденция (в нашем контексте — обратная социальная связь), на которой базируется успешность начинаний инновационных проектов в рамках ЭСП [9].

Для иллюстрации воспользуемся гипотетическим примером. Пусть, согласно шумпетеровскому сценарию, один предприниматель-инноватор реализовал такое новшество, что оказался единственным монополистом абсолютно во всех сферах экономики. В этом случае все остальные предприниматели, которые, по Шумпетеру, признаются консерваторами, просто разоряются, так как монополист может диктовать всем любые условия для экономического взаимодействия. Но в итоге этот новатор-монополист и сам должен разориться, так как его товар уже никому будет покупать.

Может показаться, что такой сценарий и с новаторской технологией, и с развитием событий вплоть до катаклизма просто невозможен, однако это не так. Все это не только возможно, но уже и реализовано на практике в мировых масштабах — через Федеральную резервную систему (ФРС) США. Именно эта система в настоящее время обладает тем печатным долларом станком, который как своеобразная инновация абсолютно доминирует на мировом валютном рынке и способна стать источником мирового же хаоса [2]. Причем такое доминирование было реализовано не сразу, т. е. первоначально финансовая архитектура отнюдь не предусматривала совместное потребление доллара как практически единых мировых денег. Это все происходило постепенно — сначала был крах Бреттон-Вудской системы организации денежных отношений между странами, потом практически выхолащивание пришедшей ей на смену Ямайской валютной системы и, как итог такой эволюции, — повсеместное доминирование доллара в международных расчетах. А поскольку такой итог не предусматривался заранее, то и правовые нормы не оговаривались ни тогда, ни впоследствии. Так что расхождение хозяйственной практики и законодательных норм в данном случае реализовывалось постепенно.

Остановимся на этом характерном примере инновационного развития, т. е. захвата со стороны США роли монетарного монополиста при

отсутствии какого-либо формального обеспечения эмитируемой ими национальной валюты, более подробно по двум причинам. Во-первых, этот пример явно указывает, что у инновационного развития есть проблемы не только с его запуском по сценарию саморазвития, но и с итоговим схлопыванием такого процесса; во-вторых, он является иллюстрацией совместного потребления и связанных с таким потреблением проблем.

В том, что рано или поздно мировая финансовая архитектура, построенная на долларовой подпитке, должна рухнуть, как и сами США как сверхдержава, мало кто сегодня сомневается [13]. Но вот что обрушение этой архитектуры может начаться с самих США, и именно со стороны ее социальной сферы, — это было неожиданностью для всего мира. Здесь имеются в виду масштабные протесты почти во всех крупных городах штатов страны [19].

Основная причина этого, если не считать пандемию коронавируса в качестве инициатора накопившихся противоречий, — это злоупотребление неограниченными финансовыми возможностями по дотационной политике малообеспеченных слоев населения, в основном афроамериканцев. Такие дотации привели к практически отказу трудиться и к паразитическому образу жизни большой прослойки черного населения, и к взрывному росту внутри этой прослойки преступности. Так, по статистике, на душу населения афроамериканцев в США приходится в 50 раз (!) больше преступлений, чем на душу населения белых. И этот социальный конфликт вылился в уличные беспорядки гораздо раньше, чем ожидалось падение фондовых рынков из-за начавшейся дедолларизации мировой экономики.

Все это иллюстрирует тот факт, что инновационные начинания в виде ЭСП внутри мировой финансовой архитектуры породили разрывы между хозяйственной практикой, с одной стороны, и институциональной средой на уровне стран, с другой. Но поскольку финансовая архитектура смогла пока как-то приспособиться все к новым и новым реалиям, то социальная среда как среда более консервативная такой гибкости не имеет, поэтому мы и наблюдаем такие всплески и насилия, и протестов порой без конкретно провозглашенных требований.

Таким образом, риски при инновационной деятельности со временем неизбежно смещаются в область социальной сферы. И именно со стороны этой сферы могут начаться кризисные проявления в развитии ранее запущенной успешно инновации. Но, как известно, правил без исключений не бывает. Редко, но порой бывает все с точностью до

наоборот. В таких случаях значительные противоречия социального плана уже существуют длительное время внутри какого-то сообщества (отдельного коллектива, конгломерата коллективов, этнических групп, целых стран), и ликвидировать либо затушевать такие противоречия порой не удастся на протяжении десятков и сотен лет. И тут появляется идея возможности реализовать волевым решением внутри этого конфликтующего сообщества одну из форм совместного потребления, тем самым как бы разорвать замкнутый круг, когда конфликты не позволяют наладить сотрудничество, а без сотрудничества нельзя изжить конфликтность.

Именно такое решение было реализовано в условиях существования более 200 лет конфликтности между населением Парагвая и Бразилии через строительство совместной плотины и гидроэлектростанции (ГЭС) на реке Парана [17]. Эта ГЭС является второй по величине в мире и имеет протяженность собственно тела плотины, названной плотиной Итайпу, 7235 м при высоте 196 м. Но самое главное — ею владеет Парагвайско-Бразильская компания. Плотина стоит на пограничной между Парагваем и Бразилией реке Парана, и электроэнергией она снабжает и ту, и другую страну. Здесь не было бы ничего удивительного — такие совместные проекты не редкость, если бы не один нюанс — более 200 лет назад, во время Великой парагвайской войны, Бразилия практически уничтожила все мужское население Парагвая, разорив всю страну и откинув ее экономику на сотни лет назад [15]. И эта негативная память у парагвайцев оставалась все эти 200 лет глубоко в сердцах. Но вот через такое совместное владение энергоресурсами в настоящее время налаживаются и хозяйственное взаимодействие между двумя этими странами, и взаимопонимание между народами Парагвая и Бразилии. И именно через ЭСП стало возможным разорвать заколдованный круг недоверия и вражды между социальными большими и малыми группами.

Специфика ЭСП обладает на практике особенностями, которые априорно порой бывает трудно предвидеть. Именно поэтому важен анализ практически уже реализованных проектов по ЭСП. Далее рассмотрим один из них — из области совместного использования международной космической станции (МКС). Хотя ЭСП иногда и кажется совершенно новым видом хозяйствования, но, как мы видим, подобная практика на международном уровне была реализована уже давно. И поэтому ее уже можно анализировать с учетом достаточно широких временных рамок и последствий.

В конце августа 2018 г. на борту МКС обнаружили разгерметизацию из-за отверстия в корпусе, высверленного изнутри. Есть много версий случившегося, но ни одна из них так официально и не была представлена для российской общественности. «Все дело в том, что российская МКС как бы и не совсем российская. ...Почти все расходы станции оплачивает американская сторона, которая потратила уже больше 300 миллиардов долларов на содержание международной станции. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. По сути, американцы уверены, что станция принадлежит им, раз они намного больше платят, чем те 15 стран, включая Россию, которые участвуют в программе МКС» [18].

Таким образом, как бы ни был высок уровень информированности общественности, если что-то ей не положено знать — она никогда этого не узнает. Эта ситуация показывает, насколько глубокими могут быть конфликты интересов сторон, участвующих в ЭСП. И более того — конфликты, основанные на правах собственности и финансовых вкладах сторон, особенно ярко проявляются через социальные отношения. В качестве первопричин же конфликтности ситуации на МКС выступают межгосударственные противоречия между США и РФ на фоне инновационных совместных начинаний — совместного освоения космоса. Конкретным же поводом для конфликта стало подозрение на тромб в шейной артерии у женщины-космонавта — американского бортинженера, которая попыталась разными способами срочно вернуться на Землю. Институциональная же среда при этом сильно осложнена из-за глобального системного кризиса.

Не последнюю роль в обострении социальных отношений на МКС сыграли и различия в отношении к имуществу, находящемуся в совместном пользовании со стороны представителей американской и российской сторон. Традиционно россияне ценят общее (государственное) имущество более, чем, например, собственное благополучие и здоровье, чем те же самые представители англосаксонского мира. Тому может служить пример из истории Второй мировой войны — судьба конвоя PQ-17 [14], направлявшегося летом 1942 г. в советские порты Мурманска и Архангельска из залива Хвальфьорд, расположенного на северо-западе Исландии. В его состав входило 40 транспортных и вспомогательных судов, а, кроме того, 21 корабль в составе эскорта конвоя. Маршрут его лежал через Атлантику с грузом военного снаряжения, поставляемого по ленд-лизу СССР со стороны союзников — США и Великобритании. Тогда советские экипажи, рискуя жизнями и борясь за

живучесть судов, все же до последнего пытались спасти доверенные им транспортные средства и грузы, тогда как союзные экипажи тут же их покидали и топили, хотя повреждения на них были совсем незначительные. Этот конвой также можно рассматривать как реализацию ЭСП в условиях войны. Ведь война, как писал К. фон Клаузевиц, *есть не что иное, как продолжение политики (а политика осуществляется в интересах все той же экономики), с привлечением иных средств*. Социальные же отношения в условиях такого специфического совместного потребления проявлялись опосредованно — через отношение экипажей транспортов к перевозимому ими имуществу.

Исследование социальных отношений в узкой среде, функционально связанных с инновационной деятельностью, позволяет выявить две их особенности: такие социальные отношения определяются экономическими, связанными с политическими, предпосылками их возникновения — и в прошлом, и в настоящем. Кроме того, подавляющая часть таких отношений носит негативный характер по отношению к конкретному индивиду, вовлеченному в любую коллективную хозяйственную деятельность, в частности, в инновационную. Подтверждение этих постулатов следует из социальных отношений в наукоемкой области — фундаментальных исследований в современной России.

Особенность социальных отношений в рамках инновационных проектов ЭСП состоит в том, что вследствие отсутствия жестких финансовых и имущественных рамок в таких сугубо совместных проектах, неизбежно возникающие конфликтные социально-экономические ситуации часто не подлежат огласке даже внутри коллективов, а сами эти конфликты не находят должного публичного анализа и практически замыкаются на непосредственных исполнителях. Это, в свою очередь, является как раз тем механизмом, согласно которому институциональная среда, отождествляемая нами как прямые социально-экономические связи, отрицательно влияет на интенсивность обратных социальных связей в процессе реализации такого проекта. Таким образом, новые инновационные формы и методы ведения хозяйства, такие как расширенная информатизация, цифровизация экономики и сама ЭСП, способствуют, с одной стороны, самоорганизации такой хозяйственной деятельности, позволяя реализовывать экстернальный эффект в смежных областях, с другой стороны, не только появлению новых инновационных рисков, но и перераспределению таких рисков между экономической сферой и сферой социальной. При этом социальная составляющая инновационных рисков только усиливается. В этом состоит как раз методологическая

особенность указанных инновационных преобразований экономики, которые следует учитывать при прогнозировании запуска того либо иного инновационного проекта на основе критерия реализации его саморазвития.

Инновационная деятельность как деятельность, направленная на реализацию экстерналистского эффекта в хозяйственной системе, предполагает наличие в этой системе прямых и обратных связей как экономического, так и социального вида. Их не надо путать с внутренними деловыми связями между индивидами в коллективе. Если обратные социальные связи, возникающие в результате разработки нового инновационного продукта, реализуются в самом коллективе разработчиков, то обратные экономические связи реализуются в виде экстерналистского эффекта вне такого коллектива [5]. Прямые связи, воздействуя на сам процесс инновационного творчества, предполагают, что такое воздействие не влияет на сам источник этих связей, т. е. обратного воздействия нет. Обратные же связи предполагают воздействие результатов инновационного творчества (в том числе и промежуточных) на его интенсивность. При этом как прямые, так и обратные связи могут быть и положительными, и отрицательными. Положительные виды связей способствуют самоорганизации инновационного процесса, а отрицательные — его тормозят. Инновационные же риски, представляющие собой комплекс обратных связей того либо иного знака, идентифицируют возможность либо невозможность запуска инновационного проекта с элементами саморазвития. И именно саморазвитие понимается как необходимый атрибут собственно инновационного развития по типу цепной реакции.

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, одной из форм экстерналистского эффекта, реализуемого в процессе инновационной деятельности, является накапливающееся *расхождение между вновь появляющимися хозяйственными практиками и состоянием институтов гражданского общества*, в том числе институциональной средой. А поскольку институциональная среда более консервативна и для своего изменения требует большего времени, чем те же хозяйственные структуры, то именно социальные отношения оказываются критическими для инновационного развития.

Во-вторых, специфика ЭСП как инновационного проекта в рамках эволюции экономических форм ведения хозяйства чаще всего *априори ставит во главу угла именно такое расхождение* между институтами гражданского общества и хозяйственной практикой, на основе которого и реализуются уже частные инновационные начинания в самых

разных сферах экономики. Такое предварительное опережение еще сильнее акцентирует роль социальных отношений в условиях ЭСП. При этом инновационные риски, в состав которых входят как экономические, так и социальные факторы через механизмы обратных связей, неизбежно смещаются в область социальных отношений уже в самом начале реализации инновационных проектов.

В-третьих, практика реализации хозяйственных форм ЭСП показывает, что конфликтность в сфере социальных отношений, как правило, не находит и не может найти адекватного разрешения, а *издержки таких социальных рисков ложатся на плечи непосредственных исполнителей* и в таком виде консервируются внутри новаторских коллективов. В то время как риски чисто экономического плана с успехом бывают компенсированы значительными в этих условиях хозяйственными успехами.

В-четвертых, установка на превентивное расхождение между формами экономического взаимодействия и состоянием институциональной среды в условиях реализации ЭСП *дает принципиальную возможность разорвать своего рода порочный круг*, когда, с одной стороны, застарелые формы институционального наследия в виде негативного социального опыта порой не позволяют в рамках традиционных подходов реализовать совместные масштабные хозяйственные проекты, а с другой стороны, чтобы ликвидировать такое наследие, как раз и следует налаживать именно совместное хозяйственное взаимодействие.

И, наконец, в-пятых, с целью успешной реализации инновационных проектов, в том числе в рамках ЭСП, необходимо разработать механизмы компенсации неизбежно появляющихся в этих условиях социальных рисков. При этом такие механизмы, купирующие социальные конфликты, не должны нивелировать индивидуальность как отдельных личностей, так и коллективов в целом, чтобы не было при этом утраты творческой инициативы, столь актуальной при реализации инноваций.

Литература

1. *Братищева Е.Н.* Нелинейный оптимальный портфель с долями портфельных и прямых инвестиций // Управление финансовыми рисками. 2020. № 1 (61). С. 62—69.
2. *Був М.* Предсказанный хаос // Ведомости. 2017. 23 янв. С. 7.
3. *Дрогозов П.А., Братищева Е.Н.* Применение методов портфельной оптимизации в системе управления высоколиквидными

государственными активами // Аудит и финансовый анализ. 2019. № 6. С. 184.

4. *Иванов Н.А., Павлычева А.А.* Перестройка глобальной финансовой архитектуры как результат динамики фундаментальных цивилизационных противоречий // Вопросы новой экономики. 2016. № 4 (40). С. 48—55.

5. *Иванова В.* Математическая модель оценки устойчивости и динамики инновационной деятельности // Общество и экономики. 2019. № 2. С. 43—63.

6. *Иванова В.Н.* Теоретические подходы к анализу инновационной деятельности // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 4. С. 48—55.

7. *Коновалова О.В.* Современные подходы классификации инновационных рисков // Вестник университета. 2015. № 9. С. 59—65.

8. *Маевский В.* Эволюционная теория и технологический прогресс // Вопросы экономики. 2001. № 11. С. 4—16.

9. *Павленко Ю.* Современное гражданское общество // Вопросы экономики. 2008. № 10. С. 96—107.

10. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 4—27.

11. *Сухарев О.С., Шманёв С.В.* Модель инвестиций в интеллектуальные системы экономики // Инвестиции в России. 2005. № 11.

12. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М.: Директ Паблишинг, 2008.

13. *Васильев В.* «Индекс небоскреба» в прогнозировании экономических кризисов: [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/economy/26-11-2019/globalnyy-finansovyy-krah-ozhidaem-v-noyabre-2020-goda> (дата обращения: 14.09.2020 г.).

14. Гибель конвоя PQ-17: [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/3046-gibel-konvoya-pq-17.html> (дата обращения: 15.09.2020 г.).

15. Историческая бойня в Парагвае. Великая парагвайская война 1864 — 1870: [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5ad48eabc3321b731d246c3d/istoricheskaja-boinia-v-paragvae-velikaia-paragvaiskaia-voina-1864-1870-5bec5075cbc7fd00aa1024ee?utm_source=serp (дата обращения: 08.09.2020 г.).

16. Классификация инновационных рисков: [Электронный ресурс]. URL: <https://lektsii.org/16-18165.html> (дата обращения: 08.09.2020 г.).

17. Плотина Итайпу. Крупнейшая ГЭС в мире: [Электронный ресурс]. URL: <https://lifeglobe.net/entry/1281> (дата обращения: 08.09.2020 г.).

18. Почему астронавт-ка-зломышленница просверлила дырку в МКС, а ей это сошло с рук?: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/wayfarer/pochemu-astronavtkazloumyshlennica-prosverlila-dyrku-v-mks-a-ei-eto-soshlo-s-ruk-5e3003211ee34f00ae1a95ba> (дата обращения: 08.09.2020 г.).

19. Сизов С. Реальная причина протестов черных в США: стремление к доминированию и безнаказанности: [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/sergei_sizov_omsk/realnaia-prichina-protestov-chernyh-v-ssha-stremlenie-k-dominirovaniu-i-beznakazannosti-5f43584cb7d0fb2734b5c2d6 (дата обращения: 08.09.2020 г.).

References

1. *Bratishcheva E.N.* Nelinejnyj optimal'nyj portfel' s dolyami portfel'nyh i pryamyh investicij // *Upravlenie finansovymi riskami*. 2020. № 1 (61). S. 62—69.

2. *Buev M.* Predskazannyj haos // *Vedomosti*. 2017. 23 yanv. S.7.

3. *Drogovoz P.A., Bratishcheva E.N.* Primenenie metodov portfel'noj optimizacii v sisteme upravleniya vysokolikvidnymi gosudarstvennymi aktivami // *Audit i finansovyj analiz*. 2019. № 6. S. 184.

4. *Ivanov N.A., Pavlycheva A.A.* Perestrojka global'noj finansovoj arhitektury kak rezul'tat dinamiki fundamental'nyh civilizacionnyh protivorechij // *Voprosy novej ekonomiki*. 2016. № 4 (40). S. 48—55.

5. *Ivanova V.* Matematicheskaya model' ocenki ustojchivosti i dinamiki innovacionnoj deyatel'nosti // *Obshchestvo i ekonomiki*. 2019. № 2. S. 43—63.

6. *Ivanova V.N.* Teoreticheskie podhody k analizu innovacionnoj deyatel'nosti // *Social'naya politika i sociologiya*. 2019. T. 18. № 4. S. 48—55.

7. *Konovalova O.V.* Sovremennye podhody klassifikacii innovacionnyh riskov // *Vestnik universiteta*. 2015. № 9. S. 59—65.

8. *Maevskij V.* Evolyucionnaya teoriya i tekhnologicheskij progress // *Voprosy ekonomiki*. 2001. № 11. S. 4—16.

9. Pavlenko YU. Sovremennoe grazhdanskoe obshchestvo // Voprosy ekonomiki. 2008. № 10. S. 96—107.
10. Polterovich V., Popov V., Tonis A. Mekhanizmy «resursnogo proklyatiya» i ekonomicheskaya politika // Voprosy ekonomiki. 2007. № 6. C. 4—27.
11. Suharev O.S., SHmanyov S.V. Model' investitsij v intellektual'nye sistemy ekonomiki // Investicii v Rossii. 2005. № 11.
12. SHumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. M.: Direkt Publishing, 2008.
13. Vasil'ev V. «Indeks neboskreba» v prognozirovanii ekonomicheskikh krizisov: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://newizv.ru/news/economy/26-11-2019/globalnyy-finansovyy-krah-ozhidaem-v-noyabre-2020-goda> (data obrashcheniya: 14.09.2020 g.).
14. Gibel' konvoya PQ-17: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://topwar.ru/3046-gibel-konvoya-pq-17.html> (data obrashcheniya: 15.09.2020 g.).
15. Istoricheskaya bojnya v Paragvae. Velikaya paragvajskaya vojna 1864 — 1870: [Elektronnyj resurs]. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5ad48eabc3321b731d246c3d/istoricheskaja-bojnia-v-paragvae-velikaia-paragvaiskaia-vojna-1864-1870-5bec5075cbc7fd00aa1024ee?utm_source=serp (data obrashcheniya: 08.09.2020 g.).
16. Klassifikaciya innovacionnyh riskov: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://lektsii.org/16-18165.html> (data obrashcheniya: 08.09.2020 g.).
17. Plotina Itajpu. Krupnejshaya GES v mire: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://lifeglobe.net/entry/1281> (data obrashcheniya: 08.09.2020 g.).
18. Pochemu astronautka-zloumyshlennica prosverlila dyrku v MKS, a ej eto soshlo s ruk?: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/wayfarer/pochemu-astronavtkazloumyshlennica-prosverlila-dyrku-v-mks-a-ei-eto-soshlo-s-ruk-5e3003211ee34f00ae1a95ba> (data obrashcheniya: 08.09.2020 g.).
19. Sizov S. Real'naya prichina protestov chernyh v SSHA: stremlenie k dominirovaniyu i beznakazannosti: [Elektronnyj resurs]. URL: https://zen.yandex.ru/media/sergei_sizov_omsk/realnaia-prichina-protestov-chernyh-v-ssha-stremlenie-k-dominirovaniyu-i-beznakazannosti-5f43584cb7d0fb2734b5c2d6 (data obrashcheniya: 08.09.2020 g.).

А.М. ЛАСЬКО

Вызовы цифровой экономики*

Аннотация. В статье раскрываются понятие и содержание цифровой экономики. Анализируются позитивные стороны цифровизации и риски с точки зрения воздействия на российскую экономику и ее безопасность. Изучается мировой опыт формирования цифровой экономики, проводится сопоставление достигнутого уровня цифровизации России со странами — лидерами в данной области. Показывается, что указанный уровень уступает ведущим странам, что увеличивает риски нарастания технологической зависимости. Подчеркивается, что ускоренное развитие цифровой экономики в России требует целенаправленной государственной политики.

Ключевые слова: цифровая экономика, национальные модели цифровизации, экономическая безопасность, конкурентоспособность.

Abstract. The article reveals the concept and content of the digital economy. It analyzes the positive aspects of digitalization and risks in terms of the impact on the Russian economy and its security. The article examines the world experience in the formation of the digital economy and compares the achieved level of digitalization in Russia with the leading countries in this field. It is shown that this level is inferior to the leading countries, which increases the risks of increasing technological dependence. It is emphasized that the accelerated development of the digital economy in Russia requires a targeted state policy.

Keywords: digital economy, national models of digitalization, economic security, competitiveness.

УДК 330
ББК 65

Цифровизация становится важнейшим признаком и условием развития современной экономики. Сегодня информационные потоки больше влияют на экономический рост во всем мире, чем торговля традиционными товарами. Автоматизация, искусственный интеллект, интернет вещей и новые бизнес-модели меняют ту действительность, в

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ласько А.М. Вызовы цифровой экономики // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 56—69.

которой мы ведем бизнес и нашу жизнь. Скорость изменения информационных технологий в современном обществе высока, а охват различных областей экономики этими технологиями указывает на то, что отставание в данной сфере может стать одним из важнейших факторов неспособности государства войти в число экономически развитых стран. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы раскрыть сущность цифровой экономики (ЦЭ), выявить ее достоинства и недостатки, раскрыть мировой опыт в данной области и на этой основе определить особенности и последствия цифровизации в России.

Содержание и динамика ЦЭ. На данном историческом этапе большинство развитых экономик отличается высокой долей цифровой экономики в структуре ВВП. Известная консалтинговая компания McKinsey на основании проведенного ею исследования указывает, что в ведущих экономиках мира (США, Европейский Союз, Китай) доля цифровой экономики гораздо выше, чем в России и находится в районе 8—11% от ВВП. В России же доля цифровой экономики в ВВП составляет около 4%, но при этом рост цифровой экономики опережает рост ВВП. В течение 2011—2015 гг. объем цифровой экономики в РФ вырос на 59%, что составило 24% общего прироста ВВП [16, 8].

Особенностью цифровой экономики является то, что она не только охватывает сферу производства или бизнеса, но и врывается в частную жизнь в домашних хозяйствах и в жизнь отдельных людей.

Впервые термин «цифровая экономика» употребил американский ученый Николас Негропonte в книге «Being Digital» (1995). В данной книге Негропonte предсказывал создание цифровой экономики и интеграцию информационного, интерактивного мира и мира развлечений, а также дал прогноз последующей цифровизации жизни человека.

Что же такое цифровая экономика?

Цифровая экономика — это новый уклад в системе социально-экономических отношений, в котором огромное количество данных из различных информационных систем обрабатывается с помощью новейших математических методов и моделей и реализуется в цифровой форме. Цифровая экономика выражает современную парадигму ускоренного экономического развития, где жизненно необходимым становится поддержание высокого уровня эффективности.

Конкурентоспособность цифровой экономики страны определяется двумя факторами: текущим состоянием цифровизации и ее темпами, а именно, темпами роста показателей цифровизации страны за *n*-й период. На данный момент активно используется рейтинг *Digital*

Evolution Index [20], цель которого состоит в исследовании темпов цифрового роста в различных странах по четырем ключевым факторам: предложение, спрос, институциональная среда и инновации. Рейтинг использует 99 уникальных показателей для создания общей оценки цифровой эволюции. Digital Evolution Index помогает классифицировать страны по четырем четким зонам траектории: страны с замедляющимися темпами развития цифровизации, лидеры, проблемные страны, перспективные.

Национальные модели развития ЦЭ. Лидерами в области цифровизации являются Сингапур, ОАЭ, Гонконг, Новая Зеландия. Для этих стран свойственно активное содействие со стороны государства в развитии цифровой экономики. Россия же относится (наряду с Китаем, который опережает ее) к числу перспективных стран.

Для стран — лидеров в сфере цифровой экономики характерны следующие общие черты:

- государственная поддержка в развитии цифровой экономики, научно-исследовательских работ в ключевых сферах применения;
- инвестиции в развитие лабораторий, исследовательских институтов, университетов;
- развитие базовых технологий;
- выстраивание архитектуры Io T;
- стимулирование предпринимательской активности.

У стран-лидеров при этом имеются отличия (в частности, по формулируемым целям и государственной политике в построении цифровой экономики), что позволяет говорить о наличии национальных моделей цифровизации.

США. США как одна из ведущих стран в сфере цифровой экономики делает ставку на дальнейшее поддержание и развитие цифровых технологий. «В 2014 году Соединенные Штаты экспортировали около 400 миллиардов долларов цифровых услуг, что составляет более половины американского экспорта услуг» [3, 52]. Цель США — сохранять и в дальнейшем доминирующее положение в торговле.

9 ноября 2015 г. Министерством торговли США была обнародована Digital Economy Agenda [19], которая направлена на помощь предприятиям и потребителям в целях реализации потенциала цифровой экономики для продвижения роста и расширения возможностей. Повестка дня сосредоточена на четырех ключевых задачах: содействие свободному и открытому интернету во всем мире; содействие доверию в

интернете (предоставление надежной и безопасной сети, что означает: политика США, проводимая в сфере цифровой экономики, гарантирует потребителям и производителям защиту и конфиденциальность); обеспечение доступа для работников, семей и компаний и содействие инновациям, что предполагает развитие цифровых технологий и их возможности решать долгосрочные социальные, политические, экономические, промышленные и другие проблемы [3, 53].

Для поддержки этой программы министр торговли США распорядился создать Совет по цифровой экономике, чтобы сформировать механизм для регулярного получения консультаций от лидеров промышленности, научных кругов и гражданского общества.

Правительства во всем мире все чаще проводят протекционистскую политику, которая может ограничить свободный поток информации в интернете. Подобные правила, такие как требования к локализации данных, представляют значительные риски для конкурентоспособности США, поэтому в стране была разработана программа «Цифровой аташе». В рамках программы была создана экспертная сеть «сотрудников по цифровой торговле», имеющих доступ к ключевым зарубежным рынкам. Цель программы — помочь американским компаниям увеличить свой экспорт через глобальные каналы электронной коммерции и ориентироваться в вопросах внешней цифровой политики и регулирования.

Сотрудники по цифровой торговле отвечают за оказание помощи американским компаниям за рубежом с помощью ряда официальных показателей эффективности, включая успех в коммерческой дипломатии, устранение торговых барьеров и количество американских клиентов, которым оказывается помощь.

Сингапур. В 2007 г. был запущен Global Innovation Index при сотрудничестве INSEAD, Всемирной организации интеллектуальной собственности и Корнельского университета. Рейтинг оценивает страны по различным инновационным факторам. Согласно Global Innovation Index, Сингапур уже много лет подряд прочно входит в топ десяти лидирующих стран.

«В стране уделяется особое внимание кибербезопасности, создана собственная платформа Smart Nation Sensor Platform, цель которой — сбор данных для анализа экономических процессов» [21].

Сингапур добился существенного развития в создании цифровой инфраструктуры благодаря принятию оптоволоконных сетей 4G, что способствовало возрастанию скорости соединения и передачи данных.

Это позволило увеличить долю тех, кто стал переносить свои дела в цифровое пространство.

Правительство Сингапура осуществляет политику превращения страны в «умную нацию» — такое общество, где люди будут иметь больше возможностей жить осмысленной и полноценной жизнью, беспрепятственно обеспечиваемой технологиями, предлагающими захватывающие возможности для всех. «Умная нация» предполагает трансформацию в ключевых областях — в здравоохранении, на транспорте, в городских решениях, финансах и образовании. Например, дома должны стать безопаснее, комфортнее и устойчивее благодаря использованию датчиков и интеллектуальных систем.

Сингапур разработал различные планы по созданию цифровой экономики, цифрового правительства и цифрового общества. Это означает, что каждая отрасль, бизнес и государственное учреждение активизируют свои усилия по цифровизации, чтобы стимулировать общенациональное движение, основанное на обществе граждан и сообществ, готовых к цифровым технологиям. Примером широкомасштабной трансформации являются крупные национальные проекты в таких областях, как цифровая инфраструктура и предоставление услуг, а также участие государственного, частного и человеческого секторов. Среди ключевых инициатив в этой сфере — развитие национальной сенсорной сети и цифровой приватизации. Кроме того, разработана программа SMEs Go Digital для малых и средних предприятий. Разработаны отраслевые цифровые карты, которые предоставляют пошаговые рекомендации по использованию цифровых технологий на каждом этапе для предприятий [18].

Китай. Китайское правительство разработало план «Made in China 2025» для преодоления негативного тренда снижения роста экономики. И ключевая роль здесь отводится развитию цифровой экономики. Основные цели — развитие человеческого потенциала и, соответственно, рост уровня жизни за счет роста ВВП, где ведущее место отводится сфере ИТ [17]. И хотя у Китая уже имеются успешные аналоги крупнейших американских компаний (Huawei, Lenovo), однако они не формируют масштабных сдвигов в развитии цифровой экономики, в силу чего требуется наличие общенационального плана цифровизации. «Стратегически Китай рассчитывает к 2049 году превратиться из мировой фабрики в планетарную лабораторию, повысить уровень IQ населения. С этой целью он намерен интенсифицировать информатизацию

прежде всего в трех сферах — промышленности, финансах и торговле» [3, 56].

Согласно глобальному индексу инноваций (ГИ), Китай сохранил свое 14-е место в 2020 г., ворвавшись в топ-15 ГИ в 2019 г. и утвердившись в качестве инновационного лидера.

Китай является страной, у которой высока отдача от дорогостоящих инвестиций в инновации. Китай выделяется тем, что производит инновации, сопоставимые с инновациями группы стран с высоким уровнем дохода, таких как Нидерланды, Великобритания и США. Китай удерживает мировое лидерство по нескольким показателям: полезным моделям, товарным знакам и промышленным образцам. Он также входит в тройку лидеров по другим показателям, таким как рост производительности труда и экспорт креативных товаров. Также Китай достиг 3-го места среди глобальных компаний, интенсивно занимающихся НИОКР. Здесь наблюдается улучшение показателей внутреннего кредитования частного сектора и легкости защиты миноритарных инвесторов. Китай занимает 17-е место по показателю ГИ Global Brand Value. В нем представлены 408 из 5000 лучших брендов, общая стоимость которых составляет 1,6 трлн дол. США. Из этих 408 брендов девять входят в топ-25 самых ценных мировых брендов, а остальные 14 принадлежат таким экономикам, как США, Германия, Япония и Республика Корея. Примерами таких высокоценных брендов являются банки ICBC и China Construction Bank, а также технологический гигант Huawei.

В Китае расположены 17 ведущих научно-технических кластеров мира, причем Шэньчжэнь—Гонконг—Гуанчжоу и Пекин занимают 2-е и 4-е места соответственно.

Развитие ЦЭ в России. В последние годы цифровизация экономики в России стала одним из главных приоритетов на самом высоком уровне. В стране был реализован ряд цифровых инициатив на национальном и субнациональном уровнях. В России на данный момент есть Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2] от 4 июня 2019 г. Согласно Программе, основными технологиями, развитие которых требует особенно пристального внимания и серьезных инвестиций, являются «нейротехнологии, большие данные, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, робототехника, беспроводная связь, виртуальная реальность» [12].

Россия не входит в список стран — лидеров в области инноваций и цифровой экономики, при этом по некоторым направлениям Россия выступает на уровне ведущих стран. Например, «в 2017 г. доступ к

интернету имели 76% домохозяйств и 86% организаций. Также Россия успешно развивает государственные онлайн-услуги» [13, 9]. Что касается трансформации государственного сектора, то Россия переняла лучшие мировые практики, и на данном этапе в стране имеется широкополосный мобильный интернет, охватывающий все регионы, активное использование цифровых технологий в области образования, здравоохранения, культуры.

При этом в России существуют проблемы с управлением данными. Переход к администрированию *datadriven* и инновационное использование новых цифровых технологий, таких как *Data analytics*, *blockchain*, *IoT* и *AI*, ускорят переход на следующий уровень цифрового управления и создадут основу для будущих технологических прорывов.

«Россия значительно уступает развитым странам по уровню развития цифрового сектора — ядра цифровой экономики, включающего сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и сектор контента и СМИ. В России наблюдается довольно низкий уровень использования населением цифровых технологий в ключевых аспектах социально-экономической жизни (осуществление покупок, финансовые операции, поиск работы, получение образования). Интеграция цифровых технологий российским бизнесом также находится на относительно низком уровне» [13, 9].

Москва в 2018 г. находилась на 1-ом месте среди городов по уровню онлайн-услуг [7, 22]. По сравнению с предыдущим годом Россия потеряла 16 позиций, заняв только 26-е место из 175 стран в глобальном индексе кибербезопасности [7, 25]. В области патентных заявок на изобретения в сфере ИКТ Россия не входит в десятку стран-лидеров. В этой области лидирующую позицию занимает Китай [9, 46].

Особенность российской сферы цифровой экономики состоит в том, что значительная доля ее роста обеспечивается за счет создания систем правительственного учета и федеральных информационных систем. «В рамках создания новых государственных информационных систем возникает дополнительный спрос на облачную обработку и хранение данных (деятельность ЦОД), однако прирост мощностей в настоящее время сосредоточен в основном в компаниях, принадлежащих иностранцам или контролируемых иностранным капиталом, а также в госкомпаниях (в первую очередь, Ростелеком, а в ближайшей перспективе и Ростех)» [13, 8]. Наряду с этим, стоит понимать, что за рубежом часто используют более современные технологии.

Необходимо назвать следующие проблемы, отмеченные в Программе цифровизации: зазоры в области законодательного обеспечения, недостаточно привлекательные условия для революционных идей в сфере инноваций, низкий уровень использования цифровых технологий бизнесом. Важно, чтобы финансирование шло сразу по нескольким маршрутам: развитие инфраструктуры для цифровой экономики, формирование соответствующей всем требованиям законодательной базы, поддержка инновационной деятельности, подготовка человеческих ресурсов для инновационной экономики, экономики, основанной на знаниях [6, 9].

Позитивы и риски ЦЭ. Цифровая экономика как глобальный тренд имеет ряд положительных последствий. На уровне всего общества к таким *положительным последствиям* можно отнести:

- повышение качества жизни в основном за счет увеличения новых способов удовлетворения существующих потребностей людей;
- рост производительности труда;
- увеличение прозрачности экономических операций.

На уровне отдельных компаний:

- сокращение издержек, в частности, на поиск и обработку информации, на маркетинг;
- сокращение времени коммуникаций;
- более глубокое понимание потребностей потребителей и, как следствие, повышение качества продукции и услуг;
- уменьшение времени на разработку стратегий реагирования на конъюнктурные изменения;
- создание новых продуктов и услуг, уменьшение сроков их реализации;
- сокращение сроков изменения в существующие продукты и услуги под ожидания потребителей [15, 52].

Однако, несмотря на большой потенциал цифрового развития российской экономики, стоит иметь в виду и определенные *риски*, которые несет в себе цифровизация. При определении потенциальных рисков можно выделить три основных объекта, воздействие на которые будет самым существенным образом влиять на российскую экономику и ее безопасность.

1. Человек. Риск высвобождения рабочих мест. Предыдущие промышленные революции приводили к увеличению числа рабочих мест. Нынешняя революция 4.0 ведет к коренной трансформации

конъюнктуры рынка. Например, на данный момент в США 9 тыс. полностью автоматизированных рабочих мест [9, 147]. Наиболее уязвимыми категориями в данном случае окажутся низкоквалифицированные рабочие, имеющие риск снижения величины вознаграждения [9, 32]. Так называемое «гибкое использование трудовых ресурсов», т. е. цифровизация, «обернется для этих работников “потерей или снижением социального статуса”, а для всего общества — резким усилением социального неравенства» [14, 102].

При этом стоит отметить, что риск высвобождения рабочих имеет неоднозначные последствия. Новые технологии сократят количество рабочих мест, повысится производительность, что должно привести к снижению цен и, следовательно, к увеличению спроса. Поэтому трудно определить, насколько сильными будут эти два эффекта — эффект от высвобождения рабочих мест и повышение спроса, — но, по всей вероятности, они будут проявляться по-разному в разных секторах экономики.

В одном из опубликованных аналитических докладов Центра стратегических разработок подчеркивается иллюзорность эффективного управления модернизацией российской экономики при отсутствии надлежащей регулятивной базы. Также указывается на риски запоздалого вхождения в цифровую революцию и нехватку отечественных технологических ресурсов, что будет вынуждать Россию «в ускоренном режиме импортировать подходы, разработанные и применяемые в других государствах» [11].

2. *Технологии.* Контроль технологий. Встает вопрос степени полноты контроля созданных технологий человеком: будет ли данная технология полностью контролироваться людьми и какова вероятность того, что человек не окажется в обреченно зависимом положении от созданных им же продуктов? Пограничный аспект — репродукция технологий. Как быстро технологии начнут воспроизводить сами себя, свои компоненты и какими будут последствия с точки зрения безопасности для российской экономики [4, 82].

3. *Информация.* Появляются другие проблемы — нарастающий объем информации и рост киберпреступности. Информационные технологии принимают планетарный характер и становятся важной частью всех сфер деятельности общества. С развитием IT увеличивается и риск уязвимости защиты важной информационной инфраструктуры Российской Федерации, в том числе единой сети электросвязи. При этом, согласно данным доктрины информационной безопасности, ежегодный

рост кибермошенничества составляет 20—30% [5]. Самым распространенным способом являются атаки с использованием вредоносного ПО. Его применение в более чем 50% приводит к утечке информации, а в случае с фишинговыми атаками — в 14% случаев [2, 11]. Наиболее продвинутыми технологиями в сфере защиты информации обладают финансовые институты, постоянно внедряющие систему защиты от внешних проникновений. Одна из наиболее популярных и передовых технологий — VPN (технология для туннелирования и шифрования канала по различным стандартам). Эта технология в основном используется для работы при удаленном доступе, когда происходит подключение станции (допустим, ноутбука) к любым беспроводным и проводным сетям, которые не обеспечивают стандарты безопасности. VPN обеспечивает сопровождение (туннель) до безопасного соединения (например, офисной сети), даже если доступ к интернету передают публичные сети связи. Разработке системы обеспечения цифровой экономической безопасности следует уделить особое внимание [1, 23].

4. Общественные отношения. Цифровой технологической революции свойствен процесс дегуманизации. Человек перестает быть объектом в этом процессе. Он становится частью математического уравнения, где на основе big data будет тщательным образом высчитываться его доля в общественном богатстве. Переход к максимальной виртуализации отношений ведет к расчеловечиванию, к эпохе постгуманизма.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на такой существенный риск, как вероятность запоздалого вхождения России в начавшуюся цифровую революцию. Россия уже много раз упускала важнейшие мировые тренды, что мешало ей занять достойное место на мировом экономическом пространстве.

Темпы технологических изменений ускоряются. Быстрое появление новых прорывных технологий создает новые проблемы для глобальных цифровых лидеров. Риски разрушения, присущие новым технологиям, усложняют процесс разработки государственной политики. Роль правительства становится все более трудной — необходимо эффективно балансировать между защитой фундаментальных интересов страны и стимулированием развития и использования новых технологий для обеспечения национальной конкурентоспособности и ускорения экономического роста. Поэтому сегодня важно не «упустить» разворачивающуюся в мире цифровизацию, поскольку это может привести к непоправимым последствиям для конкурентоспособности и безопасности экономики.

Технологический прорыв России зависит не только от бизнеса, но и от проводимой политики, которая должна быть нацелена на создание механизмов быстрого внедрения новых технологий во всех ключевых областях конкурентоспособности и активное решение существующих вызовов, которые могут создать барьеры для прорывного успеха.

На одном из заседаний Совета по законодательному обеспечению развития цифровой экономики (2018) было сказано, что «хотя в России есть хороший потенциал для развития технологических заделов цифровой экономики, хронологический отрезок очень короткий, и если в ближайшие 5—10 лет российская экономика не сделает прорыв, она останется в числе догоняющих экономик или экономик-потребителей, зависящих от внешних поставщиков технологических решений» [15, 59].

Вовлечение частного сектора в цифровую трансформацию, укрепление связей с научно-исследовательскими и конструкторскими работами, обеспечение сотрудничества между всеми основными заинтересованными сторонами в цифровых экосистемах, определение приоритетов использования ресурсов — это механизмы, которые должны использоваться, чтобы максимизировать возможности цифрового прорыва.

Литература

1. *Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н.* Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 3.
2. *Балановская А.В.* Анализ современного состояния угроз информационной безопасности предприятий // Информационная безопасность регионов. Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2014. № 2.
3. *Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н.* Big Data и экономическая кибернетика // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. 63. Август: [Электронный ресурс]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__63._avgust_2017_g./strategii_zifrovoi_ekonomiki/veduta_dzhakubova.pdf.
4. *Горлуев Д.А.* Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики // Техничко-технологические проблемы сервиса СПбГЭУ. 2018. № 1 (43).

5. Доктрина информационной безопасности 2016 г.: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.
6. Зозуля Д.М. Цифровизация российской экономики и Индустрия 4.0: вызовы и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 1.
7. Индикаторы цифровой экономики: 2019: Статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
8. Колодня Г.В. Преимущества и риски цифровой экономики // Философия хозяйства. Специальный выпуск. 2017. Декабрь.
9. Кульков В.М. Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. 2017. № 5.
10. Мальшева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26. № 1.
11. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / Науч. рук. В.Н. Княгинин. М.: ЦСР, 2017: [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>.
12. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2n00.pdf.
13. Титов Б. Россия от цифровизации к цифровой экономике // Институт экономики роста имени П.А. Столыпина. 2018. С. 1—12: [Электронный ресурс]. URL: https://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/09/issledovanie_tsifrovaya-ekonomika-14-09-18-1.pdf.
14. Тощенко Ж.Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2.
15. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10.
16. Цифровая Россия: новая реальность. Digital/McKinsey, 2017.
17. Шульцева В. Цифровая экономика Китая: «Ассимиляция! Сопротивление бесполезно!» // Первая миля. 2015. № 4: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lastmile.su/journal/article/4702>.

18. About Smart Nation // Smart Nation Singapore [Official Site]: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smartnation.sg/about-smartnation>.

19. Digital Economy Agenda / Department of Commerce, United States of America: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commerce.gov/tags/digital-economy>.

20. Digital Evolution Index (2017): [Электронный ресурс]. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2020/03/Digital_Planet_2017_FINAL.pdf.

21. GOV.SG [Official Site]: [Электронный ресурс]. URL: https://www.sdo.gov.sg/?utm_medium=sem&utm_source=google&utm_campaign=sg-digital&utm_content=sg-digital-office.

References

1. Babkin A.V., Burkal'ceva D.D., Kosten' D.G., Vorob'ev YU.N. Formirovanie cifrovoj ekonomiki v Rossii: sushchnost', osobennosti, tekhnicheskaya normalizaciya, problemy razvitiya // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki. 2017. T. 10. № 3.

2. Balanovskaya A.V. Analiz sovremennogo sostoyaniya ugroz informacionnoj bezopasnosti predpriyatij // Informacionnaya bezopasnost' regionov. Saratovskij social'no-ekonomicheskij institut (filial) Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 2014. № 2.

3. Veduta E.N., Dzhakubova T.N. Big Data i ekonomicheskaya kibernetika // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2017. Vyp. 63. Avgust: [Elektronnyj resurs]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__63._avgust_2017_g./strategii_zifrovoi_ekonomiki/veduta_dzhakubova.pdf.

4. Gorluev D.A. Ekonomicheskaya bezopasnost' v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa SPbGEU. 2018. № 1 (43).

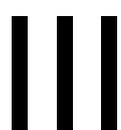
5. Doktrina informacionnoj bezopasnosti 2016 g.: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.

6. Zozulya D.M. Cifrovizaciya rossijskoj ekonomiki i Industriya 4.0: vyzovy i perspektivy // Voprosy innovacionnoj ekonomiki. 2018. T. 8. № 1.

7. Indikatory cifrovoj ekonomiki: 2019: Statisticheskij sbornik / G.I. Abdrahmanova, K.O. Vishnevskij, L.M. Gohberg i dr. M.: NIU VSHE, 2019.

8. *Kolodnyaya G.V.* Preimushchestva i riski cifrovoj ekonomiki // *Filosofiya hozyajstva. Special'nyj vypusk.* 2017. Dekabr'.
9. *Kul'kov V.M.* Cifrovaya ekonomika: nadezhdy i illyuzii // *Filosofiya hozyajstva.* 2017. № 5.
10. *Malysheva G.A.* O social'no-politicheskikh vyzovah i riskah cifrovizacii rossijskogo obshchestva // *Vlast'.* 2018. T. 26. № 1.
11. Novaya tekhnologicheskaya revolyuciya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii: ekspertno-analiticheskij doklad / Nauch. ruk. V.N. Knyaginin. M.: CSR, 2017: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>.
12. Programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii»: [Elektronnyj resurs]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf.
13. *Titov B.* Rossiya ot cifrovizacii k cifrovoj ekonomike // Institut ekonomiki rosta imeni P.A. Stolypina. 2018. S. 1—12: [Elektronnyj resurs]. URL: https://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/09/issledovanie_tsifrovaya-ekonomika-14-09-18-1.pdf.
14. *Toshchenko ZH.T.* Novoe v social'noj strukture obshchestva: prekariat // *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2017. № 2.
15. *Halin V.G., Chernova G.V.* Cifrovizaciya i ee vliyanie na rossijskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie.* 2018. № 10.
16. *Cifrovaya Rossiya: novaya real'nost'.* Digital/McKinsey, 2017.
17. *Shul'ceva V.* Cifrovaya ekonomika Kitaya: «Assimilyaciya! Soprotivlenie bespolezno!» // *Pervaya milya.* 2015. № 4: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.lastmile.su/journal/article/4702>.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.А. КУТЫРЁВ

**Человек как несовершенное совершенство
(антропоконсерватизм contra трансгуманизм)***

Аннотация. На переднем крае научного прогресса идет борьба с гуманизмом — вплоть до объявления человека «выродком эволюции». Тем самым обосновывается необходимость его техно-генетического улучшения. В статье обсуждается мировоззренческо-космологический смысл создания более совершенных в сравнении с человеком сущностей. Это «инонизм» — идеология появляющихся на Земле постчеловеческих мутантов. Формула их возникновения — «From Homo Sapiens to (AI + Homo Dementia)». Человек, как и все в меняющемся мире, — «несовершенное совершенство». Созданные киборги тоже будут улучшаться, что означает развитие в дурную бесконечность, без цели и образца. Желая быть субъектом (Кант), а не оцифрованной вещью (Б. Латур), Homo Genus должен «изменяться, оставаясь собой», и стремиться, подобно индивиду, к сохранению собственной идентичности. Через идеи трансгуманизма человечеству вместо общества угрожает экспансия универсального Техноса, если на нее не влиять, как мы влияем на стихии природы. Исповедуя гуманизм, автор манифестирует антропоконсерватизм в синергичной научно-художественной форме, чтобы по-своему несчастные техноРостовы (не) могли укрыться от трагической правды, сказав: «Это литература».

Ключевые слова: Человек, гуманизм, трансгуманизм, совершенство, Human+, улучшение, мутанты, иное, цифра, антропоконсерватизм, управляемое развитие, жизнь.

Abstract. At the forefront of scientific progress, there is a struggle against humanism, right up to the declaration of man as a «degenerate of evolution». This substantiates the need for its techno-genetic improvement. The article discusses the worldview and cosmological meaning of creating more perfect entities in comparison with humans. This «inonism» is the ideology of

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кутырёв В.А. Человек как несовершенное совершенство (антропоконсерватизм contra трансгуманизма) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 73—86.

posthuman mutants appearing on Earth. The formula for their emergence: from Homo sapiens to (AI + Homo dementia). Man, like everything in a changing world, is «imperfect perfection». The cyborgs created now will also improve, which means development into a bad infinity without a goal and a model. Desiring to be a subject (Kant), and not a digitized thing (B. Latour), Homo Genus must «change, remaining itself» and strive, like an individual, to preserve its own identity. Through the ideas of transhumanism, humanity instead of society is threatened by the expansion of the universal Technos, if it is not influenced, how we influence the elements of nature. Professing humanism, the author manifests anthropo-conservatism in a synergistic scientific and artistic form, so that in their own way unfortunate technoids (not) could hide from the tragic truth, saying: «this is literature».

Keywords: man, humanism, transhumanism, perfection, Human+, mutants, other, improvement, digital, anthropoconservatism, controlled development, family, life.

УДК 165
ББК 87.5

*Pulchra res homo est, si homo est*¹

Вос(на)поминание о гуманизме

«Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как ловок и поразителен по складу и движениям! Поступками как близок к ангелам! Почти равный Богу — разумением! Краса Вселенной! Венец всего живущего!» [11, 69]. В монологе шекспировского Гамлета привлекает ренессансный романтизм, смотревший на человека как на высшую мировую сущность, почти обожествлявший его.

«Существует только человек, все же остальное — дело его рук и мозга! Чело-век! Это великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека!» [2, 155]. В монологе горьковского Сатина, хотя сам он на дне жизни, привлекает характерная для эпохи Просвещения вера в безграничные возможности человека, его творческие способности.

Это пафосное представление о человеке и человечестве выражает суть идеологии гуманизма, которой вдохновлялись европейская, а по настрою, и вся мировая цивилизация, ее искусство, мораль, политика, воспитание и образование. Гуманизм был своего рода религией

---

¹ Человек прекрасен, если это человек.

Возрождения и Просвещения, в начале XX в. дело дошло до так называемого антропологического поворота, призывавшего смотреть на любое сущее сквозь призму человека.

Но вот произошла Великая технологическая революция, в результате которой, как говорил Эйнштейн, «стало чудовищно очевидным, что наши технологии превзошли нашу человечность». Соответственно начинает распространяться другое представление о нем: «Человек — это машина по переводению хлеба в г... Некоторые говорят, что он звучит гордо», — иронизирует Г. Миллер, актер эпохи Постмодерна, игравший в фильмах «Марья-искусница», «Варвара краса, длинная коса» и др.). Привлекает честный взгляд на себя подобного, (современного) человека.

Это не случайный выверт и эпатаж. На передовых рубежах цивилизационного развития идут процессы, противоположные гуманизму. Нарастает вал публикаций, в которых утверждается, что человек был изначально плох. «От Адама». Вместо «венца природы» некий Гари Маркус, например, объявляет, что «дизайн» человеческого мозга и самого человека никуда не годится. Его можно назвать «ошибкой природы». Это дефектный механизм, хотя практически мы не замечаем его ущербности». Человек — это «клубок» (по русски — халтура. — В.К.), «выродок эволюции» (цит. по: [3, 28]). И т. д. и т. п. (Критический обзор этих тенденций в западной философии дан «последним из могокан» философской антропологии П.С. Гуревичем в статье с обобщающим мировоззренческим названием: «Мизантропология как метанойя» [3].) Или вот наш, широко известный в виртуальном мире автор, доктор биологических наук С.В. Савельев, с искренним энтузиазмом отражающий новейшие научные взгляды на человека, выпустил, наконец, книгу с говорящим заголовком: «Нищета мозга» [9]. И т. д. и т. п. *Началась борьба человека с самим собой, в лице его пере(вы)рождающихся в постлюдей экземпляров = мутантов = элиты из так называемых технолюдей, а точнее, техноидов, которые, в своей близорукости, становятся все невиннее и страшнее.*

Первые инопланетяне

Исполняются эти похоронные сочинения все больше хором. Хор зомби-техноидов-трансмутантов! Про(а)грессоров! Коллективное самооплевывание, исторический смысл которого в подготовке замены людей каким-то другим — лучшим — «дизайном». Современный человек живет в ситуации, когда антропология не просто в кризисе, она *перерастает в антропофобию*. Теперь все чаще говорят, пишут, кричат, что человек «несовершенен». И потому его надо совершенствовать. Крепнет

движение трансгуманизма с подразделами «Human enhancement», «Human+» — за улучшение, за усовершенствование человека.

Мы живем в эпоху, когда среди людей появились, в основном пока бессознательные, хотя уже есть и сознательные, представители иного мира на Земле, и если предвидеть детерминацию происходящих сейчас событий ближайшим будущим, то эти *мутанты* — как *враги рода человеческого* — понимая, что через подобные идеи говорят потребности реализации техники, вытеснят ею человека. В сравнении с ее мощностью и скоростями он (человек) действительно слаб и «не годится»: не справляется, нервничает, не успевает. Сначала в физическом, а теперь и в мыслительном плане. Но что делать? Добавить зубов — так челюсти надо менять. Поставить дополнительный орган продолжения рода — но сердце одно, не выдержит. Вживить в мозг чип — так я закажу более мощный, целый миникомпьютер и т. д. Смысл идей этой гонки абсурда только в том, что, исповедуя трансгуманизм, технократы начинают/должны дискредитировать человеческий род как таковой, подводя к мысли, что раз мы несовершенны — надо улучшать, а в сущности, заменять. Сначала «по частям», или в целом, «расчеловечим, а потом соберем». Да, бедные вы, недалекие, это *не вы, а через вас*, вам же поют вечную память стихийные тенденции дальнейшей неограниченной экспансии техноэволюции, ее саморазвития, если на них не влиять, ими не управлять. Как мы более или менее влияем на стихии природы.

Человек, как и все в мире, — «несовершенное совершенство». В своем роде — как «разумное живое» — он совершенен, выше его никого нет. И в то же время все, что развивается, всегда, по определению, несовершенно. Это элементарная диалектика любого процесса. Крокодил в своем роде тоже совершенен или несовершенен. Его можно различать по совершенству в пределах его природы, генетической идентичности. Если изменять дальше, манипулируя геномом, стремясь приблизить к акуле или пересадить мозг обезьяны — это уничтожение данной формы. Киборги, изобретенные сейчас роботы, через 3—5 лет будут тоже несовершенны. Их надо/станут «улучшать» уже на следующем технологическом витке. И далее, в дурную бесконечность, без цели и образца. Так трансгуманисты хотят поступить с человеком, под прикрытием мечтаний, понятных и допустимых для двенадцатилетнего (не старше) подростка о некоем «абсолютном совершенстве». Но «Совершенное Совершенство» — только Бог. Идеал Человека. Его вечности.

Люди, если еще люди, давайте думать и заботиться о собственной форме бытия. *«Изменяясь, оставаться собой».*

Дьявол тоже совершенствует(ся)

«По мере развития систем управления и информации мир становится все менее управляемым. Принципиальный скачок в его хаотизации — появление компьютеров, самого мощного средства управления. Окруженный ими человек попал в среду, где ничего не может предсказать. Это если они работают. Если перестанут, будет еще хуже. Мы сидим на информационно-технической игле. Это — наш общечеловеческий наркотик. Самый тяжелый. Футурология потерпела фиаско. Прогнозировать события уже и не пытаются, уповая лишь на усмотрение их некоего “паттерна”. Гадают, как раньше по панцирям черепах или на кофейной гуще. Угрозы и катастрофы стали техногенными, а если природные, то спровоцированные человеком. Броуновское движение, нелинейный вихрь, турбулентный поток — таковы общепринятые метафоры этой ситуации. Синергетика является теорией процесса без субстрата, по которой все существует для того, чтобы скорее исчезнуть. Замениться другим, “новым”. Это теория контрстойчивого, т. е. новационного развития. Приспособление, а не управление, адаптация, а не самоосуществление становятся задачей как человечества в целом, так и отдельных стран, организаций, индивидов. Изменяют не свое создание — искусственную среду, которая саморазвивается, а себя. Приспосабливают не кресло для человека, а человека под кресло. И вообще, под кресло его, под кресло. Такая вот эргономика. Эргономика новационизма. Думают, что ради жизни. Зря думают. Так вообще сейчас люди зрят на бытие. Особенно ученые. В чужом, а не человеческом мире и уме» [4]. «Где Полоний? На ужине. Да на таком, где не он ужинает, а его ужинают» (У. Шекспир. «Гамлет»). Полоненные. Несчастные пленники прогресса. Темный народ, эти светочи науки. Соз(и)датели слепящей тьмы. Это новая, световая «совершенная» тьма, в которую они сами и все мы погружаемся. Светлая нам память!

Цифра — это субстанция Иного

Духовная история отношений человека с миром: переживание → мудрость → сознание → мышление → исчисление. В символах: Миф — София — Логос — Рацио — Матезис. Сегодняшнее положение, если выразить в символах: Миф — архаика, София — в резервации, Логос — в подполье, Рацио — умалывается, Матезис — растет. Наступает, реализуется. Искусство умирает, вместо него популяризуется art science (игра ума), вместо культуры — текстура, кафедры философии в вузах ликвидируют, вместо них — STS (научно-технологические исследования),

наука информатизируется и заменяется технологиями, технологии формализуются и автоматизируются. Цифровизация: It's from bit (все из бита). *Цифро-бит — субстанция (фундамент) Искусственного Интеллекта и техногенной реальности в целом.* Пора переписывать (и переписут) Библию: «В Начале была Цифра. И цифра была у Бога. И Цифрой был Бог». Только как(ая)ой: 1 или 0? — вот что мучает мудрецов нашего времени. Как консерватор, я за 1 — Един(ое)ицу. «Заединщик». Против «обнульщиков» и истерии новационизма вплоть до Иного, сущностная суть новизны которого — *в нем не будет человека.* Иное — это космос, где нет жизни. Космос — это Иное, когда все мертвое. Космос создается на Земле. Инопланетяне возникают среди нас, в результате Великой Технологической Революции. К (В) нему(го) мы устремились, буквально и опосредовано. *Падение вверх! Таков бытийный вызов человечеству в XXI в.*

Мы живем, не понимая, что делаем(т)ся. Боимся понимать. А вот она, *Формула нашего времени: from Homo sapiens to (AI + Homo Dementia).*

В динамике весов: чем больше знания, тем меньше веры; чем больше цивилизации, тем меньше природы; чем больше искусственного (интеллекта), тем меньше естественного (ума). Весы (не)Бытия.

Социальное (не)совершенство

Толки и теории о причинах революций. Обычно ищут социальные, и это правильно, но не учитывается, что они могут быть без конкретного мотива. «От скуки», от желания выразить себя эмоциональнее, чем позволяет текущая суэта, сбросить энергию, особенно у молодых, показав власти кукиш — любой. Я застал, как по деревням на престольный праздник планировались драки парней. Каждый год мы, младшие, заранее знали, где будет драка и как к ней готовятся, еще даже не зная с кем. В городе — двор на двор. Потом в техникуме мы, жившие в общезжитии, задирали(сь), особенно «на танцах», враждуя с поселковыми. Или наоборот. Когда можно было проявить себя не как в учебе, а смело, рискованно, на что нет спроса в обычном быту. И тогда на первый план выдвигаются те, кто «не отличники». Завоевывали себе и перед собой уважение более ярким, чем послушание, способом. Причина могла быть самая пустяковая, надуманная, типа «не на ту посмотрел». Главное — *потребность в самовыражении*, насколько и потому, что человек не равен потреблению и поведению по правилам рассудка.

И глупа та власть, что «зажимает все», преследуя любую эмоциональность в поведении, требуя, чтобы даже на стадионах сидели как в

театре, преследует стычки фанатов, назначая тюремные сроки за мелкое хулиганство. Вместо реализации страсти к борьбе, практикует ее полное подавление через закон, оставляя для этого только вино и наркотики, «незаконные» и узаконенные (психиатрами). Тем самым создает почву для внезапных выбросов энергии, вроде уличных протестов, бунтов и восстаний с неизвестными целями. «Ум, как порох, опасен только сжатый», — писал Николаю I из Петропавловской крепости декабрист А. Бестужев, парадоксально объясняя выступление против режима его строгостями. Интеллигенции легче, она самовыражается, злобствуя против существующего положения в газетах и литературе. Какое бы положение ни было, при любой власти, чтобы она ни делала. Теперь можно в интернете, но по мере его распространения таких никогда не любивших и никем не любимых людей становится все больше, они все неудовлетвореннее, и, хотя как-то компенсируют ситуацию виртуализмом, это, однако, не всех пока устраивает (у мутантов пережитки жизни сохраняются «по определению»).

«Беспричинные» анархисты-революционеры — террористы известны по литературе еще с конца XIX — начала XX в. Готовые кидать бомбы в толпу праздно сидящих по ресторанам людей «просто так». Их называли «Безмотивники!». Но мотив у них был, как есть и у нынешних цветных революционеров, желтых жилетов и прочих «террористов». Только он иррациональный, интуитивный. Против буржуазной, мещанской, а теперь техно-бюрократической, все сильнее сковывающей человека, превращая его в недоробота, глобальной цивилизации! Против становления электронного концлагеря, даже если они не осознают своих мотивов. Им, этим, ура/увы, не на словах, а на деле борцам за свободу, поскольку они нападают на технику и вещи в интересах остальных трусливых людей, надо бы безоговорочно помогать и завидовать. Если «под руку» попадают «просто» люди, то с некоторой оговоркой. Но в главном — все равно сочувствовать. Понимать причины. Страсть к разрушению — творческая страсть (М. Бакунин). В сущности говоря, это разновидность страсти к новому, но не выходящему за пределы старого, своего рода консерватизм в революционной форме. Не реализованная, у многих она обращается против них самих. Теперь, кажется, эта страсть у всей цивилизации, которая нападает на себя — в пользу Техноса, расчищая для него место. Никто ее не разрушит извне, она кончит самоубийством. А пока стадия разложения всего естественного и живого в ней — на нас падают «тени будущего», торжество политкорректных ценностей — это идейная предпосылка превращения человека в роботобразное. «Общество мутантов».

Против без(д)умного ино(го)вационизма

«Люди! Разве вам, кто живой, или хотя бы undead (не мертвый) не ясно, что высокие новационно-цифровые (нано, био, инфо, когно) технологии, так называемые Hi-Tech и особенно гуманитарные, так называемые Hi-Hume, нас снимают? Трансформируя, делая паразитами, отменяют? Их (бы) точное название — постчеловеческие. И разве перед их девятым валом всякий мыслящий человек не должен стремиться к традиции, быть последователем К. Леонтьева, Ю. Эволы, М. Хайдеггера, т. е. стремиться “к почве”, к “Schritt zurück”, быть Консерватором?

Если нет, то он либо еще/уже не мыслит (тупой), либо уже не человек (жертва технологий). “Перезагружен”. Нелюдь. Хотя по факту, больше такого: еще люди, но не думают. А когда думают, то *не в своем уме*. Значит, бесчувственные, не видят. И никаких предупреждений не (у)слышат.

Скажут: алармизм.

Скажут: пессимизм.

Скажут: спать хотим.

Отделаются. Чтобы ничего не делать. И даже не понимать.

Для этого, провозгласив неслыханное в духовной истории человечества право на ложь (постправду/постистину), превратив (дез)информацию в развлечение, заболтают, зацитируют, задушат в объятиях как Ницше, Хайдеггера и любых других мыслителей, решавшихся думать по сути, об основаниях, т. е. принципиально, т. е. стратегически, т. е. фундаменталистов» [4]. Ради комфорта с компетенциями (фонетическое, и не только, созвучие). Души. Вслед за ленивым телом. Про(сти)щай, Человек! Космос опускается на Землю...

Алармист!

Отсталый я все-таки человек, не зря объявил себя антропоконсерватором. И даже получил свидетельство основателя такой школы. Вот работаю «на удаленке». Целый день хожу в квартире по маршруту: диван — компьютер, что-то печатаю, потом сижу или прилягу, один-два раза зайду на кухню и еще куда-то. Молодые люди (поколение Z) живут гораздо производительнее. Они не тратят свое драгоценное время на бесполезные туда-сюда перемещения. О фордизме и НОТ (научной организации труда) явно ничего не слышали (седа древность, XX в.), но реально практикуют. Работают лежа на том же диване с компьютером (ноутбуком) на животе, дополняя/переменяя это состояние приемом звонков со смартфона в руке. Говорят, что есть возможность отправлять и

физиологические надобности не отрываясь от диван-компьютера (особый стул для питания из объемного 3D принтера в специальных пробирках, где, к тому же, все сбалансировано по витаминам; что касается секса, то о нем говорить не стоит). Вот прогресс! Вот прорывные технологии! А консерваторы все ноют: природа, что будет с человеком, труд, любовь — да пошли вы со своей любовью... Постмодернисты, моделируя «улучшенного» (H+), т. е. более совершенного человека, все это предвидели гораздо раньше, предложив соответствующие концепты: «тело без органов», «кинестическая амеба», «шевелиющаяся протоплазма». Вот он, новый трансгуманистический постчеловек, а если еще прямо чипы в «это» внедрят, то уже будет «совершенное совершенство». «Прогресс не остановишь», — торжествуют оптимисты.

Вперед, с широко закрытыми глазами

Коварство социального взаимодействия бытия и ничто легче бы понимали, если намеренно, по политическим мотивам не «забыли» о диалектике как учении о нелинейном характере мировых процессов и их превращенных формах. В ситуации пандемии COVID-19 нелинейность в том, что существуют миры бактерий, вирусов и прочего, с которыми человек борется. Изобретение антибиотиков спасло миллионы жизней, но их безудержное применение привело к тому, что среди бактерий появились более устойчивые виды. Как решают эту проблему? На путях дальнейшего прямолинейного прогресса — в тупик. Сообщают, что изобрели антибиотик, который «убивает все известные бактерии». А о том, что опять будут новые, мутированные, как бы забывают. То есть продолжают движение в том же, уже показавшем свою бессмысленность, направлении, вместо того, чтобы дозировать и контролировать использование антибиотиков, применяя их только в сугубо необходимых случаях. Очевидно, что их давно не должно быть в свободной продаже.

Очевидно также, что мир вирусов, как и бактерий, состоит из многих форм, может быть, он даже разнообразнее, чем макромир природы. Эти формы соперничают друг с другом за «место под солнцем», в борьбу которых человек тоже вмешивается. Благодаря массовым прививкам от гриппа, угнетая его вирусы, мы эту болезнь почти победили, но тем самым освободили место для более хитрого и тем более опасного «вируса с шипами» («короны»). Начали проводить прививки и от нового вируса, но, подавив его, медицина наверняка освободит место для еще более сложных штаммов. Победа «короны» над гриппом показала, что идет отбор вирусов на выживаемость. Такую ситуацию можно наблюдать даже в огороде и полях при борьбе с сорняками. С ними,

штаммами/сорняками, опять будут бороться, восторженно крича о новых достижениях науки уже путем изменения генетического аппарата человека. Как в случае СПИДА в Китае, где для его предотвращения предложили/начали (?) заменять часть генома человека. Заранее! При рождении! В ситуации с ковидом тоже ищут людей, генетически не восприимчивых к нему.

И что тут начнется!

Уже началось. «Щупальцы» такого развития буквально среди нас, о чем читаю в интернете в новостях на mail.ru от 12.12.2020: «Ученые выявили гены, от которых зависит тяжесть болезни от коронавируса». Намек понятен. Казалось бы, даже дуракам, но не толпе образованцев, продолжающим восторгаться, что впереди без(д)умная игра с генетической идентичностью человека, перегоняющая его от одной болезни к другой. Более глубокой, зато «технологичной». Притом упорствуя в предварительной «деконструкции», вплоть до получения сначала как можно больше привитых (которым будут давать преференции — уже обсуждают какие, а «просто» здоровых объективно дискриминировать), потом инвалидов и киборгов (кто «без чипов», тому понизят место в социальном рейтинге), потом постчеловека (традиционных людей будут из милости содержать в особых поселениях). «Превентивная медицина». Начинается! Ведь мы, ученые, (по)знаем, что где что-то подтекает, там и надо затыкать, и даже знаем, как это можно сделать; знаем, что, где чешется, там и надо мазать, и даже применяем для этого все более эффективную мазь; а где недовольные, туда надо дать денег, и мы можем заранее посчитать их нужное количество. Наука!

А возможно ли «нет» или как-то более дальновидно? Ведь объективные процессы — это враг, в победе над которым всегда скрыта новая угроза. Побеждать надо с умом — что, используя все более мощные технологии, разучились понимать большинство наших ученых-умников. Потому что они только специалисты. И применяя постчеловеческие технологии в их узком качестве, несут угрозу человеческому роду, включая самих себя. Вот о чем надо спорить, собирать конференции, исследовать, думать, как и насколько можно нажимать не только на газ, но и на тормоз. Но это было бы нелинейное мышление, т. е. на ход вперед, какая-то «философия», еще страшнее (токсичное слово) «диалектика». Которая бы сказала, что на проблемах надо играть как на пианино, добываясь их сочетания (тише, громче, не трогая) в нужную мелодию. *Мелодию Жизни*. В ситуации с пандемией ковида можно бы предложить, продолжая против него вакцинацию, прекратить ее против гриппа. Тогда можно надеяться, что через два-три года грипп и ОРВИ, которые не столь

опасны и легче поддаются лечению, займут место «короны». Но этот подход не обсуждается. Не понимают. Проще бить по всем клавишам кувалдой, с каждым разом добивая(сь), чтобы она была все тяжелее и специально совершенствуя ее для каждого удара. Одновременно бежать вперед с широко закрытыми глазами, гоня перед собой все проблемы вглубь, мысля по принципу $e2 — e4$. Не дальше. Таково оно, «позитивное», «без философии и морали» знание, ставшее технологией, развивая которую, человек движется к самоотрицанию. Самая тяжелая — самая, самая — проблема нашей цивилизации — ее успехи.

Время трансмодерна

С передовых позиций новацинизма слышатся крики о необходимости срочного вступления в «шестой технологический уклад» и совершения «четвертой промышленной революции». Вот-вот толпы, сначала образованцев, потом полуобразованцев, потом все, начнут повторять эти призывы, совершенно не задумываясь об их смысле. А он, желаемый и открыто провозглашаемый, в том, что в них самих как «традиционных людях» производство уже не будет нуждаться. Нас заменят машины. Полностью. Что все будет делаться автоматически, роботами. И не как отдельными устройствами, а как Системой создания иной реальности и управления всем сущим, в(за)ключая людей в качестве информационно(го)й матери(ала); «Большого компьютера» как мыслящего планетарного сознания (океана), которое, возможно, и «замуровано»/закодировано в планетах, где нет жизни. Потому мы ее и не находим. В этом вся суть = смысл = соль = фишка нового поворота. *Последнего поворота*, на котором человек будет окончательно сброшен на обочину дорожной карты прогресса и который, поглотив его, дальше пойдет как *трансгресс*. Приветственно крича об этом, восторгаясь искусственным интеллектом, который «будет за нас думать» (додумались до того, чтобы не думать, при этом почему-то удивляются, что образование д(г)рейфует в сторону самоотрицания), фактически кричат о собственной, сначала социальной, а потом и биологической гибели. *Жа-ждут небытия*. Обуреваемые *Mortido* (влечением к смерти = иному), они ждут Сингулярности. Говоря более честным словом — Апокалипсиса. Или/и о том, как для (с)начала превратиться в трансгуманных, а потом полных роботов. Позволим себе перефразировать одно известное высказывание — по другому поводу, но структура фразы совпадает — одного известного в России высшего руководителя: «Люди, вы хоть понимаете, что вы творите?». Нет, ответят они, включая его самого. Не знаем, не понимаем, и знать не хотим.

Раньше человек говорил: нет настроения. По(с)раженные небытием и побежденные медициной жалуются: депрессия. А философ скажет: опять приступ Ничто. Ничего не хочется. *На нуле*. Причина в нем или в мире, который устремился к 10100... единице в пустоте?

Перед каждым, кто думает дальше хода $e2$ — $e4$, возникает эта роковая дилемма...

Останься человеком или умри!
(девиз группы «Пинк Флойд», ее философствующего лидера
Дж. Уотерса)

Почему мир (вслед за авангардной цивилизацией) теряет чувство жизни? Не видит *оче*-видного нарастания процессов своего само-уничтожения. И даже приветствует его, мечтая, что «к 2100 году человек разумный перестанет существовать, так как сам себя модифицирует с помощью искусственного интеллекта и биотехнологий» [7]. *Перестать существовать — вот цель прогрессивного человечества* (а говорят, что у нас нет идеалов). С этими будто бы людьми разговаривать уже не о чем. Мы имеем в виду тех, кто еще хочет оставаться человеком, но не хочет всерьез отнестись к появлению на нашей планете Земля глобального отряда техноидных мутантов, прямых и все более агрессивных врагов Homo Genus, его без(д)умных (само)убийц. Возможно, такова защитная реакция на невозможность что-то изменить. Ведь кто видит и понимает, что происходит, но хочет сопротивляться, тот «спорит с веком», выступая как «антропоконсерватор», без-защитный/надежный дурак.

Но: *Omnia homini, dum vivit, speranda sant* (Пока человек жив, он на все должен надеяться). Не на то, что люди «прозреют» и будут что-то делать ради своего спасения. Никогда. А на что-нибудь. На «случай», Бога, Чудо. По-научному: на нелинейность, неопределенность и непредсказуемость мирового развития = *на несовершенство человека как основание его свободы*, о которой так много говорили философы, особенно либералы, пока не стали трансгрессивными фаталистами. Не бывает настолько грустной собаки, которая бы не виляла хвостом, говорят итальянцы. Я — собака, которая виляет хвостом. И предлагаю это читателям. Грустно, конечно. Но у тех, кто живой и способен видеть дальше своего носа, нет выхода, кроме как быть оптимистами. Или хотя бы сохранить достоинство разумных существ, не исчезнув из бытия в состоянии эвтаназии. Лучше несчастное сознание, чем счастливая смерть. *Люди всех стран, кто не превратился в мутантов Ното Detentia, соединяйтесь! Боритесь против экспансии на Земле иномер(тв)(н)ой реальности, за сохранение Жизни на ней как нашей реализации возможных*

миров. Или будем, какие есть (антропоконсерватизм), или распространится трансгуманизм (Иное)!

Tertium non dater!²

Литература

1. Бек У. Общество риска. М., 2000. 383 с.
2. Горький М. На дне // Горький М. Собр. соч. Т. 5. М.; Л.: ГИХЛ, 1932.
3. Гуревич П.С. Мизантропология как метанойя // Человек. 2014. № 6.
4. Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2013. 336 с.
5. Кутырёв В.А. Философия Иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 7.
6. Кутырёв В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Человечество и Технос. Философия коэволюции. СПб., 2020. 260 с.
7. Манифест стратегического общественного движения Россия 2045: [Электронный ресурс]. URL: 2045. Ru/manifest/.
8. Осипов Ю.М. Смысл и имена // Философия хозяйства. 2011. № 2. С. 9—16.
9. Савельев С.В. Ницета мозга. М., 2019. 200 с.
10. Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2015. 351 с.
11. Шекспир У. Гамлет // Шекспир У. Соч.: В 8 т. Т. 8. Сцена II. Акт 2. М., 1997.

References

1. Bek U. Obshchestvo riska. M., 2000. 383 s.
2. Gor'kij M. Na dne // Gor'kij M. Sobr. soch. T. 5. M.; L.: GIHL, 1932.
3. Gurevich P.S. Mizantropologiya kak metanojya // CHelovek. 2014. № 6.
4. Kutyryov V.A. Vremya Mortido. SPb.: Aletejya, 2013. 336 s.
5. Kutyryov V.A. Filosofiya Inogo, ili Nebytijnyj smysl transmodernizma // Voprosy filosofii. 2005. № 7.
6. Kutyryov V.A., Slyusarev V.V., Husyainov T.M. CHelovechestvo i Tekhnos. Filosofiya koeolyucii. SPb., 2020. 260 s.

---

² См. также по теме: [1; 3 — 10].

7. Manifest strategicheskogo obshchestvennogo dvizheniya Rossiya 2045: [Elektronnyj resurs]. URL: 2045. Ru/manifest/.
8. *Osipov YU.M.* Smysl i imena // *Filosofiya hozyajstva*. 2011. № 2. S. 9—16.
9. *Savel'ev S.V.* Nishcheta mozga. M., 2019. 200 s.
10. *Hakli O.* O divnyj novyj mir. M., 2015. 351 s.
11. *SHekspir U.* Gamlet // *SHekspir U. Soch.:* V 8 t. T. 8. Scena II. Akt 2. M., 1997.

К.В. МОЛЧАНОВ

**О некоторых функциональных положениях
интеллектуально-алгоритмической интенсификации
познания***

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития диалектического познания, включая вопросы алгоритмизации, автоматизации и интенсификации. Вопросы развития диалектического познания исследуются на основе переосмысления достижений логики и программирования. Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения логических систем. Актуально исследование возможности принципиально нового формата логических процессов — реализации одновременно нескольких различных логик, имеющая свое основание в единстве и многообразиях логики. Основными результатами исследования являются следующие: осмысление возможности кибер форматов субъективного духа, например, кибер познания. Наше исследование ведет к развитию диалектической гносеологии. Результаты исследования могут быть использованы для диалектического развития логики, для формирования новых форматов познания, для автоматизации диалектического познания, для совершенствования диалектической гносеологии, для создания кибер форматов субъективного духа и для развития программирования.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. О некоторых функциональных положениях интеллектуально-алгоритмической интенсификации познания // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 86—100.

Ключевые слова: диалектика, диалектическая гносеология, логика, логические системы, данные, программирование, программа, кибер форматы субъективного духа, кибер познание.

Abstract. The article discusses some aspects of the development of dialectical cognition, including the issues of algorithmization, automation and intensification. The issues of development of dialectical cognition are investigated on the basis of rethinking of achievements of logic and programming. The problem under discussion defines a complex of issues related to the state, development and application of logical systems. It is important to study the possibility of the fundamentally new format of logical processes: the implementation of several different logics at the same time, which has its basis in the unity and variety of logic. The main results of the research are following: the comprehension of the possibility of cyber formats of Subjective spirit, for example, cyber cognition. Our research leads to the development of dialectical epistemology. The results of the study can be used for the dialectic development of logic, the formation of new forms of cognition, the automation of dialectical cognition, the improvement of dialectical epistemology, the creation of cyber formats of Subjective spirit, and the development of programming.

Keywords: dialectics, dialectical epistemology, logic, logical systems, data, programming, program, cyber formats of Subjective spirit, cyber cognition.

ББК 87.22
УДК 165

Решение задачи интенсификации познания в Современной диалектической философии³ определило развитие следующих двух направлений исследований: а) системно-структурное логическое обеспечение [7] (первое направление исследований) и б) функциональные возможности интеллектуальной обработкой данных [8] (второе направление исследований), — которые обусловили тему исследования данных, их форматов и способов их обработки, включающего выяснение возможностей создания новых данных, их порождения, и главное — осмысление идеи этих процессов, что обусловило основы для понимания и определения программы и ее применения как логической структуры. Это в свою

---

³ Некоторые из ее основ изложены в ряде наших статей, например, в журнале «Философские исследования» с 2002 по 2008 г.

очередь стало одной из основ изучения алгоритмизации диалектического познания и, по сути, обусловило третье направление исследований, некоторые положения которого рассматриваются далее⁴. При этом важным аспектом исследований алгоритмизации современного диалектического познания (исследований, рассуждений...), фактически его компьютеризации, стало то, что ряд вопросов его соответствующего развития «оказывается концептуально тождественным как положениям и аспектам программирования, например, тем же форматам данных, сочетанию данных, организации рабочих процессов и т. п., так и аппаратным реализациям (например, архитектуре компьютеров), что в принципе не рассматривалось в программировании, а в современной диалектике было включено в состав основ для изучения и программирования и процессов компьютеризации познания» [7, 203].

Исследование развития и интенсификации познания за счет алгоритмизации и компьютеризации базируется в том числе на актуальном для настоящей статьи изучении аспектов восприятия окружающей действительности и ее познания, обозначенных в философиях Канта (труд «Критика чистого разума») [3] и Гегеля (труды «Феноменология духа» и «Наука логики») [2, т. 4—6].

В смысле философии Канта для настоящей статьи актуально «сочетание, с одной стороны, (чувственного) содержания, т. е. воспринимаемой человеком информации (в программировании — это данные), и, с другой стороны, (субъективной) реализации (в программировании — это приемы, способы и методы обработки информации, а в пределе — компьютерные команды)» [7, 200], что важно при раскрытии структур и логики рассуждений, их формализации и алгоритмизации, особенно в части следующих положений философии Канта.

Во-первых, *суждения*, которые важны для познания и программирования, но в науках до сих пор не определены [6]⁵. Особенно следует выделить *априорные синтетические суждения*, которые, согласно Канту, содержат всеобщие и необходимые знания (о них как таковых в статье речь идет в смысле философий Платона и Гегеля), причем такие,

---

⁴ Более подробно концептуальные основы и предметные положения исследований изложены на нашем сайте (www.dialectics.ru).

⁵ И это несмотря на то, что очевидна их роль для познания вообще (в первую очередь для осуществления обоснованных выводов, иначе будут лишь субъективные *мнения*) и для его алгоритмизации в частности. Поэтому суждениям в Современной диалектической философии уделяется колоссальное внимание, но при этом не понятно, почему в науках они практически проигнорированы вплоть до отсутствия их однозначного корректного определения.

которые в общем случае невозможно получить научными методами (это важно для понимания возможностей создания новых определений и операций в ходе исполнения программы и, в конечном счете, творчества и интеллектуальных программных процедур, см. ниже).

Понятно, что суждения важны для познания, однако отметим, что для программирования они важны непосредственно и в смысле операций с данными и даже как структуры, определяющие выводимые (новые) форматы данных, а значит и новые программные операции, что обуславливает новые алгоритмические возможности (о чем будет сказано ниже).

Во-вторых, для решения поставленных задач актуальным в смысле операций с определениями (частным случаем которых являются типы данных) и, главное, обоснования их алгоритмизации является *трансцендентальное единство апперцепции*. Именно это единство важно в смысле цельного (категориального) понимания данных (от входных данных до результатов вычисления) и их сочетаемости, а в фундаментальном смысле — для формального (алгоритмического) применения рассмотренных Кантом логических и реальных суждений, т. е. фактически как для раскрытия (определения) программы, понимаемой в общем смысле (в том числе программа исследований и компьютерная программа), так и для обоснования ее развития (в том числе исполнения на компьютере), что неизбежно необходимо, но почему-то в принципе не рассматривается в программировании и заменяется *уверенностью* в правильном составлении алгоритма программистами (о переосмыслении программы будет сказано далее).

В-третьих, для современной диалектики вообще и для процессов алгоритмизации познания в ней в смысле создания (порождения) новых данных важна указанная Кантом *продуктивная сила воображения*: она актуальна как (логический) функционал, включающий понимание создания новых определений, не свойственных научному познанию и существенных для (форматов) творчества, что в свою очередь необходимо для понимания и реализации действий, не свойственных однозначному алгоритму, и, в конечном счете, интеллектуальных действий (в том числе как компьютерных операций), для компьютеризации интеллекта, ибо «современные “интеллектуальные машины”... не обладают интеллектуальностью в подлинном смысле этого слова... не способны творчески подходить к решению проблем... Собственно задача создания “машинного эквивалента” человеческого интеллекта современными разработчиками систем “искусственного интеллекта” фактически даже и не

ставится, поскольку реальных путей решения этой задачи они не видят» [1, 3—4].

Указанные положения стали основанием диалектических представлений о форматах данных и операций с ними в частности и о развитии и алгоритмизации познания вообще (в том числе о логических функционалах, о которых будет сказано ниже).

Вопросы структурирования и обработки данных изучаются на основе философии Гегеля, в которой было раскрыты «порождение и сочетания определений и их движение в ходе познания» [7, 202]⁶. При изучении этих вопросов важно то, что «логика в смысле гегелевского учения о сущности может пониматься как рефлексированная в себя самостоятельность, но оказывается вместе с тем рефлексией в свое противоположное, которое полагается как непосредственная самостоятельность и представляет собою (в соответствии с определениями эволюции ее становления и рядом факторов, в том числе указываемых в статье) некоторое многообразие» [7, 204], которое, однако, имеется в качественных различиях, причем как структурных, так и функциональных, которые в свою очередь обуславливают «формирование и развертывание в процессе познания (исполнения программы) не заложенных непосредственно в алгоритме познания (работы программы), т. е. не следующих непосредственно из него, а) определений, в том числе не выводимых научными методами из имеющихся определений (в качестве аналогии можно привести Кантовы априорные синтетические суждения), б) операций (программных кодов) и в) совокупностей определений и операций — логических функционалов и *порождающих логических функционалов*» [8, 213]⁷.

---

⁶ Более того, в философии Гегеля было раскрыто развитие *логической идеи*, что является основой понимания самого познания, его реализации и применения, т. е. намного более широким и сильным положением, чем имеющееся в науках и в программировании понимание составления алгоритма и реализации процессов решения задачи, программы и т. д., но это уже отдельный разговор.

⁷ Можно сказать, что в Современной диалектической философии фактически исследуются возможности формализации и алгоритмизации порождения данных и их форматов и операций с ними, что в смысле исполнения заданной программы приводит не только к порождению (созданию) новых типов данных и операций, но и к необходимости учета и использования этого в зависимости от возникшей ситуации, т. е. к осуществлению действий, фактически не предусмотренных (первичным) алгоритмом — к его изменению в ходе познания (программы), что приводит к осмыслению принципиально новых возможностей, не свойственных, а порой даже и альтернативных научному познанию. Это важно в том смысле,

Следует сказать, что указанные выше положения в смысле ряда ментальных возможностей человека, прежде всего воображения и фантазии, рассматриваемых на основе философий Канта и Гегеля, в современной диалектике исследуются на основе диалектического понятия *формы*, так как именно ее изменения по Гегелю связаны с верификацией определений и операций с ними, а теперь — с созданием альтернативных научному познанию средств обработки данных, с возможностями непосредственного порождения новых определений, причем в смысле не только отмеченных Кантом и Гегелем воображения, фантазии и творчества, но и упомянутых логических функционалов и интеллекта, что и составляет основу выявления и исследований искомых положений интеллектуально-алгоритмической интенсификации познания.

В связи со сказанным необходимо отдельным образом акцентировать два положения, существенных для интеллектуально-алгоритмической интенсификации познания в частности и для диалектических исследований в целом, но обычно игнорируемых в науках, хотя именно они позволяют не только осмыслить существо проблемы, но и выполнить требуемые шаги для ее решения.

Первое — это упомянутая выше форма, которая понимается нами в смысле философии Гегеля (а не как в науках, в которых она, по сути, не определена). Именно в смысле формы актуальны, во-первых, как показал Гегель, формирование определений и поэтому, во-вторых, согласно Современной диалектической философии, форматы данных и исполнение конкретного рассуждения, что далее определяет а) варианты создания и трансформаций определений и операций, б) возможность изменений определений и операций и в) создание, развитие и применение отдельных логических функционалов, способных образовывать обособленные логические системы, характеризующие логику предмета исследования и его отдельных направлений.

Второе — это единство, которое понимается в смысле философии Гегеля. Единство — весьма многоплановая и очень разнообразная категория (например, одним из его видов является известное, указанное выше Кантово трансцендентальное единство апперцепции). Единство является одним из самых мощных инструментов диалектических исследований, причем как широких гносеологических вопросов, так и formalизованных (но, несмотря на то, что оно было досконально рассмотрено

что познание включает в себя кроме познавательных функционалов, в частности суждений, еще и другие «опции», например, такие, как представление и воображение.

и разъяснено Гегелем, в науках оно не определено⁸). Единство актуально для понимания и изучения мыслимого содержания (его составляющих и его целокупности), его логики (в целом и отдельных составляющих) и его развития (изменения и трансформаций), что в Современной диалектической философии важно для исследования существа и процесса познания — исполнения (содержания) познания (его развития, программы), включая понимание объективного влияния, своего рода «присутствия» в познании (программе) а) обусловившей его (ее) ситуации, задачи, и б) методов, развивающий его (ее) содержание. Иными словами, единство актуально для развития содержания диалектических исследований, или в диалектике имеет место понимание объективности познания (программы) и его (ее) развития (в том числе компьютерной программы, а не ее составление из мнений программистов по поводу решаемой задачи, о чем также будет сказано ниже).

Отметим также, что именно форма и единство важны в смысле составления определений и логики их трансформации — для логических функционалов, являющихся основой *программных функционалов и логических комплексов* (см. ниже).

О третьем положении, актуальном в смысле формирования и обработки данных, — о противоречии, будет сказано далее при обсуждении программы.

Для решения вопросов развития познания вплоть до реализации компьютеризированного интеллектуального предметного познания актуальны положения, образуемые, согласно гегелевскому учению о сущности, через позиции указанных выше формы и логического многообразия. Эти положения образуются на основе рефлексивного производства определений и операций и характеризуют, как было установлено в Современной диалектической философии, принципиально новые логические и программные положения, в том числе не выводимые на основе научных принципов и методов из первоначально заданных определения и операции. Укажем ряд из них, важных в качестве составляющих

---

⁸ Как мы уже неоднократно отмечали в наших работах, обычно говорится о некой взаимосвязи определенных предметов, процессов, которая образует целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую в изменениях и в то же время включающуюся в более широкую систему, в конечном счете, — в составе бесконечного во времени и пространстве мира, причем такого рода «определения» не только обобщены, но и даются через некорректно определенные термины (например, такие, как «целое») или даже через неопределенные термины (например, такие, как «бесконечность»).

обсуждаемого интеллектуально-алгоритмического аспекта интенсификации познания:

- формирование определений в смысле гегелевского учения о понятии;
- рассмотренное Гегелем рефлексивное производство определений и их логических совокупностей;
- диалектические представления (т. е. расширенные по отношению к научным, материалистичным) об определениях как о форматах определений (данных и типов), включая определение новых (отличных от используемых в науках и в программировании по структуре и принципам создания), например, определений в форматах объекта и знаний согласно философии Гегеля;
- диалектические представления об операциях, процедурах и методах познания, которые трансформируются в соответствующие процессы алгоритмизации познания (это не аналитические процедуры, как, например, автоматическое доказательство теорем или «самообучающиеся системы»);
- диалектические представления о сочетаниях определений и операций, которые в целом не имеют ограничений со стороны первоначального (субъективного) алгоритма программы, в том числе на изменение в процессе исполнения программы (фактически речь идет о новых для научного познания форматах, процедурах и методах познания, например, о *потоке определений* (см., напр.: [8, 211]), что позволяет, в частности, рассматривать возможности создания новых определений и операций (команд) в динамическом режиме (в ходе познания или исполнения программы), что важно для исследования возможностей изменения алгоритма и программного кода);
- составление определений в структуры (в программировании — это иерархии типов, подпрограммы, базы данных...) на диалектических основаниях (с учетом рефлексивности и возможности создания определений и изменения их форматов, см. ниже), которые могут применяться для создания комплексов определений и операций с ними, включая *архитектуры рассуждений*, их организацию в более общие модули и определение для них собственных регламентов определений и форматов их обработки;
- формирование и реализация *логических модулей* — создание блочно-последовательно изменяемого предметного содержания и определяемых его или в связи с ним процессов.

В смысле единства акцентированные выше положения обуславливают исследование следующих возможностей, важных в первую

очередь для диалектического познания (при строгих рассуждениях необходимо учитывать *действительность*, именно которая снимает разнообразные *возможности* и *нелогичности*, оставляя необходимые (обоснованные) положения):

- одновременное функционирование безотносительных логических комплексов: речь идет о реализации не столько параллельных вычислительных процессов (включая известные в программировании форматы многопоточности, суперскалярности и т. п.), сколько логического процесса, имеющего свое (теоретическое) основание в единстве и многообразиях логики и (функционально) базирующегося на упомянутой выше недиалектической системе логик, совокупности логик, что позволяет, в частности, рассматривать алгоритмические возможности, не свойственные наукам;

- ситуационное изменение логики познания (программы), например, создание гносеологических средств для изменения программы в ходе ее реализации, причем как метода в частности, так и логики процессов (и даже парадигмы) в целом;

- формирование и реализация (в том числе на основе логических модулей и рефлексивных функций) логических комплексов, обладающих возможностями нести определенные логические функционалы, в том числе порождающие (творческие) логические функционалы;

- создание новых возможностей познания и даже наук (например, *алгебра познания*, см. ниже) с последующим развитием в практической плоскости их представлений, в том числе новых алгоритмических форм познания и компьютерных форматов, характеризующихся рефлексивными и даже интеллектуальными особенностями.

Отметим, что применение именно категорий формы и единства для определений (в том числе типов и данных) требует альтернативных научному познанию приемов их подготовки и обработки вплоть до актуализации новых форматов и операций (в частности, в контексте реализации знаний или в смысле потоков определений), в целом не имеющих теоретических ограничений со стороны первоначального (субъективного) алгоритма (познания или программы), что принципиально важно для создания качественно новых данных и операций в процессе познания (программы), для творчества и, в конечном счете, для компьютеризации интеллекта⁹.

---

⁹ Отметим, что автор аттестован в Институте прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН в качестве программиста-вычислителя.

Обобщение и изучение на диалектической основе обозначенных ранее положений приводят к пониманию и развитию ряда принципиально новых позиций.

Во-первых, фактически выше было обозначено новое предметное поле, осмысляемое в рамках сформированной в Современной диалектической философии, новая диалектическая область познания; это — *алгебра познания*.

Его основными принципами являются использование гегелевского концепта *логической идеи* и отказ от *обыкновенной логики* (чье содержание Гегель удостоил презрения [2, т. 5, 30]), отказ от «законов» Энгельса (известных как «законы диалектики»), которые им так и не были обоснованы, а лишь была отсылка к трудам Гегеля, в которых таких «законов» нет [5].

В основе алгебры познания лежит, по сути, различение неразличности принципов сущности и самосознания, рассматриваемых в смысле философии Гегеля. Это ведет к пониманию определенного Гегелем существа отдельных операций и методов в частности и познания вообще, что в свою очередь важно как фундаментальное положение, на базе которого в Современной диалектической философии развиваются теоретические основы исследования определений, действий с ними, логических комплексов и т. п., что важно и для программирования, и для алгоритмизации диалектического познания.

Алгебра познания предназначена для исследования в диалектическом смысле определений, операций и их систем, начиная от элементарных логических операций и заканчивая общим предметным полем исчисления определений и знаний, а также позиций систематизации и алгоритмизации диалектического познания и форматов вычислительных процессов.

На основе алгебры познания возможно исследование определений и операций, их составления и развертывания в логические комплексы, вплоть до альтернативных научному познанию форматов и комплексов определений, операций и принципов их организации, особенно в целях а) осуществления операций порождения (форматов данных, данных) и б) алгоритмизации продуктивной силы воображения (и творчества) человека.

В целом алгебру познания для программирования можно понимать как своего рода аналог *алгебры логики* (Булевой алгебры, важной для становления и развития программирования), но с учетом того, что теперь речь идет уже не о формально-логических положениях, а о гносеологических и концептуальных позициях, важных для реализации не

свойственных современному программированию форматов определенных и операций и для создания программных функционалов, определяющих категориально-целевой характер программы и существенных для качественного развития программирования.

Во-вторых, обозначенные выше положения и формируемые концептуальные парадигмы (прежде всего алгебра познания) являются основаниями для изменения представлений а) о ходе познания и его программе, а также о компьютерной программе (точнее — создают новые представления о ней), без понимания сути которой алгоритмизация познания практически не имеет смысла, и соответственно б) о подходах к ее определению.

Отметим, что в программировании нет... корректного определения программы в первую очередь в силу упорного игнорирования в нем неопределенности алгоритма, которая скрывается за размытыми терминами (например, «набор команд»), которые сами требуют определения и еще обоснования (!) того, что они действительно раскрывают алгоритм (и далее программу) и что он при исполнении программой выражает решение задачи — поэтому, главное, обычная программа не обладает необходимостью. Да и по существу своему программа является выражением лишь мнений программистов о понимаемом лично ими (имеющемся у них) варианте решения задачи (пусть даже коллективном, но все равно субъективном): программа является субъективной. А в Современной диалектической философии программа определяется, исходя из обозначенного Гегелем расширения метода (алгоритма, совокупности операций) — понимаемого не как извне прилагаемого (программистом) к определениям (переменным и данным), а как деятельности (в смысле труда Гегеля «Наука логики»), развивающей и обогащающей содержание (задачи), — в систему [2, т. 6, 318] (программу).

По существу понятие программы осмысливается как обобщение операций и реализация логики, исходя из развития *логической идеи* (определенной в философии Гегеля), в силу чего за основополагающие положения принимаются присущность программе (в том числе и компьютерной программе) логики (проекции логической идеи), позволяющей (в ходе исследований) использовать диалектические инструменты и образуемые ими функциональные моменты, многие из которых, правда, несовместимы с догмами материалистических наук.

При этом в смысле идеи, по Гегелю, раздираемой противоречиями [2, т. 6, 219], для программы понимается имманентно содержащееся в ней *противоречие*, именно которое как *корень всякого движения и жизненности* [2, т. 5, 520] приводит к осмыслению объективного

развития (движения, осуществления) программы, в том числе компьютерной программы (что существенно отличается от представлений, имеющих в науках и программировании и сводящихся по сути к работе процессора на основе команд, т. е. к реализации всего лишь субъективных мнений программистов, мнений, формализованных в виде текста компьютерной программы).

С учетом понимания противоречия и того, что в программе исследований (и в компьютерной программе) реализуется логика, отражающая содержание решаемой задачи, обнаруживается основа понимания и определения программы, исходя из обуславливающих ее содержания и процесса, а не как в науках и программировании — на основе отдельных, зачастую противоречащих друг другу субъективных мнений разных специалистов. При этом программа может пониматься и в соответствующих различаемых отдельных обусловленных смыслах и ракурсах: и как система определений, и как система команд, и как система потоков определений, и как формат (архитектура) познания и т. д. (В целом указанные положения также обуславливают развитие представлений о файловой системе, операционной системе, программной платформе и архитектуре компьютера и даже о принципиально новом этапе развития программирования, о чем мы уже говорили в ряде наших статей (см., напр.: [7]).)

Развитие представлений об определениях, операциях и логических комплексах приводит к осмыслению не свойственных программированию а) качественно новых инструментов, позволяющих исследовать принципы формирования определений и операций и программные функционалы (в том числе содержащие форматы порождения, творчества и интеллекта), б) принципов создания и применения программы, а в итоге — в) реализации, поддержки и обслуживания диалектических инструментов и технологий и т. д.

В-третьих, акцентированные выше 1) предметные положения, в первую очередь порождение определений, их сочетание и изменение в ходе познания, развитие и развертывание определений и операций и образования их конфигураций, определение и алгоритмизация логических функционалов, в том числе связанных с созданием порождающих логических функционалов и с изменением данных и операций (в пределе — программного кода), 2) откровенно игнорируемое в программировании *противоречие* программы — в данном случае как основа снятия жесткой регламентации алгоритма (программы) и обеспечения возможности порождения новых определений и операций и реализации форматов творчества (творческой деятельности человека), 3) указанные выше (и другие) диалектические инструменты и технологии позволяют исследовать

ряд ментальных состояний и возможностей человека и предпосылки их алгоритмизации, в первую очередь *кибер интеллект*¹⁰ и затем компьютеризированное предметное интеллектуальное познание, или *кибер познание*, как раз и являющееся целью алгоритмизации диалектического познания [8].

В-четвертых, обозначенные исследования расширяют аналитические и прогностические возможности информационных технологий, основанных на формальных математических и статистических методах (например, технология Data Mining [4] и подобные ей), а также позволяют создавать качественно новые инструменты, технологии, причем не универсальные, поэтому порой малоэффективные, а предметно ориентированные, целевые (что правда, требует особого регламента их применения, но это уже отдельный вопрос, который мы здесь рассматриваем).

Завершая статью, отметим, что обозначенные исследования развития познания и его алгоритмических и системных возможностей проводятся вообще на основе принципов и подходов, во многом альтернативных научным — в частности, как взаимно обогащающие друг друга исследования развития диалектического познания и достижений программирования. Некоторые их направления в качестве обобщающих позиций статьи можно представить следующим образом:

- диалектические представления об определениях, операциях и их сочетаниях, о возможностях создания новых определений и операций (команд) в динамическом режиме (в ходе познания или исполнения программы) и об их развитии в ходе познания, в том числе на основе

---

¹⁰ Отдельно отметим, что в Современной диалектической философии при моделировании, алгоритмизации и компьютеризации аспектов и форматов диалектического познания и образов субъективного духа (см., напр.: [8]) преднамеренно — прежде всего для акцентирования отличий от объективно-научных исследований — не используется термин «искусственный» как не отражающий существо и воспроизведение человеческих состояний, способностей или возможностей и вообще некорректный в отношении ментальных особенностей человека, а применяется термин «кибер» (например, вместо термина «искусственный интеллект» используется понимаемый в смысле диалектического учения о субъективном духе термин «кибер интеллект»). Термин «искусственный интеллект» в современной диалектике понимается как наименование проблемы, обусловленной неопределенностью в науках понятия интеллекта. При этом понятие «artificial intelligence», которое должно было бы быть правильно переведено с английского языка (не как «искусственный интеллект»), в Современной диалектической философии понимается согласно западным представлениям.

рефлексивных возможностей, касающихся вариаций определений, операций, модулей и логики (алгоритма) исследований;

- новое предметное поле, или новая диалектическая область познания, — алгебра познания;
- диалектическое понятие программы на основе идеи;
- исследования ментальных возможностей человека и возможностей их алгоритмизации;
- определение концептов, не свойственных традиционному программированию файловой системы и архитектуры компьютера;
- осмысление новых форматов (архитектур) познания, вплоть до создания диалектичного интеллектуального кибер познания;
- проектирование качественно новых, предметно ориентированных информационных технологий.

При этом (что самое важное для диалектики) обозначаемые исследования являются основой и инструментом для решения не только (1) задачи развития познания, в том числе путем его алгоритмизации и компьютеризации, но и (2) главной задачи современной диалектики — изучения *индивидуального духа*, причем это теперь становится возможным в связи с (3) моделированием *среды духа*, понимаемой в частности как предназначенной для решения отдельных прикладных вопросов (например, в сфере экономики), а в целом как некоторой духовной среды, важной для исследования развития и метаморфоз духа (в обоих случаях существенную роль играют знания (в смысле труда Гегеля «Феноменология духа»), воплощаемые в данных, в свою очередь без которых невозможно описание и познание мира)¹¹.

Литература

1. *Быковский И.А.* Философские аспекты проблем создания искусственного интеллекта. Дис. ... канд. филос. н. / Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2003.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. М.
3. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
4. *Макленнен Д., Танг Ч., Криват Б.* Microsoft SQL Server 2008: Data Mining — интеллектуальный анализ данных / Пер. с англ. А. Лашкевича. СПб., 2009.
5. *Молчанов К.В.* «Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // *Философия хозяйства*. 2013. № 6.

---

¹¹ Обозначенное положение стало одним из основных положений авторского проекта «Феноменология духа — 2».

6. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // *Философия хозяйства*. 2016. № 2.

7. Молчанов К.В. Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания // *Философия хозяйства*. 2020. № 1.

8. Молчанов К.В. Неопределенность интеллекта и искусственного интеллекта в науках и целевая детерминация интеллекта и кибер интеллекта в современной диалектике // *Философия хозяйства*. 2020. № 2.

Refrence

1. *Bykovskij I.A.* Filosofskie aspekty problem sozdaniya iskusstvennogo intellekta. Dis. ... kand. filos. n. / Saratovskij gosudarstvennyj universitet imeni N.G. Chernyshevskogo, 2003.

2. *Gegel' G.V.F.* Soch.: V 14 t. M.

3. *Kant I.* Soch.: V 6 t. T. 3. M., 1964.

4. *Maklennen D., Tang CH., Krivat B.* Microsoft SQL Server 2008: Data Mining — intellektual'nyj analiz dannyh / Per. s angl. A. Lashkevicha. SPb., 2009.

5. *Molchanov K.V.* «Zakony dialektiki» — ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozheniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2013. № 6.

6. *Molchanov K.V.* O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzhdeniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 2.

7. *Molchanov K.V.* Kantianskaya, gegelevskaya i sovremennaya dialektiki i programmirovaniye: dialekticheskaya sistema logik, razvitie logiki i osobye formaty sovremennogo dialekticheskogo poznaniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 1.

8. *Molchanov K.V.* Neopredelennost' intellekta i iskusstvennogo intellekta v naukah i celevaya determinaciya intellekta i kiber intellekta v sovremennoj dialektike // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 2.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

**Ключевые атрибуты истины
(тезисы)***

Аннотация. Рассмотрены ключевые атрибуты истины: идеальность, познаваемость, объективность, универсальность, абсолютность, абстрактность, монистичность и результатность.

Ключевые слова: истина, идеальность, познаваемость, объективность, универсальность, абсолютность, абстрактность, монистичность, результатность.

Abstract. The key attributes of truth presented: ideality, knowability, objectivity, universality, absoluteness, abstractness, monistic and resultativity.

Keywords: truth, ideality, knowability, objectivity, universality, absoluteness, abstractness, monistic, resultativity.

УДК 122/129
ББК 87

1. Ключевые атрибуты истины — противоречивость, идеальность, познаваемость, объективность, универсальность, абсолютность, абстрактность, монистичность, константность (неизменность) и результатность.

2. Истина является противоречивой. Она не бывает «чистой»: в ней в снятом виде содержится ее противоположность — заблуждение, над которым истина асимптотически доминирует.

3. Истина противоречива, во-первых, потому, что она актуализируется не как таковая, а в противоречивом единстве с заблуждением; во-вторых, потому, что в ней отображено противоречивое единство базовых компонентов универсума — материального и идеального. И это не все, а только важнейшие аспекты ее противоречивости. Истина многогранно противоречива.

4. Истина тотально противоречива: в ней сконцентрирована противоречивость универсума и каждого явления.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Ключевые атрибуты истины (тезисы) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 101—108.

5. Поскольку не существует материи истины и, следовательно, истина не состоит из материи, она соотносится с идеальным компонентом универсума. Иначе говоря, истина идеальна.

6. Считать истину материальной — значит отрицать существование идеального.

7. Истина представляет собой высшую форму идеального, т. е. форму идеального, предельно далекую от материального.

8. Истина познаваема. Из допущения о ее непознаваемости вытекает невозможность иных рассуждений о ней, кроме абсурдных.

9. Допущение о непознаваемости истины может быть корректным лишь в том случае, если истина не существует.

10. Познаваемость истины включает в себя понимание противоречивого единства истины и заблуждения и проведение разграничения между ними.

11. Поскольку истина — главная универсалия и главный коррелят универсума, познать универсум означает познать истину, и наоборот: познать истину означает познать универсум.

12. «Гносеологической индифферентности нет, потому что игнорирование истины представляет собой утверждение заблуждения» [1, 118].

13. «С истиной нельзя не считаться. Ее отрицание декларативно. То, что формально является отрицанием истины, содержательно оказывается подразумеванием ее. Иными словами, отрицание истины есть ее бессознательное утверждение» [1, 15 — 16].

14. Наличие познаваемости среди атрибутов истины указывает на облигатность существования субъектов сознания, познания (мышления) и истины — философов.

15. Так как истина не возникает без познающего ее субъекта, или философа, существование истины предполагает ее познаваемость, и наоборот: познаваемость истины предполагает ее существование.

16. Истина объективна. «Объективность истины существует исключительно в форме объективированности, т. е. объективности, познанной субъектом — философом» [1, 114].

17. «Чистой» объективности нет. Объективность всегда отягощена своей противоположностью — субъективностью. До тех пор пока имеется ее носитель — субъект, наличествует и субъективность. Поэтому субъективность может исчезнуть только вместе с субъектом. Следовательно, дело не в том, чтобы ее элиминировать, а в том, чтобы придать ей снятую по отношению к объективности форму.

18. «Истина — единство объективного (гносеологического) и субъективного (антропологического) аспектов при асимптотическом доминировании первой стороны этого противоречия» [1, 109].

19. «Объективный (гносеологический) аспект истины представляет собой противоречие абсолютного и относительного. Истина, если иметь в виду ее объективный (гносеологический) аспект, — в первую очередь абсолютное и во вторую — относительное.

Субъективный (антропологический) аспект истины представляет собой противоречие индивидуального и социального. Истина, если иметь в виду ее субъективный (антропологический) аспект, — в первую очередь результат индивидуального понимания и во вторую — результат социального признания (апробации)» [1, 109].

20. «Истина — объективированная субъективность; заблуждение — субъективность» [1, 186].

21. Объективированная субъективность истины означает ее зависимость «от метода и от субъекта отражения действительности, точнее, детерминированность истины наличием универсального метода отражения действительности — диалектического (диалектико-материалистического) и универсального субъекта отражения действительности — философа» [1, 267].

22. Истина универсальна, потому что она есть «идея наличествующего во всем существующем вплоть до универсума противоречивого единства материального (материи) и идеального (отражения: движения, изменения, развития, взаимодействия)» [1, 334].

23. Истина не может быть локальной, поскольку в этом случае окажется нарушенным принцип ее гносеологической адекватности (гносеологической чистоты): она предстанет истиной в одном аспекте и не истиной в другом, а в целом — заблуждением.

24. Истина универсальна, заблуждение локально: оно носит частный/общий характер.

25. Универсальность истины коррелирует с ее абсолютностью.

26. Истина абсолютна, заблуждение относительно.

27. Поскольку истина едина и единственна, ее обозначение нуждается в уточнениях и пояснениях; наоборот, они лишь препятствуют ее пониманию. В частности, разделение истины на формы (виды и т. п.) представляет собой ее метафоризацию. Например, разделение истины на абсолютную и относительную, строго говоря, является искусственным. Словосочетание «абсолютная истина» тавтологично; его тавтологичность устраняется изъятием из этого термина прилагательного. В словосочетании «относительная истина» прилагательное обозначает

локальность (неуниверсальность) истины, или ее частный/общий характер. Однако поскольку она универсальна, словосочетание «относительная истина» оказывается метафорой, обозначающей заблуждение формальнологического типа.

28. Абсолютная истина не есть сумма постоянно уточняемых относительных истин, так как, во-первых, процесс постоянного уточнения относительных истин бесконечен, что обуславливает недостижимость и, следовательно, фантомность абсолютной истины; во-вторых, постоянное уточнение относительных истин (они же — разнообразные заблуждения) ведет к гносеологическому тупику: к поискам абсолютной истины, ограниченным сферой заблуждений.

29. Тезис об абсолютной истине как совокупности относительных истин может быть верным (неагностичным) лишь в том случае, если определить, какого их количества достаточно для образования абсолютной истины и какого качества должны быть эти относительные истины. Но поскольку указанные условия невыполнимы, обсуждаемый тезис неверен (агностичен).

30. «Абсолютное не является “чистым” в смысле отсутствия в нем относительности. Абсолютное — высшее и восполняющее относительного, относительное — низшее и восполняющее абсолютного. Универсальность абсолютного состоит в том, что относительное наличествует в абсолютном в качестве снятой (угнетенной) противоположности» [1, 198].

31. Правомерность использования словосочетаний «абсолютная истина» и «относительная истина» условна. Они приемлемы лишь при разграничении универсального и локального (частного/общего) аспектов истины, т. е. при дифференцировании истины и заблуждений формальнологического типа.

32. Высказывание «Истина относительна» безосновательно. Во-первых, в нем отсутствует определенность, поскольку оно содержит заявку на взаимоисключающее: на абсолютность и вместе с тем на относительность. Во-вторых, и абсолютность, и относительность этого высказывания неверитативны: в случае его абсолютности оно отрицает себя; если же данное высказывание относительно, то оно является заблужденческим в силу того, что его веритативность не обладает определенностью.

33. Тезис «Истина относительна» обременен фигурой умолчания. В полном виде он выглядит так: «Истина относительна, заблуждение абсолютно», — т. е. представляет собой абсолютизацию заблуждения и, соответственно, его апологию.

34. Абсолютность истины обуславливает ее абстрактность и мистичность.

35. Истина абстрактна. Категория истины — абсолютная абстракция. «По сравнению с ней все остальные категории и понятия репрезентируют различные уровни относительного и конкретного» [1, 15].

36. Конкретное репрезентировано уровнем частного. Конкретного общего уровня и конкретного универсального уровня нет; общее и универсальное абстрактны.

Примечание: различие между абстрактным универсального уровня и абстрактным общего уровня гораздо глубже, чем различие между абстрактным общего уровня и конкретным.

37. Абстрактное частного уровня не существует; абстрактное общего уровня — общее; абстрактное универсального уровня — универсальное.

38. У конкретного и у абстрактного общего уровня плохая логическая репутация, потому что они репрезентируют исключительно заблуждения, формальнологические и/или алогические.

39. Истина абстрактна, заблуждения также бывают абстрактными. Однако истина не просто абстрактна, а предельно абстрактна, точнее, она является универсально абстрактной, тогда как абстрактные заблуждения принадлежат к абстрактному общему уровня.

40. Истина универсально абстрактна, заблуждение конкретно либо относится к абстрактному общему уровня.

41. Из утверждения о конкретности истины вытекает, что универсальное абстрактное не существует.

42. «Истина абстрактна, если она универсальна, т. е. если она — истина. Конкретная истина является истиной локальной (частной/общей), которая за пределами сферы ее актуализации оказывается заблуждением и, следовательно, в философском смысле слова представляет собой заблуждение» [1, 420].

43. «Истина абстрактна. Тезис о ее конкретности является релятивистским и, соответственно, агностическим и идеалистическим, поскольку в нем констатируется не универсальность истины, а ее локальный (частный/общий) характер и тем самым — неизбежность погони исключительно за феноменами и, значит, растворение истины в их дурной бесконечности» [1, 419].

44. Конкретность истины означает ее постулированность (аксиоматичность), или подмену истины верой в нее.

45. «Следствие принципа конкретности истины — абсолютизация случайности» [1, 424].

46. Один из параметров истины — определенность. Определенность нельзя смешивать с конкретностью. Определенность представляет собой атрибут точности, тогда как лишь отдельные формы конкретного коррелируют с точностью, причем исключительно с точностью локального (частного/общего) уровня.

47. Истина монистична. Она «множественна по форме, но единична по содержанию» [1, 28]. Поэтому тезис о множественности истины неверен.

48. Множественность есть развернутая единичность, плюрализм есть мультиплицированный монизм. Следовательно, актуален вопрос не о множественности (монистичности) истины, а об адекватной форме ее единичности (монистичности). Данный вопрос разрешается в пользу диалектико-материалистической трактовки истины.

49. В отличие от собственно множественности, принцип (сущностный аспект) множественности монистичен. Следовательно, сущность монистична, истина монистична. Явления же могут быть и монистичными, и плюралистичными.

50. «Множественность в ее гносеологическом аспекте не является качественно однородной, а представляет собой иерархический комплекс, элементы которого отличаются друг от друга степенью их приближенности к истине» [1, 199].

51. Множественность интерпретаций может включать в себя либо одну истину плюс неограниченное количество заблуждений, либо только неограниченное количество заблуждений.

52. Тезис о множестве точек зрения на истину ошибочен, потому что множество точек зрения в лучшем случае состоит из одной истины и бесконечного числа отступлений от нее, в худшем — лишь из последних.

53. Максимум, что может содержаться в нескольких точках зрения на истину, — одна истина; минимум, что в них может содержаться, — одно заблуждение.

54. Утверждение об истине как о совокупности мнений, образующих нелимитированное множество, направлено на то, чтобы представить философию беспредметной и тем самым упразднить ее, а ею считать какую-нибудь идеологию, в пределе — идеологию постмодернизма.

55. Согласно постмодернистской доктрине, истина множественна, поэтому ни одна концепция не может обладать монополией на истину. Таким изощренным способом, фактически элиминирующим истину, адепты постмодернизма выражают свое притязание на ее узурпацию.

56. Тезис о множественности истины алогичен, потому что он сводит истину (универсальное) к частному/общему (локальному), т. е. к формальнологическому либо алогическому заблуждению.

57. Истина монистична, поскольку ее критерий — духовная (гносеологическая) деятельность, существующая исключительно в форме познания (мышления). Плюралистичной истина может казаться в том случае, если за ее критерий принимают социальную (отношенческую, хозяйственную) деятельность, репрезентированную потенциально бесчисленным количеством форм.

58. Истина монистична, заблуждение плюралистично.

59. Монистичность истины означает монистичность репрезентирующего ее концептуального комплекса. Гносеологически безукоризненный монистичный концептуальный комплекс — исключительно диалектический материализм (не марксизм: для него неприемлемы большинство ключевых атрибутов истины), единственная и единственно возможная форма материализма и, соответственно, философии.

60. Любая концепция множественности истины является идеалистической (мистической) и заблужденческой. Таковы же и все концепции монистичности истины, кроме диалектико-материалистической. Только в ней монистичность истины сопряжена с ее остальными атрибутами.

Примечание. Сказанное о концепциях множественности и монистичности истины *mutatis mutandis* относится и ко всем концептуальным версиям атрибутов истины.

61. В представлении о множественности истины сконцентрированы большинство ее псевдоатрибутов: непротиворечивость, непознаваемость, субъективность, локальность, относительность, конкретность, вариативность, процессуальность и др.

62. Иллюзия множественности истины производна от психологически комфортного, но гносеологически фиктивного убеждения в ее широкой доступности.

63. Из монистичности и абсолютности истины вытекает ее константность (неизменность). Если бы истина была множественной и/или относительной, она была бы вариативной.

64. Истина константна (неизменна), потому что константны ее определяющие параметры — количество и качество базовых компонентов универсума.

65. Истина константна (неизменна). Релятивность (изменчивость) истины означает ее превращение в свою противоположность — заблуждение.

66. Истине не во что трансформироваться, кроме как в заблуждение. Следовательно, она константна (неизменна).

67. Поскольку истина константна (неизменна), нет наращивания истины — есть прибавление новых заблуждений к старым.

68. Монистичность истины коррелирует с ее результатностью. Если бы истина была множественной, она была бы процессуальной, и наоборот: если бы истина была процессуальной, она была бы множественной.

69. Истина результатна. Иными словами, она не представляет собой процесс. Гносеологическим процессом является познание (мышление), а истина — его результат.

70. Процессуальность истины означает ее результатную неопределенность, т. е. гносеологическую безрезультатность. Но поскольку истина является определенной, она гносеологически результатна.

71. В каждом атрибуте истины имеется коррелирующий с ним критерий истинности.

72. Всякое высказывание, в котором вместо одного либо нескольких атрибутов истины фигурируют их противоположности (отрицания), страдает саморазоблачительностью, потому что декларированный в нем критерий истинности несостоятелен. Таковы высказывания о материальности, непознаваемости, субъективности, локальности (неуниверсальности), относительности, конкретности, множественности и безрезультатности истины.

Литература

1. Горбачев А. Ю. Философский дневник (2002 — 2013 гг.). Философские статьи и тезисы. Минск: Издатель А.Г. Печенко, 2014. 640 с.

References

1. Gorbachyov A. Yu. Philosophskij dnevnik (2002 — 2013 gg.). Philosophskie statji i tezisy. Minsk: Izdatel A.G. Pechenko, 2014. 640 s.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

А.Л. АНДРЕЕВ

Риски и угрозы в восприятии российского общества*

Аннотация. Статья, написанная на основе результатов эмпирических исследований, посвящена вопросу о том, как в российское общество идентифицирует и воспринимает разнообразные риски, вызовы и угрозы. Проводится сопоставление данных за разные годы, что позволяет выявить своеобразную колебательную динамику реакций массового сознания на неблагоприятные факторы, оказывающие отрицательное влияние на развитие общества и повседневную жизнь россиян. В последнее время внешние угрозы постепенно оттесняются на задний план, уступая место социальным и экономическим проблемам повседневной жизни. В то же время такие темы, как права и свободы граждан или же противопоставление авторитаризма и демократии, занимающие центральное место в западных СМИ, хоть и не оставляют россиян равнодушными, но представляются им не столь животрепещущими и приоритетными.

Ключевые слова: риски, угрозы, российское общество, социальное самочувствие, массовое сознание, социальная политика.

Abstract. The article, written on the basis of the results of empirical research, is devoted to the question of how the Russian society identifies and perceives various risks, challenges and threats. A comparison of data for different years is carried out, which makes it possible to identify a kind of oscillatory dynamics of the reactions of mass consciousness to unfavorable factors that have a negative impact on the development of society and the everyday life of Russians. In recent years, external threats have gradually been pushed into the background, giving way to social and economic problems of everyday life. At the same time, such topics as the rights and freedoms of citizens or the opposition of authoritarianism and democracy, which occupy a central place in the Western media, although they do not leave Russians indifferent, do not seem to them to be so vital and priority.

Keywords: risks, threats, Russian society, social well-being, mass consciousness, social policy

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Андреев А.Л. Риски и угрозы в восприятии российского общества // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 111—122.

УДК 15
ББК 88

К числу наиболее важных факторов, определяющих эмоциональную тональность общественных настроений и, в первую очередь, уровень их тревожности, следует отнести представления о рисках и угрозах, с которыми сталкивается или в обозримом будущем может столкнуться данное общество. Посмотрим, что думают на этот счет наши сограждане и какова динамика их мнений по этому поводу.

Начнем с источников угрозы. Являются ли они преимущественно внешними или внутренними? Анализируя распределение ответов россиян на данный вопрос в разные годы, можно обнаружить, что на протяжении последних полутора десятилетий это распределение менялось с некоторой законосообразной периодичностью, которая может быть представлена на графике в виде двух почти симметричных волнообразных линий, находящихся в отношении противофазы друг к другу. До 2014 г. в обществе в целом преобладало мнение, согласно которому основные угрозы для России находятся в ней самой. После известных украинских событий, за которыми последовала вооруженная операция в Сирии, картина получилась уже обратной. Надо полагать, россияне наглядно убедились, что борьба за наши внешнеполитические интересы имеет свою цену в виде санкций и повышения уровня конфликтности в международных отношениях, и этот факт получил отражение в переоценке рисков и угроз разного типа. Опасения, связанные с внешними факторами, устойчиво преобладали в российском обществе на протяжении последних шести лет, но, как показывают данные нашего опроса, к осени 2020 г., вновь наметилась тенденция к «перевзвешиванию» внутренних и внешних угроз. Соответственно кривые, представляющие на нашем графике результаты замеров их значимости в глазах россиян, стали опять сходиться и приблизились к точке пересечения — ныне разрыв между значениями, которые россияне приписывают внутренним и внешним угрозам сократился до ничтожной величины, укладываемой в рамки статистической погрешности (0,5%)

Во взглядах россиян на локализацию источников угроз наблюдаются значительные расхождения между крупными городами и селом. Для почти половины жителей мегаполисов основные угрозы сосредоточены внутри страны, и только треть их полагает, что источники угроз находятся за рубежом. А вот у жителей села соотношение мнений ровно обратное. Объяснить такое различие, на наш взгляд, можно лишь тем, что в своем понимании происходящего за границами нашей страны эта

категория населения всецело полагается на «телевизионную картинку», на которой внешние угрозы демонстрируются особенно рельефно и ярко, тогда как внутренние представлены, скорее, в «пастельных тонах», и на них не так акцентируется внимание аудитории. Областные, краевые и республиканские центры также склоняются к тому, что основной вред мы, скорее всего, наносим себе сами, но выражают такую позицию не столь резко, как москвичи и петербуржцы: если в мегаполисах доля тех, кто видит источники угроз и рисков внутри страны превышает долю их оппонентов не менее чем на 15 процентных пунктов, то в региональных центрах этот разрыв уменьшается в 2,5 раза. Что же касается городков районного масштаба, то там соотношение сторонников этих противоположных друг другу точек зрения является почти паритетным.

Сказываются на ответах по поводу месторасположения источников рисков и угроз также возрастные различия. В частности, распределение мнений молодежи до 24 лет совершенно равнозначно тому, что мы наблюдали, сравнивая мегаполисы с селом. При этом половина самых молодых убеждены, что основное зло находится в самой России, а треть полагает, что оно угрожает нам извне. Но уже в возрастной когорте 25—34 доли носителей противоположных точек зрения практически выравниваются и остаются примерно равными друг другу вплоть до наступления пенсионного возраста. И только в самой старшей группе 60+ наблюдается некоторое преобладание тех, кто больше всего опасается внешних угроз, хотя этот перевес невелик и не превышает 5 процентных пунктов (42% против 37%).

Экстраполируя на ближайшую перспективу выявленную нами тенденцию периодического пересмотра локализации источников угроз, можно ожидать, что, несмотря на нарастающее обострение международной обстановки, внутренние угрозы в глазах наших сограждан в скором времени опять могут получить перевес над внешними. О том, что такое действительно возможно, косвенно говорят также оценки интенсивности воздействия различных факторов на общественные настроения. В этом плане симптоматично, что наши респонденты поставили на первые места исключительно внутренние обстоятельства: заболеваемость коронавирусом (около 69% полученных в ходе опроса ответов), ситуацию в социальной сфере, в особенности в образовании и медицине (47%), состояние экономики и рынка труда (почти 46%). Возможности негативного влияния на общественные настроения такого фактора, как международное положение России, граждане страны оценили намного скромнее — их выделили и назвали в этой связи чуть более 30% опрошенных.

Надо сказать, что некоторые тревоги и страхи, терзавшие россиян в 1990-е и в начале 2000-х гг., уже ушли или потеряли в глазах населения свою актуальность. Например, это касается террористической угрозы. Кстати, как показывают проведенные нами исследования, включая опрос, результаты которого мы в данный момент рассматриваем, устранение этой угрозы (или, что может быть точнее, ее минимизация) является одной из немногих заслуг, которые россияне, безусловно, признают за своим правительством. Однако, к сожалению, на смену старым опасениям неизменно приходят новые. Так, не актуальная для россиян еще несколько лет назад угроза болезней и эпидемий под влиянием тяжелого опыта последних месяцев, связанного с пандемией COVID-19, приобрела в глазах населения большую остроту. Если еще в 2015 г. отчетливое чувство страха перед распространением разного рода эпидемий испытывали только 12% россиян, то к осени 2020 г. значение этого показателя возросло по крайней мере в 3 раза.

Теперь разберемся в реакциях россиян на значимые для них риски и угрозы более детально. Начнем с тревог и опасений, связанных с внутренним положением страны. Ответы на вопрос о том, какие факты, события и тенденции в российском обществе больше всего беспокоят наших респондентов, суммарно представлены нами в табл. 1.

Таблица 1

В какой степени вы опасаетесь развития следующих возможных событий и процессов в нашей стране?

(давался один ответ по каждой строке, %)

События и процессы	Это меня не беспокоит	Испытываю некоторое беспокойство	Испытываю постоянный страх
1. Раскол правящей элиты	71,7	25,9	2,4
2. Резкое снижение уровня жизни значительной части населения	14,6	55,2	30,2
3. Сепаратизм регионов и ослабление федерального центра	53,0	40,5	6,5
4. Ограничение прав и свобод граждан, установление авторитарного режима	29,6	51,4	19,0
5. Резкий рост уличной преступности	22,9	57,0	20,1

Продолжение табл. 1

6. Межэтнические и межконфессиональные конфликты	39,2	49,8	11,0
7. Новая революция в России	37,7	43,0	19,3
8. Дальнейшая деградация системы медицинского обслуживания	11,6	51,2	37,2
9. Моральная и культурная деградация значительных слоев населения	19,8	54,8	25,4
10. Приход к власти радикальных националистических и религиозных группировок	30,2	46,2	23,6
11. Разорение малого и среднего бизнеса в стране, резкий рост безработицы	20,4	51,2	28,4
12. Затяжное снижение цен на нефть, дальнейшее снижение курса рубля	23,2	53,1	23,7
13. Дефицит продуктов питания, рост цен на них	12,2	51,4	36,4
14. Усиление контроля государства за частной жизнью граждан	28,2	47,9	23,9
15. Рост недоверия и подозрительности между людьми	34,2	51,4	14,4
16. Рост недоверия граждан к власти	39,4	47,8	12,8

Как видно из приведенных данных, наибольшие тревоги и опасения россияне испытывают по поводу социальных и социально-экономических проблем. На первое место среди них надо поставить снижение качества и доступности медицинского обслуживания. Очень многие даже признались, что испытывают по этому поводу настоящий страх (37%, наивысший негативный показатель по всему списку возможных угроз), 57% проявили определенное беспокойство, и лишь около 12% заявили, что данная тема их вообще никак не трогает. Очень близкие значения индикаторов «это меня не беспокоит», «испытываю некоторое беспокойство» и «испытываю постоянный страх» были получены и при обработке ответов на вопрос о том, насколько наших респондентов беспокоит дефицит продуктов и рост цен на них. В обоих случаях доля граждан, которых пугают обе эти тенденции, превосходит долю тех, кого они совершенно не волнуют, примерно в 3—3,5 раза. Болезненно воспринимается в обществе и возможность снижения уровня жизни, а также разорения малого и среднего бизнеса с соответствующим ростом

безработицы: постоянный страх в этой связи испытывают соответственно 30 и свыше 28% опрошенных. Согласно данным, полученным в ходе сравнительных исследований по программе World Value Survey, совершенно не боятся потерять работу и чувствуют себя в этом плане вполне уверенно только 22% россиян. Этот показатель примерно в 2,5 раза лучше, чем в КНР или в Польше, но в 1,5 раза хуже, чем в США и в 2,5 раза хуже, чем в Германии [5]. Таким образом, сделанный по результатам проведенных ранее исследований ФНИСЦ РАН вывод о том, что российские государственные институты, ответственные за состояние социальной сферы, оказались не готовы к нейтрализации рисков массового ухудшения социально-экономического положения населения [2, 385], к сожалению, вновь находит свое подтверждение.

Для полноты картины, характеризующей восприятие россиянами различных социально-экономических рисков, добавим к сказанному, что, согласно полученным в ходе проведенного нами опроса данным, почти каждый четвертый из них боится падения нефтяных цен, за которым обычно следует значительное снижение курса рубля. Это, впрочем, напрямую связано с ростом стоимости потребительской корзины и снижением покупательной способности обычных граждан, а значит, и уровня их жизни. Особо отметим, что многие наши сограждане весьма обеспокоены некоторыми социокультурными дисфункциями, и прежде всего тенденцией к падению нравственности и общего уровня культуры. Эти опасения отнюдь не беспочвенны. Если советский человек был мотивирован на образование и культурное самосовершенствование, то постсоветское общество интерес к культуре и культурные компетенции утрачивает. Падает посещаемость музеев, концертов, театров, да и вообще интерес к событиям культурной жизни [3, 95]. В особенности это касается молодого поколения, не исключая самую образованную и интеллектуальную его часть — студенчество [1]. Для четверти опрошенных нами респондентов эта ситуация выглядит прямо-таки пугающе (хотя, как ни странно, моральное разобщение граждан, рост взаимного недоверия друг у другу, неизбежные в обществе, разделенном на выигравших и проигравших, при этом воспринимается нашими респондентами значительно менее эмоционально).

На фоне перечисленных социальных и социально-экономических проблем политические тревожения россиян представляются заметно более умеренными. В этом плане их больше всего беспокоят расширение возможностей контроля за частной жизнью граждан со стороны государства, а также приход к власти каких-либо радикальных и экстремистских группировок. Доля испытывающих в этой связи чувство страха в обоих

названных случаях приближается к 25% — довольно много, хотя все же несколько меньше числа граждан, которые не испытывают в данной связи каких-либо опасений. А вот такие темы, как права и свободы граждан или же противопоставление авторитаризма и демократии, с которыми постоянно носятся западные политики, хоть и не оставляют россиян равнодушными, но представляются им не столь животрепещущими и приоритетными. Да, свыше половины граждан в той или иной степени тревожит усиление авторитарной тенденции в российской политике. Но доля респондентов, которых это по-настоящему весьма пугает (19%), заметно меньше доли тех, кто такой опасности не ощущает (около 30%). Причем, заметим, что эти данные получены уже *после* прошедших в стране оживленных дискуссий по поводу так называемого обнуления сроков пребывания В.В. Путина на посту Президента Российской Федерации. Очевидно, с точки зрения реального положения вещей в стране и соответственно с точки зрения живого социального и политического опыта значительного большинства россиян, многое выглядит совсем не так, как с позиции внешнего наблюдателя, укорененного в догматике западного политического мейнстрима.

Продолжая анализ проблемных узлов российской внутренней политики, отметим, что межэтнических и межконфессиональных конфликтов по-настоящему сегодня боится лишь один из десяти наших сограждан. И это, в общем, понятно, учитывая стабильную тенденцию укрепления российской общегражданской идентичности и сравнительно низкий уровень межнациональной (межэтнической) конфликтности в бытовой среде. Рост недоверия к власти беспокоит одного из восьми, рост сепаратизма и ослабление федерального центра — примерно каждого пятнадцатого или шестнадцатого. На этом фоне несколько неожиданными представляются проявления тревоги по поводу возможности новой революции в России. Тема эта хотя бы до некоторой степени тревожит почти что четырех наших респондентов из каждых пяти. Хотелось бы обратить внимание тех, кто курирует вопросы внутренней политики российского государства, на эту внушительную цифру. Хотя число тех, кому гипотетическая перспектива революции внушает настоящий страх, все же не слишком велико — это чуть более 19% опрошенных, что, по крайней мере, в два раза уступает числу тех, кто воспринимает данную возможность со стоическим спокойствием (или же совершенно в нее не верит). Лишь ничтожные 2,5% наших сограждан всерьез озабочены перспективой раскола российских элит (вспомним, сколько муссируется в нашей политической публицистике тема противоречий между

«силовиками» и «либералами»). Но свыше 70% наших респондентов заявили, что как раз это их совершенно не беспокоит.

Особенно большие тревоги почти по всему спектру внутренних угроз испытывают малообеспеченные граждане. Доля постоянно испытывающих страх перед лицом этих угроз в данной социальной категории почти всегда превышает показатели их более благополучных сограждан, причем в некоторых случаях довольно значительно (исключение составляет разве что сепаратизм регионов, который сегодня в России вообще мало кого беспокоит). Скажем, запрос на личную свободу, согласно устойчивым либеральным стереотипам, должен быть более всего присущ успешным и материально обеспеченным гражданам, и их же должны особенно тревожить перспективы эволюции власти в сторону авторитаризма и нарушения прав граждан. Однако на самом деле у наших респондентов, отнесенных к категории малообеспеченных, страхи по поводу авторитаризма проявляются почти в 2 раза чаще, чем у тех, кто оценил свой материальный уровень как хороший. Усиления государственного контроля за частной жизнью среди довольных своим материальным положением граждан сильно беспокоит каждого пятого, а в группе недовольных этим положением почти что каждого третьего. И именно те, кто вошел в число наименее удовлетворенных своими доходами, более всех остальных напуганы снижением уровня морали и культурной деградацией общества. Таких среди респондентов с низкими доходами обнаружилось 34%, что, кстати, является наиболее высоким показателем среди всех озабоченностей данной группы. Однако странно, что самые бедные из наших респондентов больше, чем наиболее состоятельные, боятся новой революции в России (24% среди первых и 20% среди вторых).

Перейдем теперь к рискам и угрозам, генерируемым различными событиями и процессами, происходящими в глобальном мире. Соответствующие данные, полученные в ходе проведенного в сентябре 2020 г. опроса, представлены нами в табл. 2.

Первый же вывод, который следует из сопоставления данных, представленных в табл. 1 и 2, состоит в том, что, несмотря на явное обострение международной обстановки вокруг России, в настоящее время для ее граждан внешние угрозы намного менее значимы, чем внутренние. Это касается даже возможности втягивания России в вооруженные конфликты. Судя по данным World Value Survey, Россия принадлежит к странам с не самыми большими опасениями по поводу возможности новой войны. В некоторых странах Ближнего Востока и Латинской Америки, в Индонезии, Малайзии и во Вьетнаме, а на пространстве СНГ,

к примеру, в Киргизии эти страхи проявляются заметно сильнее, по России же общий уровень значений данного показателя по мировым меркам средний и примерно соответствует США или Турции [5]. Обеспокоенность по поводу таких социальных тенденций, как деградация системы медицинского обслуживания, рост цен, резкое снижение уровня жизни, разорение мелкого и среднего бизнеса, безработица, снижение уровня культуры и нравственности, в российском обществе оказался значительно выше — не менее, чем в 2—2,5 раза, чем страхи по поводу угрозы со стороны возможных военных противников.

Таблица 2

В какой степени вы опасаетесь развития следующих возможных событий и процессов в мире в целом?

(давался один ответ по каждой строке, %)

События и процессы	Это меня не беспокоит	Испытываю беспокойство	Испытываю постоянный страх
1. «Втягивание» России в новые военные конфликты	23,0	64,2	12,8
2. Углубление мирового экономического кризиса	29,4	59,4	11,2
3. Усиление влияния США на мировой арене	43,8	46,2	10,0
4. Усиление экономического и политического влияния Китая	48,5	44,2	7,3
5. Возобновление вооруженного конфликта на Востоке Украины с последующим втягиванием в него России	28,2	57,9	13,9
6. Дальнейшее ухудшение отношений России и США	36,1	53,5	10,4
7. Дальнейшее ухудшение отношений России и стран Европейского союза	35,6	55,4	9,0
8. Появление и распространение различных болезней, эпидемий, пандемий	12,8	51,2	36,0

Но, разумеется, опасения, связанные с перспективой развязывания вооруженных конфликтов, в России, видимо, никогда не сойдут на нет — не в пример таким удаленным от зон геополитических противостояний странам, как, например, Новая Зеландия (как тут не вспомнить наше традиционное «Лишь бы не было войны!»). И соответственно эти опасения нельзя списывать со счетов. Наибольшие тревоги по поводу возможности втягивания России в войну, а также по поводу усиления других крупных геополитических игроков, которые могут выступать по отношению к ней если не противниками, то соперниками, испытывают жители небольших и средних по размеру городов. Скажем, страх по поводу войн с участием России в мегаполисах испытывает всего 8% жителей, тогда как в городах районного масштаба примерно 17%, а в более крупных городах и областных центрах 15%. Это, правда, меньше, чем число людей, сообщающих, что их такая перспектива не беспокоит (21%), однако же и ненамного меньше.

Несколько возросла в последнее время тревожность по поводу усиления влияния США и ухудшения отношений с этой сверхдержавой, что, разумеется, косвенно также связано с перспективами каких-то силовых противостояний. Но все же данный прирост незначителен: если в 2014 г. эти тенденции вызывали страх у 5—7% наших респондентов, то осенью 2020 г. значение соответствующих показателей составило около 10%. Примерно на этом же уровне или чуть ниже зафиксирован «индикатор страха» по поводу ухудшения отношений с ЕС. В отношении перспективы усиления влияния Китая он оказался еще меньше — 7%. При этом от трети до половины наших респондентов динамика отношений между Россией с перечисленными центрами силы глобального мира вообще не беспокоит, тогда как еще 5—6 лет назад такое «олимпийское спокойствие» демонстрировала лишь пятая часть наших сограждан. Если же рассматривать данный вопрос дифференцированно, отдельно по разным социально-демографическим группам, то усиление сопоставимых с Россией по военной мощи крупных держав, по каким-то причинам, которым мы пока не можем найти рационального объяснения, значительно больше пугает российских мусульман, чем православных. Так, среди первых страх по поводу США выразил почти каждый пятый опрошенный, а среди вторых примерно каждый девятый. По Китаю значения испытывающих максимальную тревогу оказались примерно такие же — 15 и 7% соответственно. Как и в случае с опасностью новой войны значительные волнения по поводу усиления США и Китая испытывают обитатели малых городов (соответственно 13 и 10% относящихся к данной категории респондентов); в мегаполисах же образ нарастающей

военной, политической и экономической мощи США по-настоящему пугает лишь одного человека из приблизительно 14—15 опрошенных, возвышения же Китая здесь опасаются практически единицы (2%).

Нелишне, кстати, заметить в этой связи, что отношение россиян к усилению влияния стран Запада и Китая представляется заметно менее нервным, чем отношение американцев к возвышению их геополитических соперников. Как показали опросы, проведенные зарубежными экспертами, в 2019 г. примерно половина американских респондентов видела первостепенную угрозу в усилении России и 54% в усилении Китая. Как нетрудно подсчитать, это превышает значение общероссийских показателей соответственно в 5 (!) и 7,5 (!) раз [4]. Чуть-чуть острее, чем на внешнеполитические угрозы, хотя в целом почти также спокойно, россияне воспринимают и перспективу нового мирового экономического кризиса: постоянные страхи на этот счет испытывают примерно 11% опрошенных, а отсутствие каких-либо сильных отрицательных эмоций около 30%.

Из сказанного, как мы полагаем, совершенно ясно следует, что в настоящее время россияне чувствуют себя перед лицом внешнего геополитического окружения вполне уверенно и убеждены в том, что в целом они достаточно хорошо защищены от грозящих из-за границ страны нападений. Это, несомненно, является естественной психологической реакцией на неуклонное (хотя, возможно, и недостаточно быстрое) восстановление научно-технологического потенциала России, осязаемое усиление ее армии и флота и оснащение их уникальными передовыми вооружениями, на искусную дипломатическую игру Кремля, а также на проведение взвешенной внешнеэкономической политики, включая в особенности постепенный отход от долларовых расчетов и увеличение золотого запаса страны. Нельзя не признать, что такого рода реакции населения делают честь стратегическому мышлению руководства страны.

Однако, как свидетельствуют полученные нами эмпирические данные, внутренняя ситуация является отнюдь не столь благополучной. Характерное сочетание тревог и опасений по поводу социальных проблем с достаточно неблагоприятными оценками динамики улучшений/ухудшений в различных сферах жизни страны, выявленное в ходе проведенного исследования, дают основания говорить о перспективе нарастания тех специфических настроений, которые обычно называют глухим недовольством. Безусловно, надо отдать должное той кропотливой и нелегкой работе по возрождению экономического, технологического, научного и геополитического потенциала России, которая была

проделана после катастрофического провала 1990-х гг. Но, видимо, эмоционально-психологический ресурс, который до самого последнего времени подпитывал поступательное движение российского общества и социально-исторический оптимизм россиян, близок к исчерпанию, а страна приблизилась к внутренне противоречивому состоянию неустойчивого спокойствия, за которым может последовать как открытие новой, вдохновляющей активные слои населения перспективы, так и срыв в коллективную фрустрацию.

Литература

1. *Андреев А.Л.* Культурное пространство студента // Педагогика. 2003. № 10. С. 55—65.
2. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. М.: Весь мир, 2017. 420 с.
3. *Шестопал Е.Б., Селезнева А.В.* Социокультурные угрозы и риски в современной России // СОЦИС. 2018. № 10. С. 90 — 99.
4. Pew International. Climate Change and Russia Are Partisan Flashpoints in Public's Views of Global Threats/: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2019/07/30/climate-change-and-russia-are-partisan-flashpoints-in-publics-views-of-global-threats/> (дата обращения: 30.09.2020).
5. World Value Survey. Wave 7. Q. 146: [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/ASUS/Downloads/F00010771-EVS_WVS_Cross-National_Common_Core_Results_v1_4.pdf (дата обращения: 30.09.2020).

References

1. *Andreev A.L.* Kul'turnoe prostranstvo studenta // Pedagogika. 2003. № 10. S. 55—65.
2. Rossijskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga pjataja. M.: Ves' mir, 2017. 420 s.
3. *Shestopal E.B., Selezneva A.V.* Sociokul'turnye ugrozy i riski v sovremennoj Rossii // SOCIS. 2018. № 10. S. 90— 99.

А.Г. ШТЕЙНБЕРГ

Объективация женственности: фактор материнства*

Аннотация. В середине прошлого столетия зарождается и начинает развиваться философия феминизма, ставшая основой женского освободительного движения. В трудах С. де Бовуар, К. Хорни, С. Бем, А. Рич, С. Файрстоун, М. О'Брайн и других теоретиков изложены идеологические основания ожидаемых тогда перемен в социально-экономическом положении женщины в патриархальной культуре. Благие намерения большинства феминистов и их сторонников были направлены, кроме эмансипации, на необходимость привнесения ценностей феминности в мир «царственной» маскулинности. Наметившиеся за полвека социально-политические, экономические и демографические изменения привели к трансформации идентичности самого женского гендера, к кризису репродуктивной функции на практике. Анализ мировоззренческих оснований трансформации материнства как важнейшего фактора объективации женственности и посвящена эта статья.

Ключевые слова: феминизм, женственность, мужественность, репродуктивная функция, деторождение, мужская неполноценность, анатомия, невротичность, андрогинность, бессилие материнства, жесткое репродуктивное сознание, марксизм, половой класс, тирания, биологическая семья, «свобода от...», западная цивилизация.

Abstract. Since the 50s and 70s of the last century, the birth and development of the philosophy of feminism began, which became the basis of the women's liberation movement. In the works of S. de Beauvoir, C. Horney, S. Bem, A. Rich, S. Firestone, M. O'Brien and other theorists, the ideological grounds for the expected changes in the socio-economic position of women in patriarchal culture are set forth. The good intentions of most feminists and their supporters were directed, in addition to emancipation, to the need to bring the values of femininity into the world of «royal» masculinity. The socio-political, economic and demographic changes that have emerged over half a century have led to the transformation of the identity of the female gender itself, to a crisis of reproductive function in practice. This article covers the

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Штейнберг А.Г. Объективация женственности: фактор материнства // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 123—131.

analysis of the ideological foundations of the transformation of motherhood, as the most important factor in the objectification of femininity.

Keywords: feminism, femininity, masculinity, reproductive function, childbearing, male inferiority, anatomy, neuroticism, androgyny, impotence of motherhood, female reproductive consciousness, Marxism, sex class, tyranny, biological family, freedom from..., Western civilization.

УДК316.628.22
ББК 60.54

Современные социально-культурные тенденции, экономические трансформации и даже хозяйственно-бытовые реалии определенным образом влияют на объективацию феномена женственности. Seriously меняется самосознание, а вслед за ним и социальная практика представительниц «слабого пола». И не только в европейских странах и в США, но и в нашей стране. Интеграция женщин в экономику и общественную жизнь на правах субъектов приводит не только к изменениям в этих сферах, но и к смене приоритетов гендерной идентичности.

С изменением социально-экономической «картины» социума стала меняться на практике и сама феминность. Центральным мировоззренческим концептом объективации женственности в ее социальной ипостаси является *фактор материнства* как системное выражение диалектики биологического (физиологического) и социального (ролевого). Фактор исключительно важный не только с мировоззренческой точки зрения, но и с экономической, культурной и демографической. Тысячелетние философские традиции носят диалектический характер, рассматривая единство противоположностей через приверженность полов различным психологическим, поведенческим, социальным спецификациям. Согласно этой модели, ясно, что вести себя как женщина во многом значит «не как мужчина» и наоборот. При этом множество концепций (от Даосизма и Платона до К. Юнга) постулирует, что онтологические аспекты мужественности и женственности свойственны обоим полам, действуя в направлении взаимного определения через свою противоположность. Влияя друг на друга, социально-половые начала не только постоянно меняют мировоззренческие акценты их диалектики, но и оказывают влияние на изменение специфики социальных ролей и практики друг друга.

Сегодня мы наблюдаем новый виток таких трансформаций. Нас здесь интересуют намечающиеся драматические изменения именно в отношении к материнству, ставшие, к сожалению, результатом серьезных

«достижений» в «борьбе» женщин за «свои права и свободы». Желанная и ожидаемая тенденция внесения в мир патриархальной «маскулинности» гармонизирующих, гуманистических, «материнских» ценностей освобожденной феминности как фактора спасения человечества от грядущих катастроф оборачивается сегодня опасными с точки зрения именно этого «спасения» трансформациями самой женственности.

Начиная разбираться в этом вопросе, стоит обратиться к истокам феминизма. Особую роль здесь сыграли феминистское движение в США и мировоззренческие концепции эмансипации второй половины XX в. Нас интересуют здесь специфика трактовки фактора материнства, родившаяся полвека назад, и соответственно поиск мировоззренческих оснований для возвращения к «сути вещей».

Конечно, и об этом много сказано, — все «началось» с С. де Бовуар и ее бессмертного «женщиной не рождаются». Но к ней мы еще вернемся. Следующим столпом дискуссии о материнстве является творчество К. Хорни, ставшей матерью крайне революционной для своего времени и популярной концепции, которую можно было бы назвать теорией «мужской неполноценности». Отойдя от классического фрейдистского физиологического детерминизма, Хорни заявляла, что женственность обладает особенной биологической конституцией и нюансами развития, которые в традициях маскулинной культуры рассматриваются как некие неполноценности. Этому нужно положить конец, считала автор «Психологии женщины», при этом традиционно женские психологические проблемы следует увязывать с подчиненным положением женщины в современном «маскулинном» обществе. Помимо всего прочего, вопросы вызывало и чисто мужское представление о женщине в психоанализе. Школа классического фрейдизма была основана и развивалась исключительно мужчинами.

Хорни была единственной женщиной, кто не только творил в структуре этого, по ее же остроумному замечанию, творения мужского гения, но и бросил вызов основным его постулатам. Именно с позиций такой «знаковой» для психоанализа женщины она и делает вывод о закономерности того, что учениками и последователями З. Фрейда изучалась лишь мужская психология, ведь внутренние переживания мужчин им были более близки и понятны, чем женские. При этом очевидный факт главенствующей роли женщины в сотворении новой жизни — на фоне непрекращающейся конкуренции мужчин по поводу их состоятельности — не могли не привести к тому, что «из-за относительно малой роли мужчины в прокреации он испытывает бессознательную зависть к женщине и отсюда — желание обесценить

женщину, причем эта зависть, если судить по интенсивности дискредитирующей тенденции, у мужчины гораздо сильнее женской «зависти к пенису» [1, 14].

С юных лет осознанная мужчиной именно такая физиологическая ущербность и побуждает «царственную» маскулинность создавать идеалы креативности, доблести и воинственности, добиваться сексуальных «побед» или даже унижать сам объект своих вождельний — женщину. Иначе говоря, патриархальность, видя в женщине угрозу мужской идентичности, создает мировоззрение, которое бы все больше и больше обеспечивало господство маскулинности. Психологические особенности *индивида, отмеченные Хорни, являются, по ее мнению, следствием важных личностных социально-половых трансформаций, а вовсе не фундированы физиологически*. И тут важный момент! Говоря о мужской зависти, Хорни делает известное мировоззренческое предположение о том, что именно эта зависть служит одной... из движущих сил, побуждающих мужчин к созданию культурных ценностей. Таким образом, женщина своим материнством не только порождает человеческий потенциал культуры, но и «создает» общечеловеческие ценности [1, 31].

Для целей нашего анализа стоит обратиться далее к «программной» работе Адриан Рич, известного теоретика феминизма, которая последовательно рассматривала материнство как важнейшую особенность женственности, находящуюся под серьезным прессингом патриархальной цивилизации. Сегодня, используя аргументацию Рич, нам приходится апеллировать к новой феминности. Итак, в книге с говорящим названием «Рождение женщины: материнство как опыт и институт» (1970) Рич объявляет главную задачу своего исследования. Она считает, что пришло время полностью осознать «силу и бессилие материнства» в патриархальной культуре, поскольку так же, как и К. Хорни, убеждена в том, что женщины, будучи и матерями, и дочерьми, мало обсуждали данную проблему. Как результат долгого пути феминности к самосознанию — подавляющее большинство адекватных и визуальных образов материнства приходит к нам сегодня «отфильтрованным» через коллективное или индивидуальное мужское сознание [6].

Вот этот-то пробел и стали «заполнять» теоретики и практики борьбы женщин против «бессилия материнства». Разговор в работе Сандры Бем идет уже об «эмпирическом исследовании андрогинности». Она считает необходимым разработать некий новый тип шкалы «мужественность — женственность», в которой они бы не рассматривались как противоположности, как края континуума, что, по ее мнению, было

свойственно большинству предыдущих концепций [3]. Новая шкала мужественности—женственности относится к мужественности и женственности как к двум независимым измерениям, тем самым давая возможность охарактеризовать человека «не только как мужчину или женщину, но и как “андрогина”», т. е. имеющего как мужские, так и женские атрибуты [3, 23].

Исследование Бем в Стэнфордском университете было основано, по ее словам, на двух основных предположениях. Первое: мужественность и женственность являются некими дополнительными областями положительных качеств и поведения, а посему, возможно, в принципе, чтобы человек рассматривался в единстве мужского и женского. Но, в отличие от классических философских подходов, это единство «инструментальное, выражаемое как через индивидуальное, так и через коллективное» [3, 23]. Второе: у полностью успешного и здорового человека функциональные особенности мужественности и женственности, считает Бем, по-видимому, «сдерживают друг друга», а поэтому должны быть интегрированы в более сбалансированную, более человечную, поистине андрогинную личность [3]. Автор, так же как К. Хорни, отталкивается от невротичности и неполноценности личности. Правда, с иной конечной целью, из которой становятся более или менее ясными идейные истоки современных нападок на женственность со стороны самих феминистов. В начале 1970-х Бем, «служа своим феминистским убеждениям», решила попробовать объединить свои личные, политические и научные интересы, проведя психологические исследования, которые показали бы, что женское освободительное движение за несколько десятков лет все же воспитало целое поколение молодых американцев, осознавших, сколь крепко они заперты в своих, «соответствующих полу ролях». Конкретно: женщины боялись выразить гнев, заявить свои предпочтения, доверять собственному суждению, взять ситуацию под контроль, мужчины же стеснялись своих чувств, опасались прикоснуться друг к другу, боялись плакать, признавать свои страхи и слабые стороны [3]. Поэтому, как заявляет сама Бем, она и поставила и преследовала феминистскую цель — собрать соответствующие данные в попытке продемонстрировать опытным путем, что традиционные сексуальные роли ограничивают поведение в важных областях человеческих отношений. «Особое внимание, в частности, я начала уделять эмпирическим исследованиям в рамках концепции психологической андрогинности» [3, 23].

Вопросы «онтологии женственности» в философии, в частности, отношении к материнству и гендерная роль в социуме, рассматривались нами ранее (см.: [2]). Вполне в русле рассуждений

О. Вейнингера и в продолжение «эмпирических исследований С. Бем» творили феминисты 1970—1980-х М. О’Брайн, С. Файрестоун и Д. Аллен. Мэри О’Брайн, в частности, видит женщину узницей приватной жизни, заточенной в домашней тюрьме. Это делает ее невидимкой не только для мужчин, но также и для других женщин, от которых она могла бы (во времена подъема феминистского самосознания) получать средства к существованию — как моральные, так и духовные [5]. Удаленная из царства публичности, она стала почти незаметна и для себя самой. Обесценивается попутно, по мнению О’Брайн, и значимость ее труда, как производительного, так и репродуктивного. Посредством этого «раскалывающего дуализма» — общественного и частного — увековечивается иной дуализм. Феминизм настаивает на том, что «ценность» — это не только экономическая категория, но и этическая, аффективная и генетическая. Это создает принципиально иной опыт отношений людей и природы, отличный от того, который создается мужским дуализмом [5, 166]. И опять речь идет о том, что феминизм должен утвердить «принцип интеграции», который станет основой социально-политической практики, куда более рациональной, гуманной и прогрессивной, чем любая, когда-либо существовавшая односторонняя гендерная практика. Феминисты «второй волны» устами О’Брайн заявляют, что человек универсален, духовен, теоретичен, публичен и нравственен. А вот женщина в данном случае воспринимается социумом как противоположное и... Иное. Сама же Великая Интеграция женственности с Непрерывностью Истории (прописные буквы. — *А.Ш.*), которую, на наш взгляд, остроумно постулирует автор — это темная и таинственная угроза для патриархальности, которую необходимо подавить и от которой, в конечном итоге, нужно отказаться. Для мужчин сексуальность — основание права свободного присвоения, основа власти над женщинами и детьми. «Социальные отношения воспроизводства являются отношениями доминирования именно потому, что в основе доктрины потенции лежит непримиримая импотенция неопределенности, импотенция, которая расцветивает и непрерывно ужесточает (*brutalizes*. — *М. О’Брайн*) социальные и политические отношения, в которых и выражается» [5, 191]. О’Брайн утверждает, что развитие новой социальной теории должно исправить эти заблуждения. Она отмечает «в феминистской перспективе» более ясное видение, управляемое идеалом практики, в которой будет единство между знанием и делом, мышлением и действием. Такая практика может диалектически посредничать между феминным и маскулинным способами мышления и бытия, и, следовательно, двигаться к

постепенной интеграции человеческих существ. Женское репродуктивное сознание, считает она, выходит за рамки изоляции женщин в их домашних тюрьмах. «...Женщины осознают реальность универсального сознания, сестринство (sisterhood. — *M. O'Brien*) с которым, ведущее к простейшим, но глубоким преобразованиям, у нас уже есть» [5, 208].

Не мудрено, что подобно рода рассуждения во второй половине XX в. начали приводить к серьезным изменениям отношения к феномену материнства. Дальнейшее развитие феминистской теории в 1970-х гг., стремящееся принести материнство в жертву освобождения женщины, связано творчеством Суламифи Файрстоун. В своем основном труде, отталкиваясь от материалистической марксистской классовой теории, обращаясь к З. Фрейду, С. де Бовуар, автор развивает «теорию классовой борьбы полов». Данная работа, несомненно, достойная более глубокого анализа, представляет собой еще один вариант постулируемого нами *похода феминизма против женственности и деторождения*. «Предположение о том, что под экономической теорией реальность является на самом деле психосексуальной, часто отвергается как неисторическое теми, кто принимает диалектико-материалистический взгляд на историю» [4, 4]. Файрстоун не хочет идти путем Маркса — «на ощупь сквозь туман утопических гипотез, философских систем», получивших или не получивших подтверждение, создать систему, объясняющую конкретные исторические события априорными категориями мышления. Чужды также автору «Диалектики пола» и попытки исторического материализма объяснить «знание» «бытием», а не наоборот. Она считает, что есть еще «неопробованная» третья альтернатива: это дерзкая попытка развить «материалистический взгляд на историю, основанный на поле (sex. — *S. Firestone*) как таковом» [4, 4].

При этом Файрстоун сразу и решительно выходит за рамки марксизма и диалектического материализма, утверждая, что, в отличие от «экономического класса», «половой класс» возник непосредственно из биологической реальности. Ведь мужчины и женщины «созданы разными, а не равными». Далее идет отсылка к концепции С. де Бовуар, считавшей, что сие различие само по себе не требовало развития классовой системы, а доминирование одной группы над другой возникло на основе репродуктивных функций. Ополчаясь на «репродуктивную функцию», Файрстоун «рвет» не только с Марксом, но и с фрейдом-марксизмом. «Биологическая семья — это по своей сути неравное распределение власти. Потребность во власти, ведущая к

развитию классов, возникает из психосексуальных характеристик каждого индивида в соответствии с этим базовым дисбалансом, а не, как постулировали Фрейд, Норман О. Браун и другие, еще раз преувеличивая... какой-то неразрешимый конфликт Жизни против Смерти, Эроса против Танатоса» [4, 6].

В главе 10 книги автор предлагает преодолеть самую Природу, при этом утверждая, что природное, «естественное», не обязательно является «человеческой» ценностью. «Человечество начало преодолевать природу: мы больше не можем оправдывать сохранение дискриминационной системы классов полов на основании ее природного происхождения» [4, 8]. А вот «действительно прагматичная задача» состоит в том, чтобы от него избавиться [4, 8].

Избавление от природного деления на «классы полов», по мнению Файрстоун, должно привести к серьезным гуманитарным трансформациям в социуме, объективацию которых мы замечаем спустя полвека после выхода книги. Как серьезное достижение в «будущем» (для нас настоящее) автор рассматривала замену искусственным воспроизводством воспроизведения вида одним полом «для блага обоих». «Дети будут рождаться у обоих полов одинаково или независимо от того или другого, как бы на это ни смотрели» [4, 10]. Вместе с тем, считает автор «Диалектики пола», зависимость ребенка от матери (и наоборот) уступит место значительно сокращенной зависимости от небольшой группы в целом, и любое остающееся меньшее по сравнению со взрослыми физическое отставание будет компенсировано культурно [4, 10]. Разделение труда, пророчествует далее Суламифь, будет прекращено полным устранением труда (посредством кибернетики). И все это фактически только для одного важнейшего результата — сломать «тиранию биологической семьи» [4, 10].

Трудно переоценить, какой резонанс имели эти «фантазии» в душах американских и европейских женщин 1970—1980-х гг.! Они и сегодня звучат в определенной степени как благородный революционный призыв! Но если и получила западная женщина свободу от тирании биологической семьи, то не стала ли она для нее, говоря словами Э. Фромма, «свободой от...» ее феминной сущности и приговором западной цивилизации.

Феминистские концепции женственности продолжали развиваться, трактовки феномена деторождения приобретали новые концептуальные особенности стараниями И. Римланд, М. Мид, Дж. Гримшоу, Н. Чодороу, К. Макмиллан, Д. Бенджамин. Анализу этих более

поздних взглядов (начиная с 1980-х гг.) будут посвящены наши следующие статьи.

Литература

1. *Хорни К.* Психология женщины. СПб.: Питер, 2018. 224 с.
2. *Штейнберг А.Г.* «Неосновной вопрос философии», или немного о сущности женственности // *Философия хозяйства*. 2007. № 2 (50). С. 183—198.
3. *Bem S.L.* The measurement of psychological androgyny // *Journal Consulting and Clinical Psychology*. 1974. No.42. P. 155—62.
4. *Firestone S.* *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*. Farrar, Straus and Giroux, 2003. 240 p.
5. *O'Brien M.* *The Politic of Reproduction*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1981. 240 p.
6. *Rich A.* *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. Norton Pbk. Ed., 1995. 352 p.

Referenses

1. *Horni K.* *Psihologiya zhenshchiny*. SPb.: Piter, 2018. 224 s.
2. *SHtejnberg A.G.* «Neosnovnoj vopros filosofii», ili nemnogo o sushchnosti zhenstvennosti // *Filosofiya hozyajstva*. 2007. № 2 (50). S. 183—198.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ**

Ф.Л. СИНИЦЫН

**Массовое сознание в СССР
в период правления Л.И. Брежнева (1964—1982)***

Аннотация. К середине 1960-х гг. в советском обществе произошли важные изменения, в том числе рост самосознания основных групп населения, эволюция взглядов на место человека и его семьи в обществе и государстве, изменения в настроениях молодежи, а также существенный рост значимости «материального аспекта» жизни. Предыдущие, в основном, положительные для советской системы тенденции в массовом сознании породили у руководства страны соответствующие ожидания от настроений населения. Однако «контролируемость» массового сознания в СССР теряла свою глубину, оно претерпело существенные изменения, «неудобные» для советской системы. Эти изменения состояли в снижении эмоционально-психологического тонуса советского общества, авторитета власти и идеологии, а также морально-политической монолитности общества, что проявилось, в первую очередь, в расширении псевдо-лояльных и оппозиционных групп. Несмотря на очевидный рост важности массового сознания советских граждан и эскалацию «негативных» изменений в нем, реакция властей на новые проявления была неадекватной и неэффективной.

Ключевые слова: массовое сознание, история, СССР, советское общество, Л.И. Брежнев.

Abstract. The article is devoted to identifying trends in mass consciousness of Soviet citizens during «The Era of Brezhnev». By the mid-1960s, important changes had taken place in Soviet society. First, it was the growth of self-awareness of the population. Secondly, there was an evolution of views regarding the place of a human being and a family in society and the state. The change in the mood of young people was also an important factor of the new situation in society. Simultaneously, there was significant increase in the importance of the «material aspect» of life. During «The Era of Brezhnev», the previous «positive» aspects of the mass consciousness remained to a certain extent. However, its «controllability» was losing its depth. In fact,

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сеницын Ф.Л. Массовое сознание в СССР в период правления Л.И. Брежнева (1964—1982) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 135—151.

the mass consciousness began to undergo significant changes that were «inconvenient» for the Soviet system and ran out of the control of the authorities. Changes in the mass consciousness were caused by the abovementioned changes in the Soviet society itself, the slowdown in real growth of welfare, and ambiguous events happened in the country. The changes included the decrease in the emotional and psychological tone of the Soviet society, reduction of authority of the government and ideology, reduction of the moral and political solidity of society. Despite the obvious increase in the importance of mass consciousness and the escalation of changes in it, the response of the authorities to these phenomena was inadequate and ineffective and mostly had a restrictive and repressive bias.

Keywords: mass consciousness, history, ussr, soviet society, leonid brezhnev.

УДК 930.

ББК 63.3(2)633-2.

Введение

Изучение истории массового сознания в СССР в период правления Л.И. Брежнева (1964—1982) сегодня весьма актуально. Это время не так далеко отстоит от современности, многие аспекты современной жизни России и постсоветского пространства и в социальном, и в бытовом плане были заложены в тот период. Его история вызывает у ученых, публицистов и в народной памяти противоречивые оценки.

Задачей исследования, представленного в данной статье, является выявление тенденций массового сознания советских граждан в «брежневскую эпоху». В историографии фрагментарно рассмотрены отдельные аспекты истории массового сознания в СССР, однако до сих пор не появилось труда, в котором были бы комплексно проанализированы изменения, происшедшие в массовом сознании, причины и итоги этих изменений, а также реакция властей на них.

Источниковая база исследования включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, выявленные автором в Российском государственном архиве новейшей истории, Российском государственном архиве социально-политической истории и Центральном государственном архиве г. Москвы.

Советское общество в середине 1960-х гг.

К середине 1960-х гг. основная масса населения Советского Союза высоко оценивала свое государство, его место в мире и сохраняла

доверие к власти, интерес к коммунистической идее, восприимчивость к пропаганде [6, 303; 7, 842, 852; 13, 816; 22, 145]. В обществе в определенной мере сохранялись «идеалистические» настроения и энтузиазм¹. Эмоционально-психологический тонус советского населения был высоким. Многие граждане страны были в высокой степени удовлетворены своей жизнью, оптимистично смотрели в будущее [7, 866—867; 13, 816].

Рост самосознания граждан СССР. Тем не менее в советском обществе произошли важные изменения. Прежде всего, это рост самосознания населения. У интеллигенции оно, и так возросшее в период «Оттепели», было усилено «научно-технической революцией», вызвавшей «технократические настроения», которые выражались «во мнении, что управлять обществом должны специалисты (т. е. инженеры, ученые и пр. — Ф.С.), а не “функционеры-аппаратчики”». (Так проявлялась и реакция на десятилетия «приниженного положения» интеллигенции в виде «прослойки», подчиненной рабочему классу.) В свою очередь, у рабочего класса рост самосознания проявился в участии в забастовках, причинами которых было недовольство условиями труда, размером заработной платы и пр. (так, в 1969 г. в забастовках приняли участие не менее 1 тыс. человек). Характерным проявлением растущего самосознания также был отказ некоторых граждан от участия в выборах либо голосование «против» (некоторые люди сообщали, что делают это из-за несправедливости со стороны властей, нерешенности жилищного вопроса и т. п.)².

Изменения в парадигме семьи. В СССР происходила эволюция взглядов на место человека и его семьи в обществе и государстве, направленная в сторону признания семьи в качестве главной, непреходящей ценности. Интересно, что одновременно шел и другой процесс — разрушались патриархальные воззрения на семью³ [8, 83—85], угасали коллективистские настроения и расширялась приверженность индивидуализму. Эти явления вызывали возмущение консервативно настроенных граждан СССР⁴.

---

¹ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 118. Л. 61; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 20. Л. 10—11, 27; РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 274. Л. 21, 24, 28, 30—31, 36—37.

² См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 559. Л. 61; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 16. Д. 10. Л. 3—5; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 4; ЦГАМ. Ф. П-63. Оп. 1. Д. 2247. Л. 71; РГАНИ. Ф. П-80. Оп. 1. Д. 1555. Л. 30—32.

³ Разумеется, в ряде регионов СССР, таких как Кавказ, Средняя Азия и др., эта тенденция была не так заметна.

⁴ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 20. Л. 8, 11.

Настроения молодежи. Важным фактором новой ситуации в обществе стали изменения в настроениях молодежи, связанные с проблемой сохранения преемственности поколений и появлением разного рода «субкультур». Молодые люди в СССР все более отходили от прежних символов и ценностей [23, 29], воспринимая другие, в том числе «западные», и изобретая свои собственные. Кроме того, сама молодежная стража увеличилась и в абсолютных цифрах, и в относительных. В СССР отмечалась тенденция к расширению временных границ молодости, возник «культ молодости», который стал играть в обществе большую роль (и играет до сих пор). Эти изменения были фактором снижения авторитета старшего поколения, которое оставалось главным носителем «коммунистических идеалов». Представители последнего били тревогу, что «молодежь растет не такой, какой она должна быть»⁵.

Рост значимости «материального аспекта». В советском обществе существенно возросла значимость «материального аспекта» жизни. В СССР начало формироваться «общество потребления»⁶, стала популярной «педагогика счастья» — воспитание детей с упором на удовлетворение материальных запросов [16, 131] (в конце 1970-х гг. рост материальных затрат на детей в семье в 1,5 раза опережал рост доходов семьи⁷). Это явление вызывало протест со стороны идеалистов. Кроме того, характерным отличием СССР стал «культ импортных товаров» [10, 200—201, 229], крайне «неудобный» для советской идеологии. «Фарцовка» иностранными вещами и валютой, выпрашивание у иностранцев разных «сувениров» резко порицались властями⁸, а первая — также преследовалась по закону.

Ожидания властей в сфере массового сознания

Власти считали, что «социалистическое сознание... господствует» в СССР (хотя и признавалось наличие «у отдельных людей... различного рода явлений, чуждых социализму», а также «разочарований и сомнения, возникающих... от столкновения в житейской действительности с бюрократизмом»⁹). В рамках официально принятой с конца

---

⁵ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 121; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 20. Л. 7, 12.

⁶ См., напр.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 39. Л. 11—12; РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 58; РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 274. Л. 32.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 248. С. 4.

⁸ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 20. Л. 6, 27; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 24. Л. 83, 86.

⁹ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 20. Л. 72; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 12; РГАНИ. Ф. 104. Д. 28. Л. 10.

1960-х гг. в СССР концепции «развитого социализма» прогнозировались единодушие, лояльность и приверженность народа власти и идеологии [5, 73]. Лидеры страны в своем кругу говорили об успехах идеологических мероприятий¹⁰. В ноябре 1966 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС было объявлено, что «моральная обстановка в стране... сейчас значительно лучше, чем была в прошлом» [4, 62].

Изменения в массовом сознании в ходе периода

В течение «брежневского периода» в массовом сознании граждан СССР в определенной степени сохранялись предыдущие позитивные для советской системы аспекты. Среди них были чувства «стабильности», «торжества социальной справедливости» и «социальной устойчивости». Часть советского населения сохраняла искреннюю верность коммунистическим идеалам. Не исчезла полностью мифология «светлого будущего». Большинство советских граждан — как минимум внешне — сохраняли высокий уровень доверия к институтам власти, не выражали сильных, эмоционально окрашенных реакций недовольства, гнева, не демонстрировали склонности к протестным акциям. На основании этих фактов А.В. Чернявский сделал вывод, что в целом общественное мнение в СССР сохраняло свой контролируемый характер [6, 357; 7, 608, 859; 19, 202, 208; 21, 11]. Однако, на наш взгляд, «контролируемость» массового сознания в СССР теряла свою глубину, становилась все более «внешней». Массовое сознание начало претерпевать существенные изменения — явно негативные для советской системы.

Причины изменений в массовом сознании. Во-первых, эти изменения были вызваны проанализированными выше переменами в советском обществе. Рост самосознания людей, а также повышение их информированности о событиях, происходивших в мире¹¹, возрастание влияния альтернативных источников информации привели к усилению критичности мышления граждан СССР. Вопреки уверенности властей, что с ростом образования приверженность людей идеологии должна была расти, произошло обратное — они стали больше подвергать все сомнению [3, 42; 23, 28].

Во-вторых, причинами изменений в массовом сознании были торможение реального роста благосостояния и резкое замедление существенных перемен в лучшую сторону с середины 1970-х гг. [21, 11, 21]. В стране усиливался товарный дефицит, а потребление во много раз

---

¹⁰ РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 13, 16.

¹¹ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 216. Л. 14; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

отставало не только от стран Запада, но и от некоторых стран-союзниц по соцлагерю.

Третья причина изменений в массовом сознании — неоднозначные события в стране. С одной стороны, после XX съезда КПСС власть получила «аванс общественного доверия» [17, 487; 14, 184], однако, с другой, осуществленная на этом съезде десакрализация И.В. Сталина, как отмечал Л.И. Брежнев, вольно или невольно опорочила «партию, всю систему»¹². Дальнейшие события — ошибки правления Н.С. Хрущева, разгром «антипартийной группы» в 1957 г. и борьба за власть в 1964 г. — еще больше расшатали авторитет власти.

Кроме того, снижению авторитета власти способствовало начавшееся (или усилившееся) разложение, «обуржуазивание» советской «номенклатуры». Это явление вызывало раздражение у многих граждан СССР¹³, особенно отталкивающе действуя на молодежь. Появление и открытое существование «советской буржуазии» сыграли большую роль в восприятии советскими гражданами тезиса зарубежной пропаганды о «перерождении» КПСС [3, 41; 14, 185—186].

Изменение 1: снижение тонуса общества. Во-первых, изменения в массовом сознании проявились в снижении эмоционально-психологического тонуса советского общества. У части населения произошел резкий рост недовольства своей жизнью, усилились негативные оценки положения дел едва ли не во всех сферах жизни страны, распространилось мнение об усилении в советском обществе нерешенных вопросов. В дальнейшем у людей нарастало ощущение беспокойства по поводу завтрашнего дня, неуверенности и даже безысходности. Советское общество начало терять веру в будущее [22, 126; 7, 862, 867; 3, 42; 21, 9].

Снижение тонуса сопровождалось тем, что многие советские люди избрали пассивную модель поведения. На беду, последняя стимулировалась политикой государственного патернализма — обратной стороной заботы государства о человеке (общественные фонды потребления, бесплатные блага, гарантированная занятость) стала тенденция к иждивенчеству и распространению ощущения, что социализм — это «бесплатная кормушка»¹⁴. В советском обществе росла апатия, которая проявилась в снижении социальной и политической активности масс. Косвенно связанной с настроениями социальной апатии, очевидно, была

---

¹² РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.

¹³ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 241. Л. 10; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 20. Л. 10, 73.

¹⁴ Характерно, что с подобной проблемой столкнулись многие страны, создавшие в XX в. свои модели социализма.

распространившаяся имитация трудовой деятельности во многих отраслях производства и услуг [7, 843, 859, 869; 11, 261; 18, 59—61].

Изменение 2: снижение авторитета власти и идеологии. Эта новая тенденция в массовом сознании имела несколько вариаций, первая из которых — снижение авторитета власти и всех советских руководителей (за исключением В.И. Ленина) при сохранении приверженности коммунистической идеологии. При этом люди считали, что эта идеология в ее «советском издании» «утратила... революционно-критический дух» и является «недемократичной»¹⁵. Они стали проявлять желание трансформировать советскую систему в «социализм с человеческим лицом» [6, 264; 7, 859—860] в рамках некой новой, демократической модели¹⁶, которую, как казалось, можно было реализовать на практике — так был выявлен факт активной поддержки народом идеи выборности руководства всех уровней [6, 258, 264—265].

Вторая вариация — снижение приверженности коммунистической идеологии, распространение скептицизма и цинизма по отношению к ней, а также падение авторитета В.И. Ленина¹⁷. Часть граждан СССР разуверилась в возможности победы коммунизма в стране [7, 858], причем это началось еще до официального принятия концепции «развитого социализма», «отодвинувшей» построение коммунизма в неопределенное будущее¹⁸. Сомнения в правильности внешней политики СССР сопровождалось непониманием, зачем страна идет на жертвы ради своих союзников [4, 77] (так проявлялся и рост значимости «материального фактора»).

Третья вариация, которая являлась развитием второй, — деидеологизация массового сознания. Такая тенденция была более всего характерна для части интеллигенции и вузовской молодежи крупных городов. Она проявлялась как аполитичность, «внеклассовость», «беспартийность»¹⁹. Разновидностью деидеологизации был также переход части людей к «державным привязанностям» [3, 42], т. е. к лояльности Родине,

---

¹⁵ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 216. Л. 87; РГАНИ. Ф. 5. Д. 229. Л. 4; РГАНИ. Ф. 5. Д. 241. Л. 12; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 118. Л. 61; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 20; РГАНИ. Ф. 104. Д. 28. Л. 3—5.

¹⁶ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 216. Л. 87; РГАНИ. Ф. 5. Д. 241. Л. 9; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 4; ЦГАМ. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 2238. Л. 34.

¹⁷ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 229. Л. 5; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 559. Л. 63; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 14; [14, 184—187].

¹⁸ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 32. Л. 8; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 88. Л. 130.

¹⁹ См.: РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 9—10; РГАНИ. Ф. 104. Д. 28. Л. 3—5; Д. 35. Л. 10, 14; РГАНИ. Ф. 104. Д. 41. Л. 15.

а не идеологии (несомненно, здесь оказала свое воздействие концепция советского патриотизма, внедрявшаяся в СССР с конца 1930-х гг.).

В составе менталитета советского населения повысился удельный вес традиционных, «общечеловеческих» ценностей в ущерб «социалистическим». Романтизм и идеализм сменились прагматизмом, происходила эрозия коллективистских ценностей, приверженности «идее», самопожертвования за дело социализма. Властям становилось все сложнее увлечь человека призывами к очередному штурму и поднять новую волну энтузиазма. Так, студенческие стройотряды, которые начали создаваться с конца 1950-х гг., были одной из попыток комсомола возродить идеологическое влияние на молодежь. Однако первоначальный идеологический заряд, заложенный в этом начинании, постепенно сошел на нет [7, 858—859; 13, 816; 24, 4; 21, 13; 14 187]. Стройотряды по большей части превратились только в способ зарабатывания денег. То же в значительной степени касалось строительства БАМ и других «строек века».

Попутно происходили снижение податливости народа советской пропаганде, усиление недоверия и негативного отношения к ней. Пропаганда и агитация нередко давали обратный эффект, становились объектами насмешки. Критика власти при этом стала более распространенной и жесткой, при этом некоторые люди в своих высказываниях перестали противопоставлять местную («ошибающуюся») и центральную («непогрешимую») власть [11, 261—262; 14, 204; 15, 74; 20, 389; 21, 12].

Изменение 3: снижение морально-политической монолитности общества. Советское общество в своем отношении к власти и государственной идеологии уже к началу 1960-х гг. перестало быть монолитным. В нем выделились три типа масс — адепты строя, «конформисты» и «нонконформисты» [1, 188; 7, 861].

Расширение псевдоляльных групп. В рассматриваемый период эти три типа пришли в движение — в первую очередь, стали размываться ранее лояльные группы населения. Второй тенденцией было расширение «псевдоляльных» групп, представители которых «думали одно, а говорили другое» [7, 461, 848—850, 862, 870, 873; 11, 262; 14, 181, 184].

Особой разновидностью «псевдоляльных» групп населения были чиновники, занятые в партийном и государственном аппарате. Советскую «номенклатуру» широко затронула деидеологизация, которая произошла у нее даже ранее, чем у других групп населения. Упрощало этот процесс то, что людям из руководства (а также их ближайшему окружению и фаворитам) практически разрешалось нарушать ими же

установленные заповеди, прикрываясь идеологией как маской [3, 36—38, 40; 7, 858].

«Безответственная лакировка, приукрашивание действительности» в публичных выступлениях и пропаганде, о которых с возмущением говорили партийные идеологи, были характерны именно для «псевдоадептов» из числа «номенклатуры». Это ярко видно из докладов местных партийных органов в вышестоящие инстанции²⁰. Местные партийные деятели и сами не желали видеть реалии, и боялись сообщать о каких-либо проблемах «наверх», чтобы не потерять свои места, за которые «номенклатура» крепко держалась (это проявилось, в частности, в отрицательном отношении многих руководителей к введению выборности [6, 304]).

Из-за поведения «номенклатуры» и других «псевдоадептов» у некоторых советских людей, особенно из числа молодежи, появилась уверенность, что принципиальность и честность вредят карьере. Некоторые молодые люди открыто называли партбилет «красным поплавком» [14, 184, 187]. Так в стране появлялось все больше беспринципных карьеристов.

Рост проявлений оппозиционности. Еще одна тенденция в «движении масс» — существенное расширение оппозиционно настроенных групп общества, которые, в основном, состояли из представителей интеллигенции, а также молодежи. Самым распространенным проявлением «оппозиционности» было чтение «самиздатовской» литературы, прослушивание магнитофонных записей²¹. Склонность к реальным действиям, протестам у основной массы оппозиционно настроенных групп населения изначально была невысокой [14, 192].

В рамках «оппозиционных» тенденций парадигма критики, которой подвергались власти, изменилась — к началу 1970 г. произошла политизация этой критики. Деятельность советских диссидентов вызывала серьезный резонанс на Западе. Граждане СССР также интересовались деятельностью диссидентов, задавая соответствующие вопросы партийным руководителям и пропагандистам²².

---

²⁰ См.: РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 35. Л. 10; ЦГАМ. Ф. П-80. Оп. 1. Д. 1823. Л. 1—3, 41; ЦГАМ. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 2238. Л. 35, 37, 69.

²¹ См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 35. Л. 2; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

²² См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 37. Д. 42. Л. 1; РГАНИ. Ф. 89. Д. 43. Л. 1—6; РГАНИ. Ф. 89. Д. 47. Л. 1—10; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 55. Д. 1. Л. 1—4; ЦГАМ. Ф. П-63. Оп. 1. Д. 2417. Л. 68—69; ЦГАМ. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 2509. Л. 93.

«Западнизация». Это явление, связанное с деидеологизацией и ростом оппозиционности, усилилось со второй половины 1970-х гг. «Западнизация» способствовало воздействию зарубежной пропаганды, податливость советского населения, которая росла рука об руку с расширением потребления этой пропаганды. Среди молодежи слушание «радиоголосов» становилось «модным», им бравировали на публике. Влияли также поездки советских граждан за границу, личное общение и переписка с иностранцами. Еще одной причиной повышенного интереса к Западу были малые знания советских людей о зарубежной культуре [7, 851; 14, 183, 188, 202—204; 3, 19] и вообще о заграничной жизни.

Вначале воздействие «западнизации» происходило в основном в материальной (импортные вещи) и культурно-развлекательной сферах (музыка, литература, кино). У некоторых людей возникло впечатление о «второсортности» советской жизни в сравнении с «западной» и повысилась значимость внешних признаков преуспевания (здесь проявилось также влияние роста «материального аспекта» в жизни общества). Оказывал воздействие и фактор «запретного плода» [14, 188—189; 21, 12; 18, 67] (цензура, запрет на западную масс-культуру и пр.).

Постепенно «западнизация» перешла в идеолого-политическую плоскость. Некоторым гражданам СССР импонировала «свобода» мнений в капитанах, они высоко оценивали политическое устройство и экономику западных государств, делали вывод о изобильности и динамичности «капиталистического мира» и даже о позитивном значении безработицы, характерной для него²³.

Рост проявлений национализма и религиозности. Еще одним внесистемным проявлением массового сознания было усиление в СССР националистических проявлений. Власти связывали их с «обострением идеологической борьбы» и выражали тревогу по поводу существования полуорганизованной националистической оппозиции. В частности, подняли голову украинские националисты, идеи которых распространялись не только в их «традиционном» ареале (на Западной Украине), но и в Киеве. Фиксировались проявления армянского национализма (на практике они воплотились в серии терактов в Москве в 1977 г.). В середине 1970-х гг. КГБ сообщал об усилении националистических идей среди молодежи «нерусских» национальностей²⁴.

---

²³ См.: РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 5—6, 10; [14, 189, 203].

²⁴ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 19; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 23. Л. 131—138, 215—241; РГАНИ. Ф. 5. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 11—12; [14, 200; 12, 47].

Кроме того, власти выявили «значительное влияние религии на детей и юношество», приспособление религиозных организаций к советскому строю²⁵. Немалочисленные жалобы от верующих на усиленное налогообложение и закрытие церковью сами по себе содержали несогласие с советской атеистической политикой и по сути имели характер протеста в адрес советской идеологической системы [2, 642, 644]. Значительное количество людей участвовало в религиозных обрядах и праздниках. Так, в Москве только за девять месяцев 1974 г. 20350 семей крестили детей²⁶. Такие тенденции были опасным сигналом, так как национализм и религиозность всегда были «болевыми точками» для советской власти.

Реакция властей на изменения в массовом сознании

Несмотря на очевидный рост важности массового сознания и эскалацию изменений в нем, реакция властей на эти явления была неадекватной и неэффективной. С одной стороны, было определенное понимание или, как минимум, «озвучивание» проблем. Представители руководства страны высказывались об опасности «западнизации» советского общества [21, 12], «технократических» настроений, «социального вреда и разлагающего влияния» западной пропаганды, а также о проявлениях оппозиционности, проблеме преемственности поколений и росте «голового карьеризма» среди членов партии. Однако в целом руководители страны не понимали или не хотели понимать изменения в массовом сознании. Так, ведущий советский идеолог Г.Л. Смирнов полагал, что причиной «деидеологизации» интеллигенции является стремление «уйти от сложности жизни» и пр. Власть проявляла непонимание позиции диссидентов и всячески «принижала» их мотивы²⁷, фактически, отказываясь от диалога с этой растущей общественной группой.

Аналогичным образом не были восприняты истинные причины изменений в настроениях молодежи. Советские идеологи считали, что главной причиной появления «фронды» среди молодой интеллигенции было то, что в творческих профессиях молодежь «не пропускало» вперед «старое поколение». Новые побуждения, мотивы, идеи молодежи не нашли своего понимания у властей. Так, секретарь ЦК ВЛКСМ

---

²⁵ См.: РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 12—13.

²⁶ ЦГАМ. Ф. П-63. Оп. 1. Д. 2500. Л. 22.

²⁷ См.: РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 9—10; РГАНИ. Ф. 104. Д. 28. Л. 1, 3—5, 8; РГАНИ. Ф. 104. Д. 35. Л. 14; РГАНИ. Ф. 104. Д. 41. Л. 11, 15; РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. Л. 294; ЦГАМ. Ф. П-63. Оп. 1. Д. 2500. Л. 15; [4, 79].

С.П. Павлов в августе 1965 г. подверг жесткой критике журнал «Юность», возмущаясь, что «на страницах журнала место корчагинцев, молодогвардейцев... занимают политически аморфные персонажи», поглощенные «малозначительными переживаниями». Молодежь обвиняли в подверженности «мишуре буржуазного ширпотреба», «неоприятности и цинизме»²⁸. Таким образом, власти отвергали усложнение восприятия и оценки окружающего мира молодежью, ее отход от пафоса, угасание революционных идей, а также влияние информации о жизни стран Запада, где благополучная жизнь большинства людей была достигнута без революций и диктатур.

Следует сделать вывод, что как раз непонимание властями психологии масс было одной из причин «западнизации» молодежи. Изоляция страны, усиление цензуры, борьба с «иностранными веяниями», многие из которых были безобидными для идеологии (джаз, рок-н-ролл и пр.), в итоге привели, наоборот, к усилению у советских людей интереса к этим «веяниям» и «слепому подражанию, превосходящему даже образец» [14, 189].

Одними из причин превратного представления высших органов власти СССР о массовом сознании в стране были упомянутая выше «лакировка» реальной ситуации в докладах местных властей, а также общее непонимание властями массового сознания как явления. В 1960-х и 1970-х гг. само употребление термина «массовое сознание» как сознания эксгруппового (надклассового, внеклассового) было затруднено, так как он противоречил принципам марксизма [6, 45]. Власти не были способны интерпретировать настроения народа, в частности, считая, что проявление «политических настроений» — это то, насколько хорошо трудится население. Кроме того, власти плохо понимали сам феномен сознания человека. Так, они критиковали некоторые литературные и кинематографические произведения о любви и других переживаниях человека, обвиняя их в «мелкотемье». Одним из примеров реакции властей на непонятные властям произведения художников был разгон так называемой «Бульдозерной выставки» 15 сентября 1974 г. Первый секретарь МКК КПСС В.В. Гришин обвинил художников в том, что они «вели себя... антиобщественно, дерзко, подстрекательски»²⁹. Недопустимой считалась музыка, «проповедующая пессимизм, отчаяние, неверие в

---

²⁸ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 121—122; РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 7; ЦГАМ. Ф. П-63. Оп. 1. Д. 2500. Л. 23—24.

²⁹ См.: ЦГАМ. Ф. П-4. Оп. 172. Д. 37. Л. 224—226; ЦГАМ. Ф. П-63. Оп. 1. Д. 2288. Л. 104; ЦГАМ. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 2509. Л. 47—48, 90—91.

будущее» [9, 335]. Власти боролись с такими настроениями, не признавая, что они — часть нормы, которая имеет право найти выход в творчестве. Руководству страны хотелось видеть исключительно всеобщую радость и оптимизм, а в реальной жизни так не бывает.

Проявлением реакции властей на «нежелательные» проявления массового сознания были либо «закрывание глаз» (лакировка ситуации, самоуспокоение), либо запреты и репрессии. Преследованию подверглись не только активные диссиденты за «антиобщественную деятельность», но и многие другие люди, выражавшие «политическую незрелость, проявление чуждых взглядов и настроений»³⁰.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показывает, что «аванс доверия», полученный властями СССР в середине 1960-х гг., не был оправдан, и в массовом сознании советских граждан произошел рост «негативных» для режима тенденций. Позитивный настрой в обществе все более становился «внешним», превратился в псевдолояльность по отношению к власти и идеологии, которая создавала у властей ложное впечатление о полной контролируемости общественных настроений. Кроме того, сами представители власти в анализе ситуации занимались лакировкой и самообманом.

Однако новые тенденции в массовом сознании не вылились в практические акции, кроме отдельных проявлений диссидентства. Советское общество еще не было готово к остро необходимым для него общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям. Одной из причин было то, что массовое сознание имеет определенную инертность, а в СССР оно также характеризовалось социальной апатией, обусловленной событиями в стране, и памятью о недавних трагических событиях Великой Отечественной войны (проявилось в рас пространенном настроении «Лишь бы не было войны»).

Кроме того, мешали нехватка навыков участия людей в демократических практиках и отсутствие понимания того, что и как можно было бы сделать для решения той или иной проблемы. А.В. Бузгалин сделал вывод о наличии «стремления граждан... к радикальному изменению политической системы» [18, 63]. На наш взгляд, в рассматриваемый период общество было не готово к переменам, хотя смутно чувствовало дискомфорт от происходившего в стране. Стремление к переменам проявилось

---

³⁰ См.: ЦГАМ. Ф. П-4. Оп. 172. Д. 7. Л. 122; Д. 88. Л. 120.

позднее, в годы Перестройки, и было вызвано к жизни, в основном, действиями властей, взявшими курс на осуществление кардинальных перемен в стране.

Литература

1. *Аксютин Ю.* Эволюция общественных настроений в СССР (1950—1970-е годы): По материалам массовых опросов свидетелей событий тех лет // *Свободная мысль*. 2013. № 3. С. 177—188.
2. *Белякова Н.А.* «Сообщаем о преступлении против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3: [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>.
3. *Брутенц К.Н.* Несбывшееся: Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005.
4. *Вестник Архива Президента: Специальное издание: Генеральный секретарь Л.И. Брежнев: 1964—1982.* М.: Б.и., 2006.
5. *Грушин Б.* Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // *Мониторинг общественного мнения*. 2003. № 1. С. 60—74.
6. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 т. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 1-я). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 т. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). М.: Прогресс-Традиция, 2006.
8. *Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневого.* М.: Новое издательство, 2006.
9. *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е — 1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999.
10. *Иванова А.* Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
11. *Ильина И.В.* Идеологическая работа партии и человеческий фактор // *Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления.* М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 257—266.
12. *Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев.* 1953—1982 гг. М.: Материк, 2005.

13. *Никонова С.И.* Трансформация идеологической парадигмы в последние десятилетия советской власти // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 816.

14. «...Отчужденное от партии состояние»: КГБ СССР о настроениях учащихся и студенчества, 1968—1976 гг. // *Исторический архив*. 1994. № 1. С. 175—207.

15. *Попова О.Д.* «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: Восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // *Новый исторический вестник*. 2016. № 2. С. 72—81.

16. *Рычков А.И.* Возрастание роли идейно-политического воспитания советской молодежи в условиях развитого социализма // *Философский анализ формирования личности нового человека: Сб. трудов*. М.: Б.и., 1976. С. 120—140.

17. *Сорокин Д.Е.* Был ли неизбежен распад советской экономической системы? // *Экономическая история СССР: очерки*. М.: Инфра-М, 2010. С. 467—493.

18. СССР: Оптимистическая трагедия. М.: Ленанд, 2018.

19. *Чернявский А.В.* Внешняя политика СССР в общественном мнении советских граждан, 1964—1982. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Б.и., 2017.

20. *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

21. *Щеглов Ю.Н.* Власть и формирование массового сознания на региональном уровне в середине 1960-х — начале 1980-х гг. (на примере Пензенской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза: Б.и., 2005.

22. *Hoffmann E.P., Laird R.F.* Technocratic Socialism: The Soviet Union in the Advanced Industrial Era. Durham: Duke University Press, 1985.

23. *Mickiewicz E.* Changing Channels: Television and the Struggle for Power in Russia. N. Y.— Oxford: Oxford University Press, 1997.

24. *Remington Th.* The Truth of Authority: Ideology and Communication in the Soviet Union. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1988.

References

1. *Aksyutin YU.* Evolyuciya obshchestvennyh nastroyenij v SSSR (1950—1970-e gody): Po materialam massovyh oprosov svidetelej sobytij tekh let // *Svobodnaya mysl'*. 2013. № 3. С. 177—188.

2. *Belyakova N.A.* «Soobshchaem o prestuplenii protiv pravosudiya...»: obrashcheniya i zhaloby veruyushchih v brezhnevskom SSSR

// Novejshaya istoriya Rossii. 2018. T. 8. № 3: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>.

3. *Brutenc K.N.* Nesbyvsheesya: Neravnodushnye zametki o perestrojke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005.

4. Vestnik Arhiva Prezidenta: Special'noe izdanie: General'nyj sekretar' L.I. Brezhnev: 1964—1982. M.: B.i., 2006.

5. *Grushin B.* Institut obshchestvennogo mneniya «Komsomol'skoj pravdy» // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2003. № 1. S. 60—74.

6. *Grushin B.A.* CHetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya: Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Hrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'cina: V 4 t.. ZHizn' 2-ya. Epoha Brezhneva (chast' 1-ya). M.: Progress-Tradiciya, 2003.

7. *Grushin B.A.* CHetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya: Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Hrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'cina: V 4 t.. ZHizn' 2-ya. Epoha Brezhneva (chast' 2-ya). M.: Progress-Tradiciya, 2006.

8. Demograficheskaya modernizaciya Rossii, 1900—2000 / Pod red. A.G. Vishnevskogo. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006.

9. *Zežina M.R.* Sovetskaya hudozhestvennaya intelligenciya i vlast' v 1950-e — 1960-e gody. M.: Dialog-MGU, 1999.

10. *Ivanova A.* Magaziny «Berezka»: paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.

11. *Il'ina I.V.* Ideologicheskaya rabota partii i chelovecheskij faktor // Mekhanizm tormozheniya: istoki, dejstvie, puti preodoleniya. M.: Izdatel'stvo politicheskij literatury, 1988. S. 257—266.

12. Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Hrushcheve i Brezhneve. 1953—1982 gg. M.: Materik, 2005.

13. *Nikonova S.I.* Transformaciya ideologicheskij paradigmy v poslednie desyatiletija sovetskij vlasti // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 6. S. 816.

14. «...Otchuzhdennoe ot partii sostoyanie»: KGB SSSR o nastroeniyah uchashchihsya i studenchestva, 1968—1976 gg. // Istoricheskij arhiv. 1994. № 1. S. 175—207.

15. *Popova O.D.* «V CK te zhe pomeshchiki i kapitalisty...»: Vospriyatie sovetskimi lyud'mi social'nogo neravenstva v SSSR v 1960-e gody // Novyj istoricheskij vestnik. 2016. № 2. S. 72—81.

16. *Rychkov A.I.* Vostrastanie roli idejno-politicheskogo vospitaniya sovetskij molodezhi v usloviyah razvitogo socializma // Filosofskij analiz formirovaniya lichnosti novogo cheloveka: Sb. trudov. M.: B.i., 1976. S. 120—140.

17. *Sorokin D.E.* Byl li neizbezhnen raspad sovetskoj ekonomicheskoj sistemy? // *Ekonomicheskaya istoriya SSSR: ocherki.* M.: Infra-M, 2010. S. 467—493.

18. SSSR: Optimisticheskaya tragediya. M.: Lenand, 2018.

19. *CHernyavskij A.V.* Vneshnyaya politika SSSR v obshchestvennom mnenii sovetskikh grazhdan, 1964—1982. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: B.i., 2017.

20. *SHattenberg S.* Leonid Brezhnev: Velichie i tragediya cheloveka i strany. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018.

21. *SHCHeglov YU.N.* Vlast' i formirovanie massovogo soznaniya na regional'nom urovne v seredine 1960-h — nachale 1980-h gg. (na primere Penzenskoj oblasti): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Penza: B.i., 2005.

В. ЩЕРБАКОВ

**Проблема исторической традиции в понимании
А.С. Хомякова и И.В. Киреевского:
сравнительный анализ***

Аннотация. Возникшее в первой половине XIX в. в России религиозно-философское течение, именуемое впоследствии «славянофильство», не было однородным по своим мыслям и суждениям. Уже в трудах его основоположников А.С. Хомякова и И.В. Киреевского заметны существенные разногласия во взглядах на процессы формирования Русского государства, его внутреннее устройство, взаимоотношения с другими странами и роль Православной церкви в качестве хранителя и регулятора духовно-нравственных ценностей. Обращение к данной теме вызвано необходимостью более глубокого анализа и изучения православного вероучения и его влияния на формирование культуры русского народа в научных трудах А.С. Хомякова и И.В. Киреевского. В статье автор определяет позиции обоих авторов по отношению к проблеме исторической традиции и делает попытку сравнительного анализа их суждений, а также говорит о возможностях применения их выводов в современной российской действительности. В научной среде, изучающей

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Щербаков В. Проблема исторической традиции в понимании А.С. Хомякова и И.В. Киреевского: сравнительный анализ // *Философия хозяйства.* 2021. № 1. С. 151—164.

наследие ранних славянофилов, нет единого мнения в вопросах подтверждения или отсутствия единой славянофильской идеологии на тот момент.

Ключевые слова: славянофилы, западники, традиция, Алексей Степанович Хомяков, Иван Васильевич Киреевский, философия, православие, католичество, цивилизация.

Abstract. The religious and philosophical movement that emerged in Russia in the first half of the 19th century and was later called «Slavophiles» was not homogeneous in its thoughts and judgments. Already in the works of the founders of «Slavophilism» Khomyakov A.S. and Kireevsky I.V., significant differences are noticeable in their views on the processes of formation of the Russian state, its internal structure and relations with other countries, the role of the Orthodox Church as a guardian and regulator of spiritual and moral values. The need to address this topic is also caused by a deeper analysis and study of the Orthodox faith and its influence on the formation of the cultures of the Russian people in the scientific works of A.S. Khomyakov and I.V. Kireevsky. In this article, the author defines the positions of both authors on the problem of historical tradition and attempts a comparative analysis of the judgments of Khomyakov and Kireevsky to determine their identity and differences on this problem on the one hand, and the possibility of applying their conclusions in modern Russian reality, on the other. In the scientific community that studies the legacy of the early Slavophiles, there is no consensus on the confirmation or absence of a single Slavophil ideology at that time.

Keywords: Slavophiles, Westerners, tradition, Alexey Stepanovich Khomyakov, Ivan Vasilievich Kireevsky, philosophy, Orthodoxy, Catholicism, civilization.

УДК: 130.2; 93/94
ББК 86.2

Славянофильство как одно из направлений русской религиозной философии, возникшее в первой половине XIX в., являясь ответом западничеству, вместе с тем не было монолитным. Уже в трудах его отцов-основателей А.С. Хомякова и И.В. Киреевского заметны существенные расхождения во взглядах на традиции России в исторической перспективе, условия, способствовавшие их появлению и развитию, предпосылки полного или частичного отказа от них вследствие ориентации на западные стандарты, а также условия возвращения к ним.

Актуальность исследования определения позиций обоих философов во взглядах на проблему исторической традиции обусловлена, во-первых, тем, что и Хомяков и Киреевский, определив краеугольным камнем своих размышлений православное вероучение и неотделимость от него русской культуры, государственного устройства и обозначив «мессианскую роль русского народа, его религиозную исключительность» [16, 187], расходились в понимании степени влияния самого православия на указанные факторы; во-вторых, согласуясь между собой с тем, что основные традиции России связаны с формулой «государство — семья — образование», они по-разному понимали каждую из этих категорий и соответственно различно ставили вопрос о способах возвращения к истокам.

Необходимо отметить, что в научной среде, изучающей наследие ранних славянофилов, существует мнение, что разделения в их среде возникли после 1861 г., в результате полемики между Ю.Ф. Самариным и И.С. Аксаковым.

Между тем, исходя их положений полемики между И.В. Киреевским и А.С. Хомяковы, произошедшей в 1838 г., уже видна разность их взглядов, что фактически подтверждает отсутствие какой-либо единой славянофильской идеологии на тот момент.

О разногласии в вопросах процесса формирования русского государства основоположников славянофильства имеется не так и много работ. До 1917 г. исследование в этой области частично проводили Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, М.О. Гершензон. Русская революция с ее идеологией привела к вынужденной эмиграции части отечественной интеллектуальной элиты, это коснулось и исследователей в области религиозной философии. Эти разногласия отмечали и В. Зеньковский, и Н. Зернов, уже будучи в Европе, из которых первый вообще говорил о несходстве идей Киреевского и Хомякова [3, 41], а второй определял их как «группу друзей, объединенных общими взглядами и интересами», без какой-либо системы в них [4, 60]. По мнению же протоиерея Георгия Флоровского, «отдельные члены кружка во многом и очень чувствительно отличались друг от друга и много спорили, часто в полной непримиримости или несогласии» [13, 250].

В советский период вопросам разногласия в определении основ культуры русского государства посвящены статьи З.А. Каменского «П.Я. Чаадаев — критик славянофильства» [6, 135—161] и «Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков» [7].

Исходя из сказанного, считаем целесообразным провести сравнительный анализ суждений А.С. Хомякова и И.В. Киреевского для

определения их тождества и разногласий по проблеме исторической традиции, с одной стороны, и возможности применения их выводов в современной российской действительности, где о необходимости сохранения традиционных ценностей говорится на всех государственных уровнях. В связи с чем делается акцент на изучение трудов А.С. Хомякова: «О старом и новом» [14], «По поводу статьи Киреевского “О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России”» [15], «По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского» [15], и трудов И.В. Киреевского «В ответ г. Хомякову» [8], «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России» [10], «О необходимости и возможности новых начал для философии» [9].

Указанный выбор обусловлен их дискуссионным характером, длительным периодом (с 1839 по 1856 г.) диалога, а также образом мышления самих авторов, так как Киреевский пришел к пониманию глубины православного учения «от романтики и шеленгизма», а Хомяков «через подобный искус сердцем никогда не проходил» [7, 250].

Необходимо отметить, что в трудах и А.С. Хомякова, и И.В. Киреевского мы не найдем рассмотрения проблемы исторической традиции в прямой постановке. Однако вполне можно выделить то, что они считали традиционными основами бытия русского государства, с последующим выявлением причин их появления, развития и как возможной утраты, так и продолжения существования.

В своих рассуждениях Хомяков делает акцент, что государство живет, с одной стороны, по праву обычая, а с другой — на основе государственного закона. По его мнению, обычай первичен, так как в период становления Русского государства именно он играл роль общественного регулятора. С приходом же закона, насаждаемого сверху, и порой не учитывающего сложившихся общественных отношений, возникает серьезное противоречие, значительно влияющее на дальнейшее развитие Русского государства и его традиционных основ. Для устранения этих противоречий необходимо вернуться к равноправию закона и обычая, так как иным путем невозможно восстановить гармонию общественно-государственных отношений. Если же это не восстановить, то произойдет конфликт между властью и народом, интересы которых лежат в различных ценностно-ориентированных координат.

В качестве отечественных традиций, оказавших значительное влияние на формирование русского народа, его культуры, Хомяков определяет православную веру и основанные на ней семейные ценности и образование, источником которых является закон Христов и основанные на нем духовно-нравственные идеалы. Однако действие закона

Христово возможно только тогда, когда к нему прибавляется участие свободной человеческой воли, т. е. «волящего разума» в совокупности всего социума. Таким образом, исходя из посыла автора, православное учение играет хоть и важную, но все же опосредованную роль в формировании традиций конкретного этноса.

Но и закон Христов, и «волящий разум», создав единство веры, являясь предпосылками возникновения традиций, не делают их едиными. Хомяков отмечает разнообразие и несхожесть традиций России даже на близких территориях, приводя в пример Новгород и Псков. Здесь необходимо отметить, что он рассуждает только о внешних формах — бытовых. Они действительно могут быть разными не только в соседних городах, но и в селах и даже в семьях. Напротив, исповедование единой веры, святость семейных уз, необходимость образования прослеживаются на всем пространстве Русского государства, вне зависимости от местных обычаев.

Указанные условия становления отечественной государственности и общественных отношений, где все делается для всех, отличны от западных, с их индивидуализмом, где все делается для себя. Аналогичное мнение высказывает и доктор философии Оксфордского университета Н.М. Зернов, который говорит о самобытности русской культуры и особых условиях приятия Русью христианской веры [4, 41—42].

Отказ от собственных традиций и уход в сторону западных ориентиров, по мнению А.С. Хомякова, связаны с реформами Петра I, который не понимал, что русский быт «органически возникает из местных потребностей и характера народного» [16, 220]. Это подтверждает и А.И. Зимин, говоря, что для российского преобразователя важными в преемственности от Запада были образование, наука, ремесла, литература, искусство и культура, на которые он смотрел как на товар, который можно приобрести, и менее всего его интересовали европейская теология и отвлеченные философские идеи, применения которым в русских условиях он не видел [5, 164].

Уход от веками складывавшихся традиций государственно-общественных отношений привел к утрате государством в лице высшего сословия роли нравственного регулятора. Однако сложившиеся устои, скрепленные единством веры, святостью семейных уз, позволили на протяжении длительного времени считать народ единым, хоть и представленным во множестве сословий. Таким образом, мы видим, что традиции, основанные на православной вере, являющиеся фундаментом народного единства, способны, даже при попытках их дискредитации,

на протяжении длительного периода сохранять единство нации на основании этнокультурных общностей интересов.

Собственные размышления приводят Хомякова к ряду внутренних вопросов, а именно: что лучше — старая Россия или новая? Много ли чуждых стихий к нам пришло? Много ли утратила Россия начал, стоит ли о них сожалеть и надо ли их воскрешать? [14].

Ответ он находит в сопоставлении «Россия—Запад». Это сравнение приводит его к выводу о том, что, в отличие от Запада, никогда не живущего прошлым и вследствие этого оправдывающего любые свои ошибки и преступления исторической необходимостью, Россия принимает свое прошлое таким, каким оно было, со всеми плюсами и минусами, стараясь развить в исторической перспективе первые и минимизировать вторые. Это привело к наличию длительных исторических традиций в России и отсутствию таковых в западноевропейской цивилизации. Корень этого лежит в искажении христианского вероучения в западных исповеданиях, что видит и отмечает уже в начале XX в. протоиерей Георгий Флоровский [12, 262]. Соответственно для России не нужно постоянно измышлять что-то новое, достаточно удержать имеющееся и воскресить то, что находится в состоянии анабиоза.

Роль Православной церкви А.С. Хомяков видит в том, что, не сумев создать единства на ранних стадиях формирования Русского государства, впоследствии она смогла восстановить это единство, нарушенное княжескими междоусобицами. Здесь нельзя не отметить противоречивость его рассуждений, исходя из посыла о том, как можно восстановить то, чего не было изначально? В связи с этим следует признать, что, либо Русская церковь изначально направляла свои силы на объединение различных славянских племен не только единством веры, но и путем формирования национального самосознания и общности интересов, при этом сталкиваясь с личными интересами отдельных князей и их элит; либо Русская церковь не играла никакой роли, кроме вероучительной, в развитии древнерусского государства. Исторические факты показывают нам правильность первого варианта, при котором восточно-христианская традиция ненасильственного миссионерства, учитывающего местные традиции, образ жизни, менталитет, позволила за двухвековой период создать из отдельных родовых племен единый народ.

Сравнивая русскую систему образования с западноевропейской, Хомяков не делает положительных выводов в пользу последней. Да, по его мнению, отечественная система образования, начало которой положила постоянно расширяющаяся сеть монастырей как источников и веры и просвещения, имела определенный недостаток в том, что Русь

принимала из учения более обряд церковный, нежели веру духовную и разумное исповедание, с одновременным приоритетом для иностранцев, прибывающих на службу, перед местными [15].

Однако чистота веры позволяла сохранять национальные традиции, чего не могло быть в западной системе образования, основой которого является односторонне понятое католическое христианство. Следствием чего уже в XVI в. романского просвещения становится безнравственное неверие во всех сферах общественного бытия: «в искусстве, принявшем языческое направление, науке, создавшей непримиримость двух начал: схоластики и рационализма, неверие в политике, неверие в обществе и всей его жизни, не признающей никаких законов, кроме личной выгоды и страсти» [15]. Это привело западного человека к ограниченному восприятию общественного бытия, нацеленного на удовлетворение индивидуальных интересов. Именно эти изменения в личности человека понуждали его отказываться от традиций предшествовавших поколений под видом защиты различных свобод. По мнению Хомякова, победа индивидуализма привела к краху созидательной силы человека, не к приобретению, а к потере свободы, к движению не к объединению, а к распаду.

Само католичество Хомяков не считает полноценным христианством. В его понимании «латинство» есть лишь закон внешнего единства, обусловленного воздействием культуры языческого Рима. Возвращение к дохристианским ориентирам привело к тому, что западное христианство ушло от своих истоков, в результате чего в него «проникло кушитское начало логической необходимости» [12, 147—149].

А.С. Хомяков был уверен, что, если Европа не сойдет с выбранного ею пути, а Россия последует за ней, то это приведет к неизбежной катастрофе — утрате традиционных ценностей, нравственных ориентиров, потере национальной идентичности народов и к распаду государств как таковых.

По утверждению Хомякова, мы должны формировать свою культуру образования и принимать от Запада новшества, подвергая их преобразованию в соответствии с истари завещанными православными устоями, традициями, что нашло свое отражение и в недавно принятых поправках в Конституцию РФ.

Таким образом, следует отметить, что А.С. Хомяков, не идеализируя прошедшее время, показывая негативные стороны русской истории, такие как опричнину, мздоимство в судах, зависимость назначения церковных иерархов от светской власти, и, наконец, крепостное право,

одновременно видит и то доброе, уникальное, что делало Россию не похожей на другие государства, что подчеркивало ее аутентичность.

Христианство, а именно восточное христианство, явилось и продолжает оставаться объединительным началом Российского государства, соединившим в единстве веры «несколько племен славянских, мало известных друг другу, не живших никогда одною общою жизнью государства» [14, 152].

Рассуждения А.С. Хомякова о вопросе исторических традиций нужно рассматривать не как крайнее противопоставление их идеям оппонентов-западников, а как попытку определить «золотую середину между ценностями западной и восточной цивилизаций» [2, 192].

Таким образом, традиция в понимании Хомякова — это основанные на православной вере общественные отношения, регулирующие нормы семейного быта и образования и позволяющие, при условии невмешательства в них, обеспечивать гармоничное развитие как государства в целом, так и общества в частности.

Такой подход позволяет органично интегрировать христианскую истину во все многообразие культурных традиций, возникших на отечественной почве, что создает само по себе возможность философски, исторически и научно обосновать необходимость строительства христианской культуры в условиях постиндустриальной цивилизации и особую роль в этом России.

Оппонентом А.С. Хомякова в разрешении проблемы исторической традиции становится человек, традиционно отнесенный к его единомышленникам и являющийся одним из основателей движения славянофилов — И. В. Киреевский.

В статье Киреевского «В ответ Хомякову» [9], являющейся, по мнению священника Д. Долгушина, первым концентрированным изложением основных идей славянофильства [1, 115], он не принимает постановку вопроса Хомяковым, что было лучше — старое или новое, а предлагает раскрыть тему — «нужно ли для улучшения нашей жизни теперь — возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?».

Разность в подходах формулирования темы изложения идей славянофильства определяется их взглядами и на сами традиции, условия их формирования и развития.

На наш взгляд, постановка вопроса в изложении И.В. Киреевского является более предпочтительной, поскольку позволяет, сохраняя старое, одновременно адаптировать и появляющееся новое.

Предлагаемый им ответ, который может удовлетворить большинство, заключается в синтезе двух враждующих начал, русского и западного, из которых может получиться что-то третье, единое. Для этого, по его мнению, необходимо определить правильное направление движения к единому источнику формирования двух цивилизаций. Таким источником ему представляется христианство.

Но здесь возникает закономерный вопрос о том, почему же при едином источнике, едином вероучении, произошло столь значительное раздвоение дальнейшего направления государственных, общественных, религиозных форм бытия. И ответом на это является различие в видах христианства, которые и породили особые направления просвещения и особенный смысл частного и народного быта.

Классическое западное образование Киреевский видит в сочетании классического мира древнего язычества с римским христианством и культурой завоевавших Апеннинский полуостров «необразованных варваров». На формирование этого в значительной мере повлияли изначальная удаленность Рима от Константинополя, формирование образа римского первосвященника как властителя — и светского, и духовного, признание ими власти франкского правителя и коронация его в качестве императора Западной римской империи, а значит, фактическое предательство ими власти византийского императора, что не могло не отразиться на переформатировании всей западной христианской доктрины, вследствие чего возникают и развиваются все те католические догматы и схоластические приемы, имеющие своей целью как бы оправдание в приведенных выше деяниях.

Все три составляющие сыграли ключевую роль в формировании характера западной образовательной системы и через это в формировании западного ценностного ориентира.

При этом Киреевский отмечает, что следование только за материальными благами без удовлетворения духовных потребностей человека может привести к плачевным результатам. Он отмечает, что уже в его время высокие умы Европы жалуются на нравственную апатию, всеобщий эгоизм, на то, что люди ищут веры и не могут найти, так как сама вера искажена и уже не несет в себе истины [1, 123].

Таким образом, в противоположность западной форме образования, основа образования в России — это Православная церковь с неискаженным учением, т. е. с учением, хоть частично и принявшим языческие философские термины, но сумевшим адаптировать их для себя и исключившим их изначальную языческую сущность путем наполнения новым глубоким содержанием [11, 237]. В результате образование в

России не приняло и не развило идей рационализма, а вера не перешла в веру формальную и не стала врагом разума.

В России научное изыскание истины происходило на основании Священного Писания и святоотеческого наследия, укорененного в обычае, через взаимосвязь Церкви и народа. При этом Киреевский, в отличие от Хомякова, не противопоставляет закон и обычай, отмечая их объединительное начало в формировании отечественных традиций.

Различны подходы основателей славянофильства и в определении виновников изменений отечественных традиций и постепенного ухода от них. Если у Хомякова, как мы отмечали выше, это Петр I, то Киреевский смотрит дальше и видит начало изменений в решениях Стоглавого Собора. Времени же Петра I он определяет стремление беспрекословной ориентированности на Запад. Эта точка зрения Киреевского не может не вызывать интереса. Действительно, уже решения Поместного собора 1521 г. изменяют обрядовую составляющую русского православного богослужения, закрепляют как догматы то, что было местными церковными обычаями отдельных территорий.

Значительная роль Православной церкви в государственном устройстве России, со времен князя Владимира, Киреевский видит в том, что она достаточно четко разграничила различия между обязанностями лично-духовными и светски-правительственными. Именно, исходя из этого, и сама идея Древней Руси близка Киреевскому тем, что в ней вера не была оторвана от жизни, а сумела внутри себя осуществить «опыт соединения с ней культуры и жизни» [1, 113].

И.В. Киреевский дает некое определение понятию традиции. В его понимании традиция есть самобытное развитие коренных начал народа. Подходить к ним надо бережно, изменять осторожно. Резкие их изменения, а особенно отторжения могут привести к фатальным последствиям, поскольку любой переворот общества, основанного на коренных началах, есть гибель этого общества.

Исторической традицией русского быта, безусловно, была и остается семья, причем не только в понимании узком — как союза мужчины и женщины, но и в понимании общегосударственном. Для русского человека допетровской эпохи, невзирая на сословную принадлежность, семья свята. Для них вся страна — одна большая семья, единство в которой достигается не вследствие насильственного повеления сверху или требования юридического акта, а в силу свободного волеизъявления и готовности жить в едином ритме [4, 78]. В высшем сословии Европы семейная жизнь — дело постороннее, низшие же сословия старались перенимать этот же образ жизни. Именно отсюда берет свое начало учение

об эмансипации женщины. В России это стало возможным только после революции, о чем было сказано выше.

Не принимая хомяковского утверждения о неполноте принятия русскими веры, определенную проблему отношения русского человека к ней Киреевский видел в уходе от ее чистоты в сторону формальности обрядов. Но, по его же утверждению, всегда остается возможность исправления этого.

Подводя итог, необходимо отметить, что и у А.С. Хомякова, и у И.В. Киреевского во взглядах на проблему исторической традиции есть точки и соприкосновения, и различия. Единство мнений основоположников русской религиозной философии заключается в согласии с тем, что основными традициями России являются основанные на православной вере государственное устройство, семья, образование, играющие важную роль в сохранении народного согласия. Эти традиции смогли сформироваться вследствие отсутствия сословной вражды при формировании государства, объединенного единством неискаженной веры, способствовавшей развитию общности интересов, в отличие от западного индивидуализма, приводившего каждого к чувству ответственности за судьбу Отечества.

Разность в их мнениях видна в вопросах роли Православной церкви в становлении Русского государства, возможности или отсутствия необходимости интеграции западных ценностей в российское социокультурное пространство, учета правящей элитой интересов граждан страны.

Приведенные примеры еще раз свидетельствуют о необходимости рассмотрения учения славянофилов во всей полноте, без выдергивания из контекста их мыслей. Оба, являясь сторонниками монархического государственного устройства, вместе с тем полагали своим долгом указывать на те недостатки государственного управления, которые казались им принципиальными в части своеобразного тормоза развития страны. К таким они относили чрезмерную бюрократизацию управления, отсутствие полноты свободы слова.

Справедливости ради, необходимо отметить, что у обоих авторов при наличии большого числа вопросов почти нет конкретики в ответах на них, причиной чему, возможно, является их желание выслушать ответы от слушающих. Время показало, что поставленные вопросы до сих пор получают ответы, что свидетельствует об их вневременной актуальности.

Литература

1. *Долгушин Д.В., священник*. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.
2. *Закунов Ю.А.* Основные альтернативы социокультурных ценностей как продолжение идей славянофильства // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф., состоявшейся 14—17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького. Т. 1 / Отв. ред. Б.Н. Тарасов. М.: Языки славянских культур, 2007. 728 с.
3. *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 197 с.: [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=463960>.
4. *Зернов Н.М.* Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев. СПб.: «Русская симфония», 2010. 400 с.
5. *Зимин А.И.* А.С. Хомяков и проблемы русского культурно-исторического самосознания // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., состоявшейся 14—17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького. Т. 1 / Отв. ред. Б.Н. Тарасов. М.: Языки славянских культур, 2007. 728 с.
6. *Каменский З.А.* П.Я. Чаадаев — критик славянофильства // История философии. 1999. № 4. 218 с.: [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=49445>.
7. *Каменский З.А.* Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков. М.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2003. 533 с.
8. *Киреевский И.В.* В ответ Хомякову // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. Т. 1. 314 с.: [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=130323>.
9. *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Критика и эстетика. М., 1979. С. 326.
10. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России: (Письмо к графу Е.Е. Комаровскому). М.: Типография Александра Семена, 1852. 68 с.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/432973>.
11. *Киреевский И.В.* Письмо В.А. Жуковскому, 28 янв. 1845 г. // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. И.В. Киреевского: В 2 т. / Под ред. М. Гершензона. Т. 2. М.: Путь, 1911. С. 234—238.

12. *Лабанов С.С.* Проблема взаимоотношения России и Запада у А.С. Хомякова и Ф.И. Тютчева // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., состоявшейся 14—17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького. Т. 2 / Отв. ред. Б.Н. Тарасов. М.: Языки славянских культур, 2007. 568 с.

13. *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия: [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/puti-russkogo-bogoslovija/6_2.

14. *Хомяков А.С.* Дар песнопенья. О старом и новом. Церковь одна. Труженик. Современники об А.С. Хомякове. Борец за Святую Русь. М.: Русский мир, 2007. 760 с.

15. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Изд-во Университетская типография, 1900. 417 с.: [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3560/>.

16. *Шапошников Л.Е., Федоров А.А.* История русской религиозной философии. М.: Высш. шк., 2006. 447 с. (сер. «История философии»).

Referebces

1. *Dolgushin D.V., svyashchennik. V.A. Zhukovskij i I.V. Kireevskij:* Iz istorii religioznych iskanij russkogo romantizma. M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 352 s.

2. *Zakunov YU.A.* Osnovnye al'ternativy sociokul'turnyh cennostej kak prodolzhenie idej slavyanofil'stva // A.S. Homjakov — myslitel', poet, publicist: sb. st. po mat-lam Mezhdunar. nauch. konf., sostoyavshejsya 14—17 aprelya 2004 g. v g. Moskve v Literaturnom inte im. A.M. Gor'kogo. T. 1 / Otv. red. B.N. Tarasov. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2007. 728 s.

3. *Zen'kovskij V.V.* Russkie mysliteli i Evropa. M.; Berlin: Direkt-Media, 2017. 197 s.: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=463960>.

4. *Zernov N.M.* Tri russkih proroka: Homjakov, Dostoevskij, Solov'ev. SPb.: «Russkaya simfoniya», 2010. 400 s.

5. *Zimin A.I.* A.S. Homjakov i problemy russkogo kul'turno-istoricheskogo samosoznaniya // A.S. Homjakov — myslitel', poet, publicist: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf., sostoyavshejsya 14—17 aprelya 2004 g. v g. Moskve v Literaturnom in-te im. A.M. Gor'kogo. T. 1 / Otv. red. B.N. Tarasov. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2007. 728 s.

6. *Kamenskij Z.A. P.YA. CHaadaev — kritik slavyanofil'stva // Istoriya filosofii. 1999. № 4. 218 s.: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=49445>.*
7. *Kamenskij Z.A. Filosofiya slavyanofilov. Ivan Kireevskij i Aleksej Homjakov. M.: Izd-vo Rus. Hristian. gumanit. in-ta, 2003. 533 s.*
8. *Kireevskij I.V. V otvet Homjakovu // Kireevskij I.V. Poln. sobr. soch. M.: Tip. P. Bahmeteva, 1861. T. 1. 314 s.: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=130323>.*
9. *Kireevskij I.V. O neobhodimosti i vozmozhnosti novyh nachal dlya filosofii // Kritika i estetika. M., 1979. S. 326.*
10. *Kireevskij I.V. O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego ot-nosheniya k prosveshcheniyu Rossii: (Pis'mo k grafu E.E. Komarovskomu). M.: Tipografiya Aleksandra Semena, 1852. 68 s.: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.prilib.ru/item/432973>.*
11. *Kireevskij I.V. Pis'mo V.A. ZHukovskomu, 28 yanv. 1845 g. // Kireevskij I.V. Poln. sobr. soch. I.V. Kireevskogo: V 2 t. / Pod red. M. Gershenzona. T. 2. M.: Put', 1911. S. 234 —238.*
12. *Labanov S.S. Problema vzaimootnosheniya Rossii i Zapada u A.S. Homjakova i F.I. Tyutcheva // A.S. Homjakov — myslitel', poet, publicist: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf., sostoyavshejsya 14—17 aprelya 2004 g. v g. Moskve v Literaturnom in-te im. A.M. Gor'kogo. T. 2 / Otv. red. B.N. Tarasov. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2007. 568 s.*
13. *Florovskij G.V., prot. Puti russkogo bogosloviya: [Elektronnyj resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/puti-russkogo-bogoslovija/6_2.*
14. *Homjakov A.S. Dar pesnopen'ya. O starom i novom. Cerkov' od-na. Truzhenik. Sovremenniki ob A.S. Homjakove. Borec za Svyatuyu Rus'. M.: Russkij mir, 2007. 760 s.*
15. *Homjakov A.S. Poln. sobr. soch.: V 8 t. T. 1. M.: Izd-vo Univer-sitetskaya tipografiya, 1900. 417 s.: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3560/>.*
16. *SHaposhnikov L.E., Fedorov A.A. Istoriya russkoj religioznoj filosofii. M.: Vyssh. shk., 2006. 447 s. (ser. «Istoriya filosofii»).*

Э. МАРТИН-ИОГАНСОН

**Экономические санкции как инструмент
политического контроля***

Аннотация. Рассматривается проблема экономических санкций как метода политического воздействия на политику других стран. Анализируются моральные и этические аспекты санкционной политики США и ее негативные последствия для мирных граждан тех стран, против которых она направлена. Утверждается, что США извратили настоящее предназначение экономических санкций как альтернативного войне метода, целью которых должна быть борьба с терроризмом и другими недопустимыми действиями. Рассматривается проблема односторонних санкций экстерриториального характера. Подчеркивается, что США используют экономические санкции с целью достижения экономической выгоды и удовлетворения своих собственных политических амбиций, часто не имеющих ничего общего с интересами мировой безопасности.

Ключевые слова: санкции, экономические санкции, эмбарго, Лига Наций, США, ЕС, ООН, Россия, Иран, Ирак, метод, альтернативный военному вмешательству.

Abstract. The article considers the subject of economic and financial sanctions as a punitive tool to influence internal policy of another country. It provides historical background of economic sanctions. It addresses the subject of unilateral sanctions and their extraterritorial effects. Examines moral and ethical aspects of international sanctions' restrictive regime, imposed by the USA and their negative impact on the target countries. The author argues that the USA increasingly uses economic sanctions to achieve their own ambitious goals, which often have no connection with the interests of international security. It emphasises that the USA distorted the real purpose of economic sanctions as an alternative method to military intervention, which ought to be used to fight and to prevent international terrorism and other harmful actions against humanity.

Keywords: sanctions, economic sanctions, embargo, League of Nations, USA, EU, UN, Russia, Iran, Iraq, alternative to military intervention.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мартин-Иогансон Э. Экономические санкции как инструмент политического контроля // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 165—184.

УДК 32, 33
ББК 65, 66

Что такое экономические санкции

На международной политической арене механизм экономических санкций стал активно применяться в качестве метода политического давления с целью воздействия на государственный режим и политику другого государства. Суть санкций заключается в том, чтобы с помощью финансовых или торговых запретительных мер заставить правительство другой страны изменить свою внутреннюю или внешнюю политику по отношению к другому государству. Экономические санкции всегда политически мотивированы. Более того, экономические санкции стали одним из главных политических инструментов, который все чаще применяется в качестве альтернативы прямой интервенции или вооруженного конфликта, а также в условиях, когда дипломатические переговоры исчерпаны.

В современных условиях борьбы с пандемией проблема санкционной политики США и Евросоюза, казалось бы, потеряла свою актуальность хотя бы по той причине, что правящим государственным деятелям и политикам должно быть просто не до этого. Однако санкционная политика Америки и западно-европейских стран не только не прекратилась, но и развивается.

Показательно, что 6 июля 2020 г. Великобритания ввела первый автономный, т. е. независимый от Евросоюза, режим санкций [6, 25]. Это санкционная программа борьбы с нарушителями прав человека. Здесь необходимо отметить три важных аспекта. С одной стороны, это символический жест, показывающий независимость Великобритании от Евросоюза. С другой стороны, он отражает стремление Великобритании заявить, что она сильная держава, обладающая политическим влиянием на международной арене. Третий и не менее важный аспект — то, что Великобритания теперь претендует на право в межгосударственных отношениях вводить односторонние санкции наравне с ЕС и США.

«Главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности несет Совет Безопасности ООН (СБ ООН)» [2]. Санкции, вводимые СБ ООН, являются многосторонними, поскольку обладают высшей легитимностью на международной арене. Санкции, вводимые отдельными государствами в отсутствие санкций СБ ООН, считаются односторонними. Однако следует отметить, что не существует четких, устоявшихся определений многосторонних и односторонних санкций и разница между ними размыта. Это положение можно

объяснить тем, что такие мощные политические игроки, как США и ЕС, стали в XXI в. практически лидерами и инициаторами санкционной политики в межгосударственных отношениях. Благодаря своим широким финансовым и экономическим возможностям, США, а именно Управление казначейства США по контролю за иностранными активами (The Office of Foreign Assets Control (OFAC)), активно используют экономические санкции для защиты своих собственных интересов и своей межгосударственной безопасности. Санкции, вводимые США и ЕС, по своей политической силе практически равны санкциям СБ ООН.

Существуют два главных типа международных экономических санкций: финансовые и торговые ограничения, или эмбарго. Финансовые санкции заключаются прежде всего в запрете и ограничении международных финансовых операций и сделок со странами или лицами, которые являются объектами санкций, или, иными словами, попали в «черный», т. е. санкционный список. Эмбарго (embargo) — торговые ограничения или запрет на экспорт и импорт определенной продукции или любой продукции в страну, по отношению к которой применены санкции. Иными словами, эмбарго — это экономическая блокада, когда со страной запрещено торговать.

Исторические предпосылки

Экономические санкции имеют длинную историю, которая началась еще в Античной Греции. Известно, что древние греки первыми применили торговые ограничения против мегарских купцов в качестве экономической меры наказания. В 432 до н. э. Афинская ассамблея приняла так называемую Мегарскую псефизму, которую предложил Перикл, афинский государственный деятель. Если перевести на современный политический язык, Мегарская псефизма — это эмбарго, суть которого заключалась в запрещении Мегару торговать в Афинах. Причины древнегреческих санкций были в основном меркантильными, т. е. направленными на достижение экономического превосходства путем торговой блокады. Тогда они еще не имели четких политических целей [26, 74—99].

Экономические санкции прошли долгий исторический путь, когда от простых экономических запретов, преследовавших меркантильные цели, они превратились в серьезное международное политическое орудие в руках сильных мира сего.

XIX в. ознаменовался рядом экономических мирных блокад, которые заключались в развертывании военно-морских сил страной, или коалицией стран, для предотвращения торговых, коммерческих

отношений с определенными портами или районами государств, с которыми эти страны не находились в состоянии открытого военного конфликта [1, 4].

Эти блокады использовались как инструмент политического принуждения. Никакого международного юридического законодательства эти санкции не имели.

Мирное разрешение политических ситуаций и конфликтов. Гаагские конференции и Лига Наций

С конца XIX в. в международной политической жизни развивалась идея, что санкции должны применяться тогда, когда есть угроза мировой безопасности. Вопрос о возможности применения санкций как инструмента мирного разрешения неблагоприятных политических ситуаций и конфликтов был в центре внимания европейских пацифистов в 1892—1899 гг. На многочисленных конференциях делегаты обсуждали вопрос о применении международной системы арбитража. Государственные деятели Франции Леон Буржуа³¹ и Поль д'Эстурнель де Констан³² на Гаагской конференции в 1899 г. призвали нации использовать санкции против тех стран, чья политика представляет опасность или даже угрозу миру. Однако Гаагские конференции (1899 и 1907 гг.) не принесли заметных результатов, так как делегаты не смогли достичь соглашения о мерах по ограничению вооружений. Несмотря на то, что Гаагские конференции не добились немедленных и ощутимых результатов, их значение не следует недооценивать. Две эти конференции фактически заложили правовую базу для новой международной системы, основанной на международном законодательстве [13].

Решениями Гаагских конференций контролировалась международная роль Европы как мирового политического лидера и открывались

---

³¹ Леон Виктор Огюст Буржуа (1851—1925) — французский государственный деятель и юрист, лауреат Нобелевской премии мира за 1920 г. Премьер-министр Франции (1895—1896). В 1899 г. принимал активное участие в международной деятельности и был назначен главой французской делегации на Гаагской мирной конференции. С началом деятельности Лиги Наций Буржуа был главным представителем Франции и не только заседал в Ассамблее, но и был первым главой ее совета.

³² Поль Анри Бенжамен Баллюэ д'Эстурнель де Констан (1852—1924) — французский дипломат и борец за мир. Был видной фигурой во французской политике и влиятельным защитником мира в законодательных органах. Вместе с Леоном Буржуа Поль д'Эстурнель представлял Францию на Гаагской мирной конференции 1899 г., которая, однако, не принесла заметных результатов.

возможности на международной политической арене для стран Азии. Две эти конференции в какой-то мере обозначили коренные изменения в международных отношениях, действовавших в XVII—XIX вв., когда был нарушен европейский баланс сил [4].

Особенное внимание уделялось установлению международного арбитража в разрешении разногласий и решении задачи обеспечения мира. Важно отметить, что делегаты отдавали приоритет мирному урегулированию через международный арбитраж, а не методам экономических наказаний. Санкции предусматривались, но только как крайняя мера и на основе многостороннего решения.

Леон Буржуа утверждал, что любые меры воздействия в межгосударственных отношениях могут быть применены только тогда, когда есть неоспоримые свидетельства акта нарушения и при условии, что большинство членов Лиги Наций признают, что совершен акт нарушения конвенций. Предусматривалось, что только многосторонние санкции должны иметь силу [14, 107].

Европейские пацифисты конца XIX в. считали, что для применения экономических санкций как меры наказания какой-либо нации, необходимо соблюдение определенных условий: санкции должны применяться на правовой основе коллективным органом, т. е. Лигой Наций; должны существовать неоспоримые доказательства нарушения условий конвенций; санкции должны применяться, когда существует реальная угроза мировой безопасности; при этом все или большинство членов Лиги Наций должны одобрить эти санкции.

В отечественной историографии роль первой мирной конференции на исходе XIX в. часто замалчивалась [4]. Дореволюционные работы на эту тему, по причине отсутствия доступа к основным источникам, носили поверхностный характер. Роль Николая II как инициатора мирной конференции практически не получала детального освещения. «Кроме того, современники, на глазах которых разворачивались трагические события Русско-японской и Первой мировой войн, склонны были относиться к решениям мирных конференций в Гааге 1899 и 1907 годов не более чем к “бесполезной болтовне” политиков и пацифистов» [4].

В 1916 г. бельгийский профессор международного права Анри Лафонтэн³³ опубликовал свою работу «Magnissima Carta» —

---

³³ Анри Мари Лафонтэн (1854—1943) — бельгийский профессор международного права, сенатор. Главным делом жизни Лафонтена была борьба за мир. За свою неутомимую деятельность в этом направлении он был удостоен в 1913 г. Нобелевской премии мира. Лафонтен председательствовал на более чем

«Величайшая хартия» Соединенных Штатов Мира, в которой изложил основные конституционные принципы для создания мировой организации, ответственной за обеспечение мира во всем мире [12]. Он объяснил необходимость создания федеральной организации наций для использования международных судов, в права которых входило бы использование вооруженных методов принуждения, чтобы избежать кровавых международных конфликтов. В конце Первой мировой войны Лафонтэн стал техническим советником Мирной конференции в Париже в 1919 г., которая приняла резолюцию о создании Лиги Наций³⁴.

Современная концепция международных санкций в их сегодняшней интерпретации начала формироваться после Первой мировой войны. Лига Наций сыграла ключевую роль в процессе превращения санкций в политический инструмент невоенного принуждения. Статья 16 Устава Лиги Наций четко предписывала, что в случае военных действий со стороны любого члена Лиги, вопреки положениям Устава (ст. 12, 13 и 15), другие члены обязуются расторгнуть все финансовые и торговые отношения и запретить общение со страной-нарушителем [24]. Считается, что именно с этого момента санкции стали механизмом политического инструмента принуждения. На практике механизм действия санкций оказался шире, чем практика по принуждению, направленная на предотвращение военных конфликтов.

Справедливо утверждать, что роль США, как международного лидера и, как следствие, лидера санкционной политики начала постепенно формироваться в начале XX в. В 1918 г. президент США Вудро

---

20 международных конгрессах по проблемам мира, в 1907 г. был избран президентом Международного бюро мира в Брюсселе. В 1920 г. представлял страну на ассамблее Лиги наций.

³⁴ Лига Наций — международная и межправительственная организация, была создана в 1919 г. в результате Версальского соглашения. Основными целями Лиги Наций были развитие сотрудничества между народами, предотвращение военных конфликтов, укрепление всеобщего мира и безопасности, урегулирование споров путем дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни в мире. Функции и полномочия были определены Уставом организации. В Лигу Наций входили 40 государств. СССР вошел в Лигу Наций в сентябре 1934 г. В декабре 1939 г. резолюцией 20-й Ассамблеи и постановлением Совета Лиги Наций Советский Союз был исключен из организации. Причиной исключения стала война СССР с Финляндией. В апреле 1946 г. Ассамблея проголосовала за прекращение существования Лиги Наций. Ее активы и обязательства были переданы в Организацию Объединенных Наций.

Вильсон обратился к конгрессу с речью, где он огласил «Четырнадцать пунктов мирного урегулирования», которые по сути ознакомили начало важного поворота в американской внешней политике [20].

«14 пунктов» Вильсона призывали покончить с господствующей в то время тайной дипломатией, глобальными войнами и колониальной системой. Вильсон предложил идею осуществления международного общественного контроля за мировыми процессами, который выражался бы в ограничении вооружений и поощрении гласности международных отношений. Он считал, что отношения между народами должны иметь правовую основу. Важно подчеркнуть, что Россия, по мнению американского президента, должна была вернуть себе все довоенные территории, кроме Финляндии, Польши и, возможно, Литвы, но только том случае, если она сможет построить «крепкую демократическую республику» [20, 27]. Последний и важный пункт предлагал идею создания организации, способной сплотить послевоенные государства ради поддержания всеобщего мира и благоденствия. Такая организация должна была включать большую часть всех стран и называться Лигой Наций [20].

Следует отметить, что Вильсон не был единственным автором этих мировых планов. Например, премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд-Джордж высказывал подобные идеи. Однако Вильсон не только конкретизировал, но и развил эти идеи [18]. Несмотря на то, что его политические идеи звучали в целом разумно, в них явно проявлялась идеология страны, претендующей на роль международного лидера, имеющего априори право диктовать другим нациям и требовать выполнения.

Лига Наций, как известно, стала прототипом ООН. Важно подчеркнуть, что США не вошли в состав Лиги Наций. На первый взгляд, это может показаться странным, ведь именно Они были ее инициатором. Пропагандируя идеи равноправия, демократии и подчинения мирным соглашениям, Штаты не хотели и не хотят подчиняться какой-либо международной политике. Европейские державы фактически поддержали идеи Вильсона, но они не были одобрены американским правительством.

В 1919 г. В. Вильсон предложил Лиге Наций использовать метод абсолютного бойкота, который предусматривал бойкотирование нации, которая проявляла неуважение или игнорирование по отношению к конвенциям Лиги [27]. Попытка применить теорию Вильсона на практике была осуществлена в 1935—1936 гг., когда Лига Наций применила санкции по отношению к Италии. Оказалось, что эти санкции никакого эффекта не имели. Они не только не убедили Бенито Муссолини отозвать

войска из Абиссинии (современная Эфиопия), но даже не вызвали ответной реакции и реакции со стороны Франции и Британии, которые их просто проигнорировали [21].

Обратный эффект. Санкции против Японии и их последствия

В истории бывали случаи, когда экономические санкции, вводимые США в одностороннем порядке, приносили не только обратный, но и трагический результат для самой же Америки. Одним из таких примеров стали финансовые санкции и эмбарго, которые США ввели против Японии в 1940—1941 гг. Стремясь преградить путь японской экспансии в Азии, в июле 1940 г. Рузвельт подписал закон о контроле за экспортом, по которому разрешался или запрещался экспорт ключевых материалов военного назначения [15, 322]. В июле 1940 г. Рузвельт ввел финансовые санкции, заморозив японские активы в США, а потом наложил запрет на экспорт нефти в Японию [14, 327—328]. Япония не заставила себя ждать и ответила 7 декабря 1941 г. ударом авианосцев по военно-морской базе США на Гавайях. Атака на Перл-Харбор не только повлияла на ход войны, но и изменила мировую историю. День спустя США вступили во Вторую мировую войну. Несомненно, что американские эмбарго и финансовые санкции спровоцировали эту атаку.

Санкции ООН

Уставом ООН предусмотрена возможность использования принудительных мер невоенного характера в целях поддержания международного мира и безопасности [28; 24; 39]. Санкционные меры применяются в том случае, если Совет Безопасности установит наличие угрозы миру или акта агрессии. Устав прописывает обязательное выполнение резолюций ООН.

Характерно, что Устав не использует термин «санкции». В ст. 41 перечисляются, невоенные меры, которые могут быть использованы для осуществления решений ООН. «Такие меры могут включать полное или частичное прекращение экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфических, радио и других средств сообщения, и прекращения дипломатических отношений» [28, ст. 41]. Таким образом, экономические санкции ООН должны рассматриваться в контексте международной безопасности. Однако на практике ООН прибегает к мерам, которые прямо не указаны в Уставе, более того, они не только не обеспечивают мировую безопасность, но обостряют

международную обстановку, создавая враждебную атмосферу в международных отношениях и международном бизнесе.

ООН активно применяла санкционные меры против Ирака, в отношении Ливии, Либерии, Югославии, Анголы, Сомали, Руанды, Гаити, Судана, Афганистана, Кот-д'Ивуара, Сьерра-Леоне, Эфиопии. Вопрос здесь в том, чего именно добились санкции и какой ценой.

В 1990 г. Совет Безопасности ООН применил санкции против Багдада в качестве наказания за нападение на Кувейт. Целями этих санкций были подрыв режима Саддама Хусейна и предотвращение создания оружия массового уничтожения. СБ ООН постановил, что все государства должны запретить импорт из Ирака, воспрепятствовать передаче стране оружия и военного оборудования, а также финансовой и экономической помощи. Для полного прекращения морских торговых связей с Ираком 25 августа 1990 г. СБ ООН принял резолюцию о введении против Ирака воздушного эмбарго, предусматривающего запрет на перевозку в Ирак любых грузов, помимо продуктов питания и гуманитарной помощи [9, 22]. Ирак (наряду с другими странами) стал объектом санкций со стороны не только ООН, но и США (Управление Казначейства США по контролю за иностранными активами).

В западной прессе все чаще стала появляться критика в адрес иракских санкций [22]. Под влиянием критики ООН разработала модель целевых «умных» («smart») санкций, которые не являются всеобъемлющими (направленными против всего государства), а имеют точечное воздействие на отдельных лиц или компании страны объекта и заключаются в запрете на въезд в страну, замораживание финансовых банковских счетов для лиц.

Британский посол Давид Ханэй предупреждал, что не стоит «увлекаться» целевыми санкциями, так как их трудно применить на практике. В ответ на критику США согласились с так называемой программой «Нефть в обмен на продовольствие», разрешив Ираку продавать нефть в обмен на гуманитарную помощь. Каких именно результатов достигли иракские санкции? Под международными санкциями Ирак находился в 1990—2003 гг. Страна не изменила политического режима, Саддам Хусейн оставался у власти. Тем не менее поставленная цель была достигнута — восстановление иракской военной машины было невозможно. В 2003 г., когда США предприняли вторжение в Ирак, американская армия практически не встретила сопротивления по причине того, что военная техника Ирака была буквально истощена санкциями.

Санкции добились своей цели, но какой ценой и ради чего? Цена в человеческом измерении была слишком высока. В 1995 г.

доказательств бессмысленности и вреда от экономических санкций против Ирака было более чем достаточно. Смертность среди детей в Ираке не могла остаться незамеченной мировой общественностью. Однако США отмахнулись от этой критики, назвав статистические данные о детской смертности в результате экономической блокады Ирака преувеличенными.

Санкции были наложены в качестве наказания за нападение Ирака на Кувейт в 1990 г. На первый взгляд, казалось бы, совершенно справедливая мера на столь агрессивные действия Ирака. Однако конфликт закончился, а санкции продолжались до 2003 г. США руководствовались чисто меркантильными интересами. Американские власти пытались сохранить свои экономические интересы в регионе. Они опасались, что после захвата Кувейта Саддам Хусейн захочет усилить свои позиции и может напасть на Саудовскую Аравию, богатую нефтью, а это означало бы, что Ирак мог стать хозяином нефтяных богатств. Поэтому в ход пошли не только санкции, но и военные действия.

Применив экономические санкции, а впоследствии и военные действия, США исказили истинное предназначение экономических санкций как мирного метода сдерживания агрессии, альтернативного войне.

1 июля 2010 г. президент США Б. Обама подписал санкционные меры против Ирана, направленные на то, чтобы ограничить, а еще лучше — заставить Иран прекратить разработку ядерной программы. Обама подчеркнул, что Америка сделает все для того, чтобы продолжить давление на иранское правительство и усилить экономическую и финансовую изоляцию Ирана и не позволить ему получить ядерное оружие. В то же время Обама упомянул, что уроки от иракских санкций были учтены.

Новые санкции совпали с выходом в свет книги «Невидимая война: Америка и иракские санкции» [9]. Книга показала разрушительные и губительные для населения Ирака санкции, которые были введены в 1990 г. и продолжались до 2003 г. Автор этой работы — Джой Гордон, профессор философии, активная участница дебатов по вопросам, касающимся этики и морали экономических санкций. Эта книга представляет собой аналитический и критический взгляд на роль США, как автора и главного дирижера иракских санкций.

Иракские санкции продемонстрировали, что Америка под эгидой борьбы за безопасность готова причинить любой вред стране, против которой введены санкции.

История, похожая на Ирак, произошла в Югославии в 1992—1995 гг. Последствия были самые губительные. Страна испытывала

гиперинфляцию, ВВП сократился почти в три раза. Ничего, кроме разрушения, эти санкции не принесли.

Последствия иракских и других санкций поднимают ряд серьезных вопросов, касающихся этики и морали любых санкционных действий.

Морально-этический аспект

Проблемы экономических, финансовых санкций и эмбарго рассматриваются в основном как политические проблемы, что вполне оправдано, поскольку все эти меры политически мотивированы. Однако санкции имеют и другую важную составную — морально-этическую. Как уже отмечалось, санкции могут принимать разные формы, адресные и всеобъемлющие. Большинство специалистов признают важность адресных санкций как более гуманного метода, так как они не затрагивают все население, а нацелены на группы, ответственные за нарушение международно-правовых норм.

В западной политологии этические проблемы анализируются не с точки зрения объективных причин санкций и их последствий, а с точки зрения морального оправдания санкций как альтернативного и более «гуманного» метода воздействия на страну, которая стала объектом санкций [16; 19].

Моральный аспект санкций впервые получил серьезное освещение в 1967 г. в работах норвежского социолога Йохана Галтунга³⁵. Он подверг резкой критике саму сущность санкций, т. е. нанесение как можно большего экономического ущерба странам, против которых применены санкции. По его мнению, массовый, коллективный характер экономических санкций наносит значительный вред невинным гражданам. Галтунг дал определение санкциям как «акту, инициированному одним или несколькими участниками акта против одного или нескольких объектов с целью: наказать объект(ы), лишив этот объект определенных ценностей, или заставить объект выполнить определенные нормы, которые участники акта считают важными» [7].

---

³⁵ Йохан Галтунг — Норвежский социолог и математик, ведущий консультант ООН, ОБСЕ и Совета Европы по проблемам урегулирования конфликтов. Родился 24 октября 1930 г. в Осло. Основатель Международного института исследований мира в Осло. Автор многочисленных работ по вопросам мира, международных конфликтов. Участвовал в процессах разрешения многих международных, региональных и внутригосударственных конфликтов.

Иными словами, санкции имеют две главные цели: наказать и заставить подчиниться. По мнению социолога, современная пенология³⁶ не утверждает, что наказание является эффективным способом заставить людей подчиняться [7, 380].

Галтунг отрицал аспект наказания в санкционной политике. Любые санкции прежде всего должны быть направлены на то, чтобы убедить объекты санкций выполнять те или иные международные нормы. Он разделял санкции на негативные и позитивные. Галтунг предложил следующие критерии для разработки санкционной политики:

- должны ли быть санкции негативными (т. е. наказание) или позитивными (включать меры поощрения, определенные выгоды);
  - должны ли санкции быть целенаправленными, т. е. направлены против определенных лиц, обладающих в стране определенной властью, или должны быть направлены против целой страны;
  - должны ли санкции быть внутренними (т. е. вводятся вследствие каких-либо действий, изменений внутри самой нации) или внешними (т. е. вводятся вследствие того, что нация не должным образом ведет себя с другими нациями);
  - являются ли санкции односторонними (т. е. вводятся только одной страной) или многосторонними (вводятся не только одной страной), или универсальными (вводятся всеми или почти всеми странами);
  - носят ли санкции общий или избирательный характер (применяются все возможные меры или только определенные меры);
  - являются ли санкции общими или частичными (применяются все меры или только определенные, особые, специально разработанные);
  - тип санкций (тип тех ценностей, которых лишается нация)
- [7, 379].

Экономическая блокада наносит ущерб не только государству, ставшему объектом санкций, но и другим государствам, с которыми это государство имело экономические связи.

Упомянутая выше Джой Гордон писала, что вся «санкционная программа против Ирака была рассмотрена комитетом при Совете Безопасности ООН при закрытых дверях, протоколы совещаний не циркулировали, не было прозрачности или ответственности в действиях» [9, 2]. Гордон утверждает, что в санкционной травле Ирака США играли «центральную роль»: агрессивно лоббировали в процедурных правилах, давая возможность США в одностороннем порядке блокировать Ирак,

---

³⁶ Пенология — теория об уголовных, административных, церковных, гражданских и других видах наказания.

не позволяя импортировать предметы гуманитарной помощи, занимались манипуляцией, дискредитируя доклады агентств ООН о ситуации с гуманитарной помощью, препятствовали независимому юридическому мнению, задерживали доставку продукции первой необходимости [9, 2]. Одним из трагических последствий американского вмешательства стали разрушенные экономика и индустриальный потенциал Ирака, которые привели к безработице, росту нищеты, росту криминала [9, 215].

Польза или только вред

Важным периодом в развитии международных санкций стал 2001 г., когда спустя несколько недель после атаки 11 сентября ООН применила беспрецедентные по своим масштабам контрмеры против терроризма, обязав 189 членов ООН заморозить финансовые активы и ограничить свободу передвижения террористам и их пособникам. Такие санкционные меры были объективны и необходимы, поскольку угроза мировой безопасности была очевидна.

Санкции должны быть необходимым инструментом, предотвращающим финансирование террористических группировок, блокирующим незаконную торговлю наркотиками и другими запрещенными препаратами. Санкции, если их применять по назначению, являются необходимой частью современной международной политической жизни — инструментом и в экономике, и в политике. Самое же опасное — это злоупотребления. Польза санкций может быть, только если применять их с осторожностью, в исключительных ситуациях, когда дипломатические переговоры исчерпаны, а полномасштабные военные действия или локальные военные конфликты невозможны. В таком случае санкции являются альтернативным методом.

Антироссийские санкции

России не привыкать к санкциям. Упоминания об антироссийских санкциях относятся еще ко временам Ивана IV Грозного. Если обратиться к более современной истории, то следует отметить санкции против СССР. «С приходом к власти в США администрации Р. Рейгана политика экономического “удушения” СССР обрела новый импульс. В основе ее стратегии был заложен план из трех базовых пунктов: 1) подрыв системы власти и управления (в том числе путем демократизации через польскую “Солидарность”); 2) изматывающая ресурсная гонка вооружений и поддержка моджахедов в Афганистане; 3) сопутствующий обвал цен на сырье (преимущественно нефть)» [1].

После распада СССР введенные ранее санкции не только продолжали действовать, но и вводились новые. Например, под американские санкции попали некоторые научные учреждения России за сотрудничество с Ираном в ракетной области. В 2012 г. в США был принят «Акт Магнитского», согласно которому вводились персональные санкции [8].

Новый масштабный виток санкций против России начался в 2014 г. США были инициатором введения санкций в связи с присоединением Крыма (официально используется термин «аннексия», т. е. насильственное отторжение территории от одного государства и присоединение к другому) и конфликтом на Востоке Украины [23]. Целью этих санкций являлась международная изоляция России. Несмотря на экономический риск, к санкциям присоединились страны Евросоюза. Санкции также поддержали государства Большой семерки.

Под крымские санкции попали много людей и компаний, которые никакого отношения к украинскому конфликту не имели. Этот факт свидетельствует, что продолжающийся украинский конфликт использовался и продолжает использоваться как предлог для усиления экономической блокады и политической изоляции России. Российские государственные компании попадают в санкционные списки только потому, что государство является главным владельцем этих компаний, при этом они не имеют никакого отношения к событиям в Донецке или Луганске.

В 2014 г. администрацией Б. Обамы был введен новый тип санкций против России — секторальные санкции. До этого санкции были персональные. В лист секторальных санкций США, так называемый SSI список (Sectoral Sanctions Identification), попали стратегически важные для государства отрасли индустрии: военно-оборонная промышленность, топливно-энергетическая и финансовая отрасли [3, 23]. Цель секторальных санкций — заблокировать финансирование стратегически важных отраслей экономики России, которая до недавнего времени делала сильный акцент на иностранные инвестиции, и тем самым нанести удар по экономике России. С 2014 г. находятся все новые и новые предлоги для продления санкционного режима.

В 2016 г. Обама продлил санкции на неопределенный срок, поскольку действия России продолжают представлять «необычайную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности и зарубежной политике США» [17]. В этом же году в адрес России посыпались обвинения во вмешательстве в американские выборы [17]. За обвинениями сразу последовало наказание: в конце 2016 г. администрацией Обамы были высланы из страны 35 российских дипломатов. «Разведывательная Служба США (US intelligence services) считает, что Россия организовала

кибератаку на Демократический Национальный Комитет, (предвыборную) кампанию Хилари Клинтон и другие политические организации, с целью повлиять на выборы в пользу Республиканского кандидата, Дональда Трампа» [17].

Идет санкционная война, где главным режиссером выступают США, неустанно принимающие новые экстерриториальные санкции, обосновывающие свое право накладывать обязательства и ограничения на другие страны, требующие от них проявления экономического бойкота по отношению к России.

Недавние американские санкции против «Северного потока — 2» отчетливо демонстрируют, что США злоупотребляют санкциями, используя санкционный режим для достижения своей экономической выгоды, не учитывая интересы других стран и вне контекста проблем мировых угроз. США, так же как и Россия, планировали поставлять свой сжиженный природный газ (СПГ) в Европу. Однако потенциальные страны-потребители отказались от предложения Вашингтона, поскольку американский газ стоил дорого и возникали проблемы с транспортировкой. Тот факт, что 24 страны ЕС выразили Госдепартаменту США протест в связи с санкционным давлением на участников проекта «Северный поток — 2», говорит о том, что американское злоупотребление санкциями начинает встречать сопротивление со стороны Европы.

Санкции стали идеологическим оружием США. Западная банковская система является неотъемлемой частью финансовой, а значит, также зависит как от внешнеэкономических, так и от внутренних факторов. На практике это означает санкционный комплаенс, т. е. подчинение санкционной политике и выполнение всех регуляторских требований, диктуемых СБ ООН, ЕС и Великобританией. Практически все банковские операции в Европе проходят в американской валюте. Пока США не отменят санкции, наложенные на Россию, Западная Европа будет продолжать недружественную политику по отношению к России. В реальности санкции против России не нужны Европе. До тех пор пока американский доллар является доминирующей финансовой единицей, банки и другие финансовые учреждения должны подчиняться санкционному режиму регулирования, а иначе — неограниченные баснословные штрафы и испорченная репутация компании, что может привести к развалу бизнеса.

Односторонние санкции экстерриториального характера

Коллективное согласование и требование неоспоримых доказательств угрозы мировой безопасности или недопустимых действий

против человечества должны были бы стать базовыми принципами в механизме санкций, которые являлись сдерживающими факторами, препятствующими неразумному применению санкционных мер без явной необходимости. Именно эти сдерживающие факторы отсутствуют в современной санкционной политике. Односторонние санкции, имеющие *экстерриториальный характер, стали обычной практикой. США, Европейский союз, ряд других государств ввели такие санкции против Белоруссии, Сирии, Ирана и др.*

Вопрос в том, имеет ли какое-либо государство право применять односторонние санкционные меры, имеющие *экстерриториальный характер, в отсутствие санкций, принятых СБ ООН. Даже если существуют санкции ООН, принятые на основании гл. VII Устава ООН, имеют ли право отдельные государства самостоятельно добавлять новые санкции к уже действующим санкциям ООН?* [2].

Практика «односторонних санкций» неоднозначна. Вопрос об их правомерности в доктрине международного права исследован мало. Односторонние санкции, вводимые США и ЕС, «влекут негативные последствия и для третьих государств: правомерное (с точки зрения санкций СБ) сотрудничество третьих государств и их юридических лиц со страной, подвергающейся санкциям, может оказаться неправомерным с точки зрения «односторонних санкций», и если это сотрудничество осуществляется в той или иной мере через посредство государства, вводящего «односторонние санкции» (перевозка товаров через его территорию, перевод средств через его банки и т. д.), оно может оказаться под угрозой» [2].

Практика показывает, что односторонние санкции *экстерриториального характера* стали применяться вне контекста главной цели санкционной политики, а именно — сохранения и обеспечения мировой безопасности. Одним из таких примеров являются санкции США против Белоруссии. В 2006 г. администрация Дж. Буша издала указ о применении санкций против белорусских властей [29]. Американские власти решили, что президентские выборы в 2006 г. нарушили международное право. Причиной санкций стали фальсификация выборов и нарушение прав человека. Санкции заключались главным образом в запрете кредитования правительства Белоруссии из финансовой системы США, запрете въезда в США высших должностных лиц, замораживании активов правительства Белоруссии в США. Причиной для этих санкций не являлась угроза мировой безопасности. В 2019 г. Трамп подписал указ о продлении санкций против официальных представителей правительства Белоруссии, включая А. Лукашенко [11].

Причиной продления санкций является то, что Белоруссия продолжает «создавать угрозу национальной безопасности и внешней политики США» [11]. При этом не упоминаются какие-либо конкретные нарушения Белоруссией международно-правовых обязательств. Эти санкции не позиционируются в качестве формы привлечения Белоруссии к международно-правовой ответственности. Иными словами, США присвоили себе право наказывать — потому что так считают США. С точки зрения международного права это политический беспредел. Эти санкции противоречат принципу невмешательства во внутренние дела, Хельсинскому акту [30].

Идеология контроля

Санкции в XXI в. стали идеологией политического давления и экономического ослабления тех стран, против которых они направлены. Ричард Нефью, руководитель процесса создания и воплощения санкционного режима против Ирана, а также советник по вопросам санкций против России, Северной Кореи, Ливии, Сирии и ИГИЛ, предлагает определенную модель, так называемую рамку для формирования санкций, а также для того, чтобы достигать максимума эффективности от санкций, и для их усовершенствования. Нефью утверждает, что эффективность санкций напрямую зависит от причинения максимального вреда объекту. Санкции должны быть болезненными, иначе они бесполезны [16]. Они должны не только приносить боль или наносить ущерб противнику, но и выполнять поставленные задачи в рамках внешнеполитического курса США. Необходимо при этом учитывать психологические особенности объекта санкций, например, способности страны, компании или физических лиц противостоять санкциям.

Санкциями стали злоупотреблять, применять их вне контекста каких-либо противоправных действий, когда нет явных свидетельств угрозы мировой безопасности. Трагедия санкционной политики XXI в. заключается в том, что США монополизировали право на введение международных санкций, превратив их из мирного, т. е. невоенного метода борьбы с международной агрессией, в особенности с терроризмом, в орудие международного экономического, финансового и коммерческого контроля с одной целью — достижения своего мирового господства.

Литература

1. *Бочарников И.В.* История антироссийских санкций: от Ивана Грозного до наших дней: [Электронный ресурс]. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/istoriya-antirossijskih-sanktsij-ot-ivana-groznogo-do-nashih-dnej/> (дата обращения: 16.08.2020).
2. *Геворгян К.* «Односторонние санкции» и международное право // *Международная жизнь*: [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> (дата обращения: 06.08.2020).
3. *Обама продлил санкции против России*: [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2016/3/3/797585.html> (дата обращения: 12.08.2020).
4. *Фархутдинов И.З.* Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал Первую мировую войну: [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/gaagskie-mirnye-konferentsii-1899-i-1907-gg-kto-razvyazal-pervuyu-mirovuyu-voynu> (дата обращения: 04.08.2020).
5. An official website of the United States Government: [Электронный ресурс]. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/sdn-list/pages/ssi_list.aspx (дата обращения: 04.07.2020).
6. *Carrol J.* UK adopts first autonomous sanctions regime targeting human rights abusers: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitecase.com/publications/alert/uk-adopts-first-autonomous-sanctions-regime-targeting-human-rights-abusers> (дата обращения: 30.07.2020).
7. *Galtung J.* On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia // *World Politics*. 1967. Vol. 19. No. 3.
8. *Global Magnitsky*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/global-magnitsky-act/> (дата обращения: 12.08.2020).
9. *Gordon J.* *Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions*. Harvard: Harvard University Press, 2010.
10. *Hernandez A.* EU countries protest against EU sanctions in warning to Washington: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-countries-protest-us-sanctions-say-german-officials/> (дата обращения: 16.08.2020).
11. *Istrate D.* US prolongs sanctions against Belarus president 2019. 18.06: [Электронный ресурс]. URL: <https://emerging-europe.com/news/us-prolongs-sanctions-against-belarus-president/> (дата обращения: 27.07.2020).

12. *La Fontaine H.* The great solution, magnissima charta; essay on evolutionary and constructive pacifism. Boston: World Peace Foundation, 1916.
13. *Maartje Abbenhuis M., Barber C.E., Annalise R., Higgins A.R.* (eds.). War, Peace and International Order?: The Legacies of the Hague Conferences of 1899 and 1907. L.: Routledge Studies in Modern History, 2017.
14. *Malekian F.* Classical Morality in International Peremptory Criminal Law. L.: Cambridge Scholars Publishing, 2018.
15. *Morgenstern G.* The Actual Road to Pearl Harbor // In Perpetual War for Perpetual Peace. N. Y.: The Caxton Printers, 1953.
16. *Nephew R.* The Art of Sanctions: A View from the Field (Centre on Global Energy Policy Series). N. Y.: Columbia University Press, 2018.
17. Obama expels 35 Russian diplomats in retaliation for US election hacking/: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/29/barack-obama-sanctions-russia-election-hack> (дата обращения: 09.08.2020).
18. Past Prime Ministers: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/history/past-prime-ministers/david-lloyd-george> (дата обращения: 11.08.2020).
19. *Pattison J.* The alternatives to war: from sanctions to nonviolence. N. Y.: Oxford University Press, 2018.
20. President Woodrow Wilson's Fourteen Points: [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp (дата обращения: 26.07.2020).
21. *Ristuccia C.A.* The 1935 Sanctions against Italy: Would coal and oil have made a difference? // European Review of Economic History. 2000. Vol. 4. Is. 1. April. P. 85—110.
22. Sanctions against Iraq: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalpolicy.org/previous-issues-and-debate-on-iraq/sanctions-against-iraq.html> (дата обращения: 11.08.2020).
23. Sectoral Sanctions Identifications (SSI) List // An official website of the United States Government: [Электронный ресурс]. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/sdn-list/pages/ssi_list.aspx.
24. The Covenant of the League of Nations. Article 16: [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/leagcov.asp#art16 (дата обращения: 16.07.2020).
25. The Global Human Rights Sanctions Regulations 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2020/680/part/1/made> (дата обращения: 30.07.2020).

26. *Wick T.E.* Thucydides and the Megarian Decree // *L'antiquité classique*. T. 46. Brussels, 1977. P. 74—99.

27. *Wilson W., Baker R.S., Dodd W.E.* The public papers of Woodrow Wilson. N. Y.: Harper & Brothers, 1925—1927.

28. UN Charter: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/un-charter-full-text/> (дата обращения: 11.08.2020).

29. US relations with Belarus: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-belarus/> (дата обращения: 09.08.2020).

30. Organization for Security and Co-operation in Europe: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 07.10.2020).

References

1. *Bocharnikov I.V.* Istoriya antirossijskih sankcij: ot Ivana Groznogo do nashih dnei: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://nic-pnb.ru/analyt-ics/istoriya-antirossijskih-sanktsij-ot-ivana-groznogo-do-nashih-dnei/> (data obrashcheniya: 16.08.2020).

2. *Gevorgyan K.* «Odnostoronnie sankcii» i mezhdunarodnoe pravo // *Mezhdunarodnaya zhizn'*: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://interaf-fairs.ru/jauthor/material/720> (data obrashcheniya: 06.08.2020).

3. Obama prodлил sankcii protiv Rossii: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vz.ru/news/2016/3/3/797585.html> (data obrashcheniya: 12.08.2020).

4. *Farhutdinov I.Z.* Gaagskie mirnye konferencii 1899 i 1907 gg. Kto razvyazal Pervuyu mirovuyu vojnu: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://eurasianlaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/gaagskie-mirnye-konferentsii-1899-i-1907-gg-kto-razvyazal-pervuyu-mirovuyu-voynu> (data obrashcheniya: 04.08.2020).

VI

АКТУАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

А.Е. ШРАММ

О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления*

Аннотация. В статье рассмотрена парадигма цифрового государственного управления (Digital Era Governance) с точки зрения основных технологических трендов двух десятилетий — развития интернета и информационных платформ с начала 2000-х гг. и развития мобильного интернета и социальных сетей с начала 2010-х. Две волны парадигмы цифрового государственного управления и соответствующие им концепции электронного и цифрового правительств сопоставлены с основополагающими технологическими трендами — развитием платформ и развитием социальных сетей. В целом этап развития парадигмы цифрового государственного управления на протяжении последних 20 лет можно назвать платформенным этапом, поскольку социальные сети интернета ничего общего с сетями не имеют и с технической точки зрения остаются именно платформами. Автор исследует перспективы третьей волны парадигмы цифрового государственного управления на базе принципиально новой платформенно-сетевой архитектуры. К косвенным доказательствам зарождения сетевого уклада в системах управления можно отнести технологическую стратегию самой крупной социальной сети Facebook с ее нацеленностью на прорыв технологической блокады со стороны частных и государственных монополий посредством внедрения и развития собственных сетевых и системных сервисов. К технологическим концепциям третьей волны относятся интеллектуальные кибер-физические человеческие системы (Intelligent Cyber-Physical Human Systems), интернет вещей (Internet of Things), многоагентные сети (Multiagent Networks) и интернет людей (Internet of People). С начала 2010-х гг. и особенно с 2015 г. наблюдается взрывной рост интереса к этим концепциям в научной среде. Платформенный этап парадигмы цифрового государственного управления сменится сетевым. Третья волна в противоположность первым двум будет сопровождаться тенденциями децентрализации функций государственного управления.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шрамм А.Е. О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 187—216.

Ключевые слова: цифровое государственное управление, информационная платформа, социальная сеть, кибер-физические системы, интернет вещей, многоагентные сети, интернет людей, общегосударственные информационные системы.

Abstract. The author investigates Digital Era Governance concept from the standpoint of dominant technological trends of the last two decades. Since the concept itself is closely linked to the development of the world wide web and the Internet, the author distinguishes two periods that can be attributed to the first and the second wave of Digital Era Governance. The first period is the first decade of the century, during which Internet has spread across the globe and sparked the birth of many digital portals and platforms. The second period is the second decade of the century, during which Internet went mobile and enabled rapid growth of social networks. Two waves of Digital Era Governance can therefore be associated with two major drivers — digital platforms and social networks. Keeping in mind the fact that social networks only exist in imagination of their users and technically on the inside represent nothing else but digital platforms with centralized data storage, the author concludes that digitization is not yet out of the woods of «platform era». Nevertheless, digitization has reached the point at which the looming end of platform era can be predicted and announced to happen sometime over the next ten years. The outlook for the «third wave» of Digital Era Governance is investigated in connection with Facebook's 10 year roadmap and rapidly growing interest to such technological concepts as intelligent cyber-physical human systems, internet of things, multiagent networks, and internet of people. Third wave's advent would end «platform era» and start «network era» with platforms to remain one of the key element of any control system. Internet of people, technically rooted to multiagent networks, would shape new types of control systems and change the ways digital governance is performed. Renewal of decentralized approaches to public administration may be anticipated, once the third wave has brought digital transformation upon the governments.

Keywords: Digital era governance, digital platform, social network, cyber-physical systems, internet of things, multiagent networks, internet of people, national information systems.

УДК 351, 330
ББК 60.83, 65.05

Парадигма цифрового государственного управления: управление с помощью информационных платформ и социальных сетей. Проблемы информатизации органов государственной власти как крупномасштабных бюрократических систем, а также проблемы управления государством и обществом с использованием современных информационно-коммуникационных технологий на протяжении последних 10 — 15 лет прочно вошли в дискурс теории и практики публичного управления. Обсуждение проблем информатизации и управления в контексте набирающей обороты цифровизации общества и парадигмальных сдвигов прежде всего в экономике привели к появлению новой концепции теории государственного управления — парадигме цифрового государственного управления.

Впервые о «цифре» в контексте теории государственного управления заговорили британские ученые Данлеви и Маргеттс, предложившие в 2006 г. концепцию Digital Era Governance (DEG) [21]. Суть концепции сводилась к использованию информационно-коммуникационных технологий и, прежде всего, информационных платформ на базе интернета для оказания государственных услуг населению в цифровом виде удаленно. Вторым моментом концепции стало развитие технологий электронного правительства для налаживания цифрового межведомственного взаимодействия и перевода юридически значимого документооборота в электронный вид. Концепция, несмотря на свою прогрессивность, еще не претендовала на роль новой парадигмы теории государственного управления и сосуществовала с «нецифровыми» идеями неовеберианской теории бюрократии и теории нового государственного управления.

Новый импульс концепция получила в начале 2010-х гг., и связано это было, с одной стороны, с появлением смартфонов и бурным развитием мобильного интернета, т. е. с новым качеством продвижения «цифры» в массы, а с другой стороны, с ослаблением позиций теории нового государственного управления и менеджеризма. Те же британские ученые Данлеви и Маргеттс провозгласили в 2013 г. вторую волну цифрового государственного управления [27]. При этом новая концепция уже имела парадигмальный характер и провозглашалась авторами, если не полновесной парадигмой, то, по крайней мере, квази-парадигмой теории государственного управления. Суть парадигмы цифрового государственного управления начала 2010-х гг. сводилась к расширению цифрового участия граждан в процессах принятия и реализации решений органами государственной власти и к переходу от концепции электронного правительства к цифровому правительству [15].

Цифровое правительство, в отличие от электронного, характеризовалось ориентированностью на расширение цифрового взаимодействия государства и общества, «цифровую привязку» граждан и бизнеса к государственным информационным платформам, а также выход цифрового взаимодействия в пространство социальных сетей интернета [19]. Парадигма цифрового государственного управления изначально базировалась на отрицании основных положений теории нового государственного управления в части децентрализации и деиерархизации органов государственной власти. «Цифра» была призвана сломить и обратить вспять тенденции децентрализации, отстаиваемые теорией нового государственного управления, воссоздать иерархию системы государственного управления на качественно новой цифровой основе, собрать воедино и централизовать функции аппарата управления, разрозненные в результате административных реформ эпохи менеджизма [6].

В этом смысле парадигма цифрового государственного управления справедливо называлась авторами квази-парадигмой, потому как она не предлагала диалектического синтеза новой концепции с отрицаемыми ею теориями, а просто сосредоточивалась на отрицании достижений теории нового государственного управления, акцентируя внимание на возобновлении тенденций централизации в государственном управлении и использовании новых достижений информационно-коммуникационных технологий. Тем не менее можно констатировать, что концепция, или квази-парадигма, или парадигма Digital Era Governance, вошла в научный дискурс теории государственного управления, по крайней мере, в англосаксонских странах и англоязычной литературе.

В России с теоретических позиций о концепции говорится и пишется мало. Отметим работы А.А. Косорукова, в которых представлен обзор концепции и даны оценки перспектив использования сквозных цифровых технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект в государственном управлении [5]. Сама концепция переведена с английского как «модель цифрового управления». Ввиду недостаточного освещения и осмысления парадигмы Digital Era Governance в России не существует пока и общепринятого перевода или эквивалента названия концепции в русском языке.

Устоявшимся термином, обозначающим использование цифровых технологий в государственном управлении в России, можно считать термин «цифровое государственное управление» по названию одноименного федерального проекта национальной программы цифровой экономики [17]. Некоторые ведущие образовательные учреждения начинают предлагать программы подготовки специалистов по цифровому

государственному управлению [10]. Поэтому в качестве рабочего русскоязычного эквивалента термина «Digital Era Governance» мы примем термин «парадигма цифрового государственного управления».

При этом следует допустить, что осмысление и развитие парадигмы цифрового государственного управления в России могут пойти путем, отличным от пути развития этой концепции на Западе. Однако, прежде чем перейти к обсуждению особенностей развития этой концепции в России, необходимо обозначить некоторые универсальные общие закономерности развития «цифры» в развитых экономиках, причем как в сфере непосредственно государственного управления, так и за его пределами.

Парадигма цифрового государственного управления, провозглашенная английскими учеными, по их же мнению, насчитывает, как минимум, две волны (рис. 1). Первая волна — начала 2000-х гг. — связана с бурным распространением персональных компьютеров и развитием сети Интернет. Технологии удаленного доступа позволяли получать информацию с информационных порталов и информационных платформ. Коммерческие структуры начали обзаводиться корпоративными сайтами в интернете, а в интранете, т. е. в собственных локальных сетях, выстраивать корпоративные информационные системы масштаба предприятия для перехода на единые базы данных. Всплеск интереса к подобным технологиям в корпоративной среде, а также попытки переноса таких технологий в сферу государственного управления и обусловили первую волну парадигмы цифрового государственного управления.

Рис. 1. Две волны парадигмы цифрового государственного управления

Условно эту волну можно связать с развитием информационных платформ для использования внутри организаций в интранете или за ее пределами — в интернете. В государственном управлении подобные технологические тенденции первой волны материализовались в проекты разработки и внедрения информационных систем межведомственного взаимодействия и электронного правительства. Постепенный отход от идей децентрализации, связанных с новым государственным управлением, технологически был поддержан как раз-таки развитием и внедрением единых баз данных и выстраиванием на их основе информационных платформ. Управление собиралось воедино на новой технологической цифровой основе. Технологические тенденции первой волны продолжают и по настоящее время, феномен платформизации отмечают и изучают современные исследователи [13].

Несмотря на бурное развитие информационных платформ на протяжении последних двух десятилетий как в коммерческом корпоративном секторе, так и в сфере государственного управления, в начале 2010-х гг. отмечается вторая волна парадигмы цифрового государственного управления. Она была связана со всплеском интереса к социальным сетям и их бурным развитием.

Facebook, основанный в 2004 г., достиг отметки в 1 млрд активных пользователей в месяц в 2012 г. Twitter, основанный в 2006 г., достиг отметки в 200 млн активных пользователей в месяц в 2012 г. Бурное развитие социальных сетей в начале 2010-х гг. стало возможным, прежде всего, за счет появления смартфонов и развития мобильного интернета. Коммерческий корпоративный сектор начал использовать социальные сети в рекламных целях, а также для анализа больших массивов данных о пользователях социальных сетей, их поведении и предпочтениях. Социальные сети начали активно использоваться органами государственной власти и политиками в США и других странах Запада. Сложно, к примеру, переоценить роль социальных сетей в событиях арабской весны 2011 г. или роль Facebook и Twitter в президентской гонке 2016 г. в США. Социальные сети активно используются силовыми ведомствами различных стран для анализа протестных настроений.

Таким образом, технологическими драйверами второй волны парадигмы цифрового государственного управления можно считать распространение мобильного интернета и развитие социальных сетей. В этой связи в государственном управлении концепция электронного правительства дополняется концепцией цифрового правительства, предполагающего большую степень вовлеченности граждан в процессы цифрового взаимодействия с органами государственной власти. Большая

степень вовлеченности достигается за счет «цифровой привязки» граждан к государственным информационным платформам, например, с помощью личных кабинетов, а также с появлением так называемых цифровых двойников граждан на государственных информационных платформах, снабженных средствами удаленной идентификации и аутентификации, а также достаточным информационным массивом об основных параметрах гражданина и их изменении во времени. Понятие цифрового правительства, таким образом, тесно связано с такими понятиями, как «цифровой гражданин», «цифровой двойник», «цифровой профиль», «цифровая тень», т. е. в целом с той или иной формой цифровой привязкой граждан к государственным информационным платформам [15]. Базовая информация о гражданине, накапливаемая в государственных информационных платформах, при этом обогащается информацией социального характера о нем из социальных сетей.

Развитие социальных сетей тесно связано с развитием информационных платформ. Такие социальные сети, как Facebook, по сути являются гигантскими цифровыми информационными платформами, накапливающими и анализирующими большие массивы данных. Мобильный интернет и смартфоны привели к увеличению потоков данных, собираемых социальными сетями, однако характер накопления данных информационными платформами принципиально не изменился — накопление и хранение данных осуществлялись и осуществляются централизованно. Это вполне соответствует главным лозунгам, или принципам, парадигмы цифрового государственного управления о централизации как попытке ухода от положений теории нового государственного управления, о холизме, т. е. интеграции всех процессов реализации решений вокруг гражданина (здесь можно вспомнить, например, политику единого окна и другие наработки органов государственной власти по части работы с обращениями граждан), и о «цифре» как таковой, т. е. использовании новых информационно-коммуникационных технологий и сквозных цифровых технологий в государственном управлении.

На рис. 1 схематично изображены две волны парадигмы цифрового государственного управления: первая волна — начала 2000-х гг. — и вторая волна — начала 2010-х гг. Учитывая основные технологические тренды этих двух предыдущих десятилетий, можно утверждать, что обе волны были связаны с развитием интернета, сначала на основе персональных компьютеров и телеком-сетей, затем — на основе смартфонов и сетей сотовой связи, обеспечившим доступ к мобильному интернету. На уровне прикладных сервисов первую волну можно ассоциировать с информационными платформами, а вторую — с социальными сетями,

которые по технической сути своей также являются информационными цифровыми платформами с централизованным накоплением и хранением данных пользователей. Сам термин «социальная сеть» может ввести в заблуждение, ведь по сути современные социальные сети представляют собой некие цифровые проекции социальных сетей физического мира, и эти проекции в техническом понимании являются не чем иным, как информационными цифровыми платформами. В этой связи можно отметить, по крайней мере, две ловушки современного этапа в рамках парадигмы цифрового государственного управления: квази-сетевую центричность и квази-интеллектуализацию.

Первая ловушка связана с представлением о сетях, вторая — с представлением об искусственном интеллекте. Сетевая природа телекоммуникаций приводит к повсеместному использованию понятия «сеть» и интуитивным представлениям о сопутствующей распределенности и децентрализованности. Однако тот факт, что для доступа к информационной платформе пользователь использует сетевое коммуникационное оборудование, вовсе не означает наличие семантической сети, «тонкого» или даже «толстого» клиента, равноправия и демократии во взаимоотношениях клиента с сервером. Напротив, фактически это означает бесправный терминальный доступ к жестко централизованной тоталитарной по своему характеру базе данных. Ни о каком сетевом центре не может идти речи, если в узлах «сети» находятся не высокоинтеллектуальные агенты, способные к генерации, накоплению и хранению собственных данных и к сетевому взаимодействию между собой без посредников, так сказать, на парной основе (peer-to-peer), а тоталитарные базы данных крупных коммерческих компаний и государственных структур.

Вторая ловушка современного этапа связана с представлениями о том, что на основе больших массивов данных с помощью искусственного интеллекта можно получить новые знания. Многие «дата-сайентисты», получив, к примеру, опыт работы с базами данных Google, содержащими информацию о том, что пользователи ищут в интернет-сети, и, покопавшись в том числе в достаточном количестве «грязного белья», уже успели провозгласить второе рождение социологии как науки [32]. Тем не менее среди специалистов в сфере информационных технологий до сих пор присутствует значительная доля здорового скептицизма по поводу самого понятия искусственного интеллекта. В маркетинге искусственный интеллект уже не раз переименовывался, сначала в машинное научение (machine learning), затем в разговорный искусственный интеллект (conversational artificial intelligence) — попросту в голосовые помощники. Здесь важно отметить, что скепсис относится к возможности

получения именно нового знания, т. е. знания, обладающего новизной для цивилизации. В том, что «цифра» может использоваться и используется для шпионажа, кражи интеллектуальной собственности, мошенничества и спекуляции как результата работы с данными, сомнений нет.

Прежде чем рассмотреть перспективы третьей волны парадигмы цифрового государственного управления, обратимся к тенденциям современного этапа, которые и заставят маятник «цифры» качнуться в другую сторону, а именно: к демонополизации платформ, телекоммуникационных сетей и защите персональных данных.

Курс на демонополизацию рынка информационных платформ и защиту персональных данных. Технологическая стратегия Facebook. Способность компаний — производителей информационных платформ к нишевой или ползучей монополизации отмечается во многих исследованиях. Эффекты масштаба, сетевые и синергетические эффекты от использования платформ монетизируются компаниями цифровыми лидерами [9]. Более того, компании — операторы платформ ввиду централизованного накопления больших массивов данных в состоянии получать и обобщать информацию об экономическом и социальном поведении резидентов платформ, выявлять и копировать лучшие практики, использовать полученную информацию для целей недобросовестной конкуренции. Поэтому часто основным требованием компаний потенциальных пользователей платформ, к примеру, в коммерческом корпоративном секторе является так называемая платформонезависимость, т. е. право и технологическая возможность компании — резидента платформы сменить платформу в любой удобный для нее момент с гарантией полного отчуждения данных, произведенных компанией-резидентом за время ее пребывания на платформе.

В то же время необходимо понимать, что возможности цифровой инфраструктуры в мире ограничены. Это касается ограничений и по вычислительным мощностям центров обработки данных, и по их возможностям хранения все возрастающего объема данных, и по пропускным способностям самих сетей связи. Накопление данных в цифровом формате на современном этапе идет по экспоненте и существенно обгоняет возможности ИТ-сектора по производству и вводу в эксплуатацию соответствующих объемов компьютерной и серверной памяти. Скептики уже рассчитали некий предел, при котором общее число битов информации должно превысить число атомов Вселенной [4]. Создание и раскрутка платформ также требуют серьезных пороговых инвестиций, которые представляют собой барьеры на вход для потенциальных конкурентов. Объективные технологические ограничения современного этапа

наряду с финансовыми ограничениями усложняют вопросы регулирования рынков информационных платформ и не позволяют обеспечить приемлемый уровень конкуренции на таких рынках. Компании — разработчики и операторы информационных платформ вырастают в технологических гигантов, которые по аналогии с крупными банками, если вспомнить, что происходило с банковским сектором в период мирового кризиса 2008—2009 гг., становятся «слишком системообразующими, чтобы позволить им обанкротиться» (to big to fail).

Тем не менее законодательные и регулирующие органы, например, в США, не оставляют попыток расчленивать компании, владеющие крупнейшими информационными платформами. Представители Microsoft, Apple, Amazon, Google, Facebook часто вызываются на слушания в Конгресс. Законодатели обеспокоены усиливающейся экономической, социальной и политической властью монополистов сети Интернет. Своеобразной любимой «грушей для бития» в Конгрессе стал основатель и управляющий компании Facebook Марк Цукерберг. Если о расчленении компании Facebook пока речь не идет, то, вероятнее всего, законодатели и регуляторы попытаются, по крайней мере, предотвратить в будущем крупные слияния и поглощения компании, наложив тем самым ограничения на возможности ее дальнейшего неорганического роста.

Таким образом, можно утверждать, что под нарастающей критикой профессионального сообщества и общественности, намечается курс на ограничение монопольной власти интернет-гигантов и демонополизацию рынка информационных платформ. Конечно, намеченный курс не означает, что в будущем на месте частных интернет-гигантов не появятся государственные естественные монополии, оперирующие крупными информационными платформами.

Важно отметить, что существующие частные монополии, в основном американские, являются частью глобальной стратегии США по доминированию в информационном пространстве с помощью глобальной сети и глобальных компаний поставщиков услуг в интернете. Не исключено, что с крахом или отступлением проекта глобализации место частных глобальных игроков займут государственные игроки, особенно в странах, обладающих суверенитетом и пытающихся отстоять и воплотить в жизнь идеи многополярного мира.

Опыт социальной сети Facebook важен для понимания борьбы, развернувшейся в настоящий момент между технологическими гигантами. Исход этой борьбы во многом обусловит технологические тенденции использования информационно-коммуникационных технологий в

сфере государственного управления. Дело в том, что Facebook, по сути, является монополией среди социальных сетей, если не брать в расчет закрытый для доступа сегмент китайского интернета. В то же время Facebook находится в технологической зависимости, или даже блокаде, со стороны других технологических гигантов, обладающих рыночной властью в своих сегментах. Особенно в части системных и сетевых сервисов.

Специалисты в сфере информационных технологий, как известно, часто сводят все многообразие элементов технической или программно-аппаратной инфраструктуры к трем видам сервисов: системным, сетевым и прикладным. К системным сервисам относят, например, операционные системы и системы управления базами данных, а также серверное и клиентское оборудование. К сетевым сервисам относят сетевое оборудование и программное обеспечение для управления сетями. К прикладным сервисам относят собственно программы и приложения, которыми пользуются клиенты. В прикладных сервисах сосредоточена потребительская ценность.

Технологическая блокада социальной сети в части системных и сетевых сервисов представлена на рис. 2. Социальная сеть зависит от следующих системных сервисов: мобильных устройств, мобильных операционных систем, облачных хранилищ данных. Также социальная сеть зависит от следующих сетевых сервисов: технологий интернета, доступности интернета, телекоммуникационных сетей для обеспечения мобильного доступа в интернет.

Не нужно быть большим специалистом в области информационных технологий, чтобы заметить, что все направления технологической зависимости социальной сети относятся к высокомонополизированным рынкам. На рынке мобильных операционных систем, к примеру, господствует дуополия Apple и Google с их операционными системами iOS и Android соответственно. Обе компании либо сами производят мобильные устройства, либо тесно сотрудничают с производителями мобильных устройств для сохранения своей монополистической власти. На рынке облачных хранилищ данных наблюдается дуополия Microsoft и Amazon с их облачными хранилищами Azure и Amazon Web Services (AWS) соответственно. Разработчики прикладных программ (мобильных приложений) для социальной сети Facebook используют сервисы по облачному удаленному хранению данных клиентов (сервисы хостинга, от англ. host — размещать) именно этих двух интернет-гигантов. То есть данные приложений, разработанных для социальной сети, хранятся в Azure или AWS.

На рынке услуг сотовой связи и мобильного доступа в интернет господствуют национальные олигополии операторов сотовой связи. Доступ к мобильному интернету не бесплатен, а в некоторых обитаемых регионах мира он попросту отсутствует.

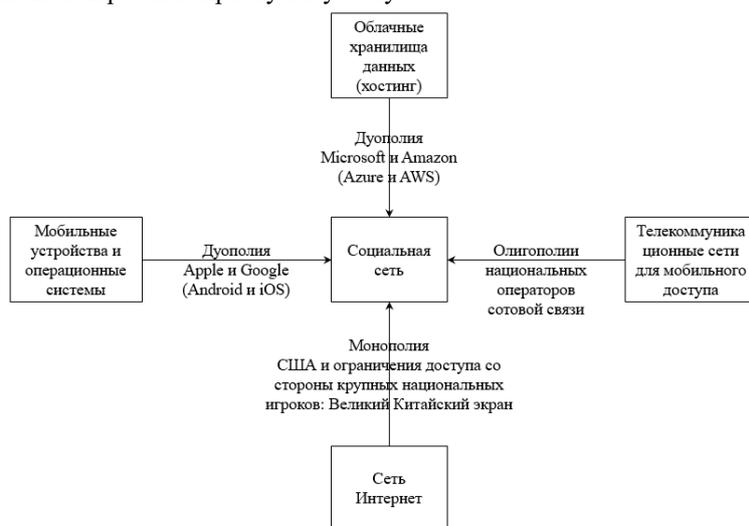

Рис. 2. Технологическая блокада социальной сети

Наконец, хоть это и может показаться неожиданным, ограничением для социальной сети является сама сеть Интернет, монополия на которую принадлежит США. Технически это связано с контролем над доменными именами, возможностями по отслеживанию и управлению трафиком, а также программно-аппаратными возможностями кражи и дешифрования практически любых данных, выложенных в сеть. Противоположностью такой открытости данных в сети является китайский сегмент интернета, закрытый от Google, Facebook, Twitter и других американских компаний «великим китайским экраном» (Great Firewall, название с мысленным отсылком к Великой Китайской стене). Особенности функционирования интернета приводят к неизбежным утечкам данных, что уже повлекло колоссальные имиджевые потери для социальной сети [30].

Борьбу с дуополией Apple и Google на рынке мобильных операционных систем и мобильных устройств Facebook ведет с начала 2010-х гг. [22]. Вообще нужно отметить, что Facebook в некотором смысле проворонил тренд на всеобщую мобилизацию интернета в конце

2000-х и начале 2010-х гг. Социальной сетью тогда пользовались преимущественно с персональных компьютеров. Марку Цукербергу пришлось принимать жесткие меры по переводу социальной сети на мобильные устройства. Были разработаны приложения для операционных систем iOS и Android. С тех же пор Facebook не прекращает попытки выйти на рынок мобильных устройств с собственным программно-аппаратными средствами, т. е. с собственным железом (смартфонами) [33] и собственной мобильной операционной системой [24]. Попытки эти продолжаются с переменным успехом до сих пор. Разработка собственного железа стала идеей фикс основателя компании. Частично потребности в собственном железе были удовлетворены скупкой компании Oculus и производством собственных очков виртуальной и дополненной реальности, однако с производством мобильных устройств связи все оказалось куда сложнее и дороже, поэтому Facebook до сих пор не обладает подобного рода устройствами. Тем не менее Facebook продолжает борьбу за собственное железо. Цель подобных усилий очевидна — прекращение дуополии Google и Apple.

Ситуация с доступом к облачным хранилищам данных (к услугам хостинга) не лучше. С одной стороны, у разработчиков приложений на базе платформы Facebook нет альтернатив по размещению данных своих клиентов, кроме как в облаках Azure и AWS, с другой стороны, Microsoft и Amazon долгое время не разрешали клиентам своих платформ авторизоваться с помощью учетных записей Facebook. Социальной сети в итоге удалось договориться об авторизации клиентов через свои учетные записи, что позволило Facebook выжить, но вопрос хостинга, т. е. размещения данных клиентов в условиях их централизованного накопления, неразрешим для социальной сети ввиду отсутствия достаточных финансовых и технологических возможностей для выхода на рынок облачных хранилищ и прекращения дуополии Microsoft и Amazon.

Пока в части системных сервисов социальной сети удается договариваться с интернет-гигантами Apple, Google, Microsoft и Amazon и получать условно бесплатное управление хранилищами данных и доступ к ним, бесплатный доступ к мобильным операционным системам и соответственно к мобильным устройствам клиентов. Однако все эти договоренности носят временный характер и стратегически в долгосрочном плане являются всего лишь полумерами.

К разряду таких же полумер относятся действия Facebook на фронте сетевых сервисов в части мобильного доступа к интернету и работы самой интернет-сети. Для расширения зоны охвата сети прорабатывалась идея запуска планеров — раздатчиков сигнала wi-fi,

рассматривались идеи создания собственных дронов, однако позже от этих идей отказались, предпочтя сотрудничество со специализированными компаниями.

Незащищенность информации в интернете, спонтанные или спровоцированные утечки данных десятков миллионов пользователей, например, через облачные хранилища Amazon, а также скандалы, связанные с вмешательством в выборы в США с использованием информации об избирателях с платформы Facebook [23], заставляют социальную сеть идти на сделки с законодателями и регуляторами. В статье «Washington Post» от 30 марта 2019 г. Марк Цукерберг призывает к введению новых правил в интернете и предлагает следующие первоочередные меры: ограничение распространения вредоносной информации, противодействие вмешательству в выборы, защиту персональных данных, портативность данных [29]. В целом Цукерберг, идя на сделку с правительством и Конгрессом, выступает за разумное регулирование интернета, а по факту — к изменению правил работы в нем. Однако проблема современного этапа заключается в принципиальной невозможности, с одной стороны, надежной защиты данных в сети и, с другой стороны, обеспечения портативности данных, т. е. их свободного перемещения по воле владельца из одного облачного хранилища в другое или из облачного хранилища в персональный накопитель самого владельца (изъятие данных из оборота). Поэтому сеть интернет ввиду особенностей ее архитектуры, незащищенности, возможностей установления личности пользователей, тотальной просматриваемости и монопольного положения США, заинтересованных в сохранении статуса-кво, представляет серьезное технологическое ограничение развития социальной сети.

Разобрав, таким образом, технологическую блокаду развития социальной сети со стороны частных и государственных монополий и тактические полумеры и маневры, предпринимаемые Facebook на протяжении последнего десятилетия, обратимся к технологической стратегии социальной сети на ближайшее десятилетие.

Как показано на рис. 3, основой технологического развития Facebook на ближайшее десятилетие должны стать средства связи. Остановимся отдельно на обратившем на себя внимание патенте Facebook, зарегистрированном в октябре 2017 г. в США, на изобретение модульного электромеханического устройства [31]. Facebook действительно оставляет попытки выйти на рынок железа [25].

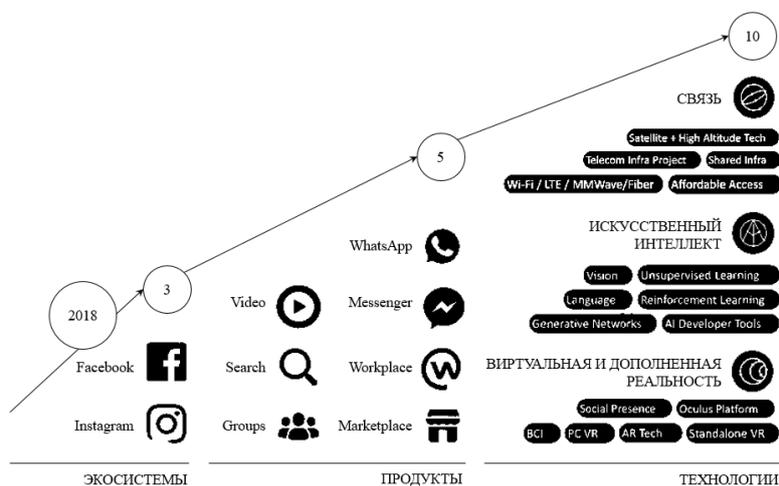

Рис. 3. Дорожная карта Facebook на десять лет [26]

Модульность устройства предполагает возможность сборки на некотором базовом скелете устройств разных типов в зависимости от числа, типа и конфигурации функциональных модулей, приобретаемых клиентом. Предполагается, что устройство (скелет-основу для функциональных модулей) клиент производит самостоятельно посредством 3D-печати устройства в специализированных мастерских по цифровым лекалам, получаемых от Facebook. Срок службы модульного электромеханического устройства по сравнению со смартфонами увеличен. Технологии 3D-печати вкупе с модульностью, т. е. возможностью обновлять и заменять функциональные блоки, могут свидетельствовать о кратном увеличении срока службы по сравнению с современными смартфонами. Устройство должно обладать экраном, динамиком, микрофоном, GPS-передатчиком, процессором и разъемами для функциональных модулей.

Наиболее примечательным является тот факт, что устройство, запатентованное Facebook, обладает системой идентификации пользователя, встроенной в процессор, а также RFID-технологиями, позволяющими распознавать и идентифицировать соседние устройства, размещенные в непосредственной близости.

Модульная конфигурация и производство основных компонентов по принципу «сделай сам», увеличенный срок службы, технологии встроенной аппаратной идентификации пользователя и распознавания соседних устройств раскрывают, пусть и между строк, намерения

Facebook по созданию суверенной программно-аппаратной распределенной среды, к которой, с одной стороны, относятся серверное оборудование и платформа Facebook, и, с другой стороны, конечные устройства пользователей — те самые модульные электромеханические устройства, способные к взаимодействию на парной основе, т. е. к подлинному внутрисетевому взаимодействию с суверенным хранением данных и их прямым обменом, минуя облачные хранилища и прочих посредников.

В патенте особо отмечается всеядность устройства в части использования тех или иных сетевых протоколов. Устройство может функционировать как в сети Интернет, так и в сетях других типов. Если совместить информацию из патента с технологической стратегией Facebook, основой которой, помимо развития уже существующих экосистем и продуктов, является развитие средств связи, можно предположить, что стратегическим ответом Facebook на технологическую блокаду монополий может стать строительство собственной многоагентной сети. В этом смысле Facebook может вступить в прямую конкуренцию с провайдерами системных и сетевых сервисов, снабдив своих пользователей устройствами мобильного доступа и средствами связи, а также избежать скандалов с утечками данных из сети Интернет, попросту предложив клиентам альтернативную сеть, разрешив внутрисетевые взаимодействия пользователей без посредников и обеспечив портативность данных, о которых говорит Марк Цукерберг.

Конечно, реализация такого эксперимента будет означать конец монополии сети интернет и фактически конец глобального проекта США по доминированию в информационном пространстве. Может быть, поэтому Цукерберг стал любимой «грушей для битья» в Конгрессе. Законодатели, регуляторы, силовики, вероятнее всего, не смогут бесконечно отстаивать глобальную сетевую монополию, поэтому им придется найти подходы к социальной сети, пытающейся прорвать блокаду, выработать механизмы прямого или косвенного давления, сформировать рычаги управления.

Еще одним косвенным подтверждением ориентации Facebook на строительство собственных многоагентных сетей для связывания пользователей можно считать смену продуктовой стратегии социальной сети и переориентацию с чисто платформенных решений на мессенджеры для обеспечения коммуникаций в небольших группах или тет-а-тет с возможностями сквозного шифрования каналов передачи данных. По словам самого Цукерберга, это и есть то, чего сейчас больше всего хотят пользователи [28]. Локальное групповое взаимодействие и

взаимодействие на парной основе без посредников, с портативностью и безусловной защитой данных, оцениваются Facebook как устойчивый запрос и тренд, которые и кладутся в основу стратегии социальной сети.

Борьба, опыт и стратегия социальной сети Facebook важны для понимания технологических трендов и их влияния на парадигму цифрового государственного управления. В первом разделе нам удалось показать связь волн парадигмы цифрового государственного управления с технологиями, прежде всего, с развитием информационных платформ и социальных сетей. Проанализировав положение, в котором на данный момент оказалась одна из ведущих социальных сетей, и ее вероятное поведение в следующем десятилетии, обратимся вновь к парадигме цифрового государственного управления в попытке сформулировать следующую волну этой парадигмы, основанную на смене платформенного этапа развития сетевым этапом, а также смене тенденций централизации, свойственных платформенному этапу, тенденциями децентрализации на новой технологической основе.

Перспективы развития общегосударственных информационных систем на технологической основе многоагентных сетей и интернета людей. На рис. 4 схематично представлены три волны парадигмы цифрового государственного управления. Следует отметить, что наступление третьей волны пока никем не зафиксировано. Напомним, что основополагающие статьи Данлеви и Маргеттс по двум волнам вышли в 2006 и 2013 гг. соответственно. Для окончательной констатации нового этапа потребуются закрепление технологических трендов на дальнейшую сетевизацию систем управления и активный переток новых управленческих и информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления.

Основным моментом, который хотелось бы подчеркнуть в этой связи, является нарастающий ком противоречий, связанных с платформенным этапом развития парадигмы цифрового государственного управления. Централизованное хранение данных в частных и государственных облачных хранилищах, обмен данными через платформ-посредников в интернете, условно бесплатные сервисы, осуществляющие массовый сбор данных пользователей с целью их последующей продажи или анализа, способствуют утечке персональных данных, злоупотреблению рыночной властью, нечестным деловым практикам и в целом нарушению базовых прав и свобод граждан.

Рис. 4. Три волны парадигмы цифрового государственного управления

Мы уже упоминали, что с технологической точки зрения современные социальные сети являются платформами. Facebook начинал как платформа и продолжает ею оставаться. С начала 2010-х гг. с распространением смартфонов и мобильного интернета появилась иллюзия сетцентричности. Этому во многом способствовал мобильный обмен аудио- и видеoinформацией в режиме реального времени. Однако сам обмен был и остается жестко централизованным несетевым, завязанным на соответствующие платформы: Twitter, WhatsApp, Facebook, Instagram. Поэтому две первые волны парадигмы цифрового государственного управления можно условно назвать платформенным этапом, сопровождающимся централизацией данных посредством платформ, и, в более широком смысле, централизацией функций государственного управления.

Изучение противоречий современного этапа, а также технологических трендов рынков информационно-коммуникационных технологий и соответствующих им стратегий интернет-гигантов позволяет предположить смену ориентиров и переход от платформенного этапа к сетевому. Платформы продолжают развиваться и играть существенную роль, но в то же время будут поставлены или переведены на качественно иной базис — сетевой. Многоагентные сети станут базисом, обеспечивая децентрализованное хранение и обмен данными напрямую между агентами сети, а платформы перейдут в разряд надстройки, координируя работу сети и получая либо ограниченный доступ к первичным сетевым данным, либо данные в агрегированном и деперсонализированном виде [3]. В узлах многоагентной сети обычно находятся физические устройства, обладающие разным уровнем интеллекта — от простых сенсоров, в случае сенсорных сетей, до высокоинтеллектуальных агентов, обладающих вычислительными мощностями, памятью и способностью к

взаимодействиям на парной основе с себе подобными без необходимости в технологическом посредничестве [2].

Системы управления смешанного типа, т. е. системы, построенные на основе многоагентных сетей в качестве базиса и платформ в качестве надстройки, принципиально отличаются от систем управления чисто платформенного типа. В системах управления смешанного типа становится возможным сбалансировать принципы датацентризма, сетецентризма и командноцентризма [7]. Нет необходимости в сборе чудовищных массивов данных и их хранении в центрах обработки данных. Первичные данные хранятся распределенно децентрализованно в узлах многоагентных сетей, вторичные данные поступают от сетей в платформы и используются общегосударственными информационными системами для реализации функций управления. Поскольку принцип датацентризма в таком случае выдержан и не педалируется сверх меры, система управления избегает ослепления от чрезмерной обратной связи.

В системах управления смешанного типа за счет кибер-физического, или фиджитального (от physical и digital — phygital), присутствия агентов становится возможным регистрировать цифровое поведение агентов и управлять ими. Управление поведением на основе анализа и согласования убеждений, желаний и намерений (beliefs, desires, intentions) фактически является управлением на основе знаний, а не данных. Поскольку принцип командноцентризма в таком случае выдержан, и управляющее воздействие носит согласованный характер, система управления способна сохранять управляемость.

Наконец, сетецентрический принцип в системах смешанного типа, по определению, воплощен эффективнее, чем в платформенных системах. В техническом смысле сетевые взаимодействия осуществляются как напрямую между агентами, так и между агентами и платформами. В кибернетическом смысле происходит включение объекта управления в процессы, протекающие в системе управления, т. е. достигается основное свойство общегосударственных информационных систем и выстроенных с их помощью систем управления — партиципаторность, или вовлечение объекта управления в процессы принятия и реализации решений [8].

Таким образом, предположив появление третьей волны парадигмы цифрового государственного управления в следующем десятилетии, связанной с становлением сетевого уклада в системах управления, мы также можем предположить обновление концепции цифрового правительства, ее перерождение в концепцию сетевого фиджитального правительства, т. е. правительства, активно использующего новые системы

управления на базе кибер-физических (фиджитальных) систем с базисной сетевой многоагентной компонентой.

Для того чтобы еще раз подчеркнуть разницу между платформенным и сетевым этапами, обратимся к интересному феномену платформенного мышления, связанному с диалектикой сетей и данных [18]. К диалектической конструкции сетей и данных обращаются, к примеру, Данлеви и Маргеттс в своей статье 2013 г. о второй волне парадигмы цифрового государственного управления, когда обсуждают вопросы централизации и децентрализации. Данные в этом диалектическом построении отвечают за децентрализацию, а сети — за централизацию. Основывается это представление на том, что исполнители в органах государственной власти, имеющие удаленный доступ к данным, могут действовать более независимо и самостоятельно, подчас даже не нуждаясь в руководителях среднего звена, прослойка которых постепенно вымывается из системы управления ввиду цифровизации. В то же время сети условно отвечают за централизацию, поскольку позволяют руководителям получить удаленный прямой доступ к исполнителям на местах.

Предположим, что в предстоящем десятилетии эксперименты с многоагентными сетями и интернетом людей (Internet of People) приведут к появлению систем управления нового типа. Данные, необходимые для реализации функций управления, будут поступать из сети, накапливаться в платформах и использоваться общегосударственными информационными системами. Решения о том, какие данные и в каком объеме необходимо собирать, будут связаны с функциями управления и, прежде всего, с функциями контроля. Обратная связь, обеспечиваемая сбором данных, будет использоваться для управления. Чем больше данных, тем больше обратной связи и контроля. Централизация данных в таком случае будет означать централизацию контроля как главной функции управления. В этом смысле накопление данных будет ассоциироваться прежде всего с усилением контроля и с централизацией, а не с ослаблением подотчетности и децентрализацией системы управления.

Сети позволят поддержать распределение функций управления согласно иерархии системы. Если предположить, что в узлах сети находятся высокоинтеллектуальные агенты, обладающие самосознанием, рефлексией, поведением, то с помощью многоагентной сети можно, с одной стороны, моделировать иерархию центров принятия решений, осуществлять распределение их полномочий, управлять процессами делегирования и согласования в рамках системы управления, а с другой стороны, включать объект управления в процессы принятия и реализации решений, учитывая убеждения, желания и намерения объекта. В этом

смысле сетевизация будет ассоциироваться прежде всего с ослаблением прямого контроля и децентрализацией, а не с усилением управляющего воздействия и централизацией.

Как видно, в поисках ответов на вопросы о соотношении централизации и децентрализации диалектика сетей и данных может давать прямо противоположные ответы, в зависимости от типа рассматриваемых систем управления — платформенных или сетевых. Предложенная нами диалектика командноцентризма и датацентризма, опирающаяся, с одной стороны, на постулат о размежевании процессов принятия решений и процессов реализации решений, который предопределяет двойственную природу информационных систем, соединяющую в себе одновременно системы двух классов — командноцентрические (системы поддержки принятия решений) и датацентрические (автоматизированные системы управления), — и опирающаяся, с другой стороны, на наблюдаемый на современном этапе феномен сетевизации информационных систем, т. е. феномен включения объекта управления в процессы принятия и реализации решений, позволяет дополнить и уточнить диалектику сетей и данных и основанные на ней технократические трактовки влияния сетей и данных на процессы централизации и децентрализации в управлении [7].

На рис. 5 представлено число англоязычных научных публикаций в мире за период с 2000-го по 2019 г., содержащих следующие ключевые слова: интернет вещей (Internet of Things), кибер-физические системы (Cyber-Physical Systems), интернет людей (Internet of People), многоагентные сети (Multiagent Networks).

Кибер-физические системы, например, системы автоматического управления технологическими процессами или элементами инфраструктуры, известны давно и являются технологической основой интернета вещей, который в свою очередь является базовой составляющей концепции Индустрии 4.0 (умных фабрик, заводов). Оба термина часто используются в научных публикациях. Многоагентные сети как частное понятие более общего понятия кибер-физических систем еще не так распространено, но именно оно является технологической основой набирающей популярности концепции интернета людей. Из диаграммы видно, что начало стремительного роста интереса исследовательского сообщества к указанным концепциям приходится на начало 2010-х гг., т. е. на начало распространения мобильного интернета и начало второй волны парадигмы цифрового государственного управления. Рост интереса значительно усилился в 2015 г., особенно это касается интернета людей, увлекшего за собой, казалось бы, ослабившийся в 2016 г. интерес к

многоагентным сетям. Показательно, что именно в декабре 2016 г. Президент России в обращении к Федеральному Собранию РФ впервые произносит термин «цифровизация» и ставит перед страной сверхзадачу цифрового развития социально-экономической сферы. С тех пор число научных публикаций растет в геометрической прогрессии. При этом в конце 2010-х гг. развернулась нешуточная борьба за международные стандарты в сфере интернета вещей, в которой приняла участие и Россия. Технологии интернета вещей уже достигли той стадии зрелости, когда речь можно вести о стандартизации и решении вопросов раздела рыночной власти и сфер влияния.

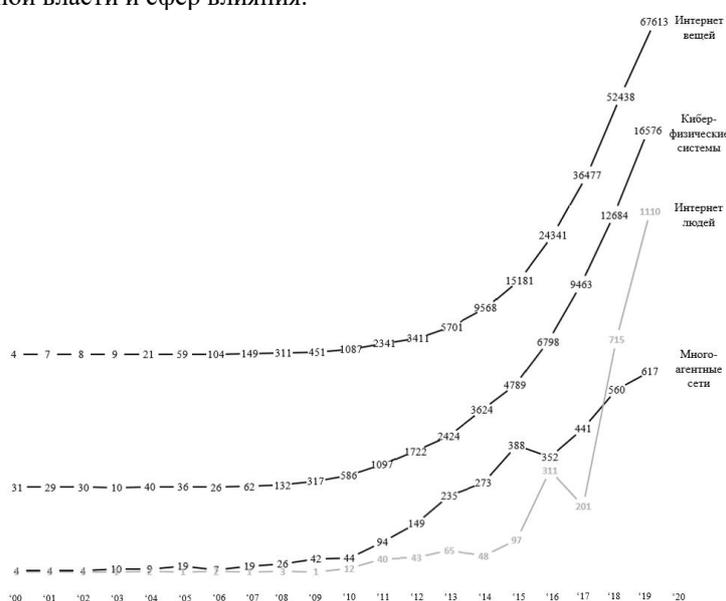

Рис. 5. Число упоминаний ключевых слов в публикациях (2000—2019) [20]

Отметим, что концепции интернета вещей и интернета людей имеют схожую технологическую базу и принципы и поэтому взаимосвязаны. Интернет вещей с большой долей вероятности можно считать генеральной репетицией перед интернетом людей. В случае успешного исхода экспериментов в дополнение к концепции Индустрии 4.0 дальнейшее развитие могут получить человекоориентированные человекоцентрические концепции наподобие Менеджмента 4.0 или Управления 4.0 [12].

Возвращаясь к рис. 4, на котором представлены волны парадигмы цифрового государственного управления, отметим, что водораздел между платформенным (две первые волны) и сетевым (третья волна) этапами станет очевидным по мере вызревания и становления шестого технологического уклада, ядром которого являются НБИКС-технологии, в том числе и информационно-коммуникационные технологии [1]. Реализация сетецентрического принципа в современных системах управления на базе интернета людей и многоагентных сетей может стать тем самым технологически связывающим фактором, способствующим формированию совокупностей связанных производств и переходу шестого технологического уклада в фазу устойчивого роста. Поэтому третья волна на рис. 4, конечно же, показана не в масштабе, не по амплитуде, которая будет явно выше амплитуды платформенного этапа, не по фазе, которая наверняка перешагнет рубеж 2020-х — 2030-х гг. и продолжится до пика очередной кондратьевской волны.

В заключение. Парадигма цифрового государственного управления (Digital Era Governance) была введена в научный оборот в 2006 г. как ответ на стремительное развитие интернета и информационных платформ и проникновение этих технологий в сферу государственного управления. С развитием технологий мобильного интернета и социальных сетей в 2013 г. концепция была уточнена и дополнена. Третья волна парадигмы цифрового государственного управления может быть спровоцирована распространением технологий многоагентных сетей и интернета людей в условиях становления сетевого уклада в экономике и появления новых платформенно-сетевых систем управления. Из фактов и соображений, косвенно подтверждающих эту гипотезу, можно выделить следующие.

Дорожная карта на следующие десять лет и патенты социальной сети Facebook, направленные на прорыв технологической блокады со стороны частных и государственных монополий, с основным направлением прорыва в виде средств связи и долгоживущих модульных электромеханических устройств как основы подлинной программно-аппаратной сетевизации социальной сети (кибер-физической, фиджитальной) с использованием технологий многоагентных сетей и интернета людей.

Императив защиты персональных данных пользователей и в целом защиты информации в сетях, который может быть воплощен только с применением принципиально новых сетевых архитектурных решений, т. е. с отказом от накопления данных ради накопления данных, с децентрализацией и локализацией «малых» первичных данных в узлах

многоагентных сетей, с обеспечением внутрисетевых взаимодействий на парной основе без посредников.

Возрастание на протяжении последних десяти лет в геометрической прогрессии интереса научного сообщества к кибер-физическим системам, интернету вещей, многоагентным сетям и интернету людей. Вхождение технологий интернета вещей в фазу зрелости с возможностью их использования что называется «на людях» в процессе включения человека в кибер-физические системы и получения так называемых интеллектуальных кибер-физических человеческих систем (Intelligent Cyber-Physical Human Systems).

Эксперименты с сетями для создания человекоцентрических систем управления нового типа, скорее всего, продолжатся на протяжении следующего десятилетия, результатом чего станет обособление на рубеже 2020-х — 2030-х гг. группы стран — лидеров цифрового государственного управления, обладающих возможностями развертывания суверенных экстерриториальных систем на собственной сетевой и системной элементной базе.

Ситуация в сфере информационно-коммуникационных технологий напоминает гонку вооружений, где цена решений, ведущих страну по ложному пути развития, может оказаться слишком высокой. Тем не менее на страницах российских научных журналов продолжается либо мракобесие, направленное против «цифры», либо очередные комментарии о месте России в рейтинге развития электронного правительства, в котором Россию обгоняет, например, Эстония.

«Почему Эстония — цифровой лидер ЕС в сфере госуслуг?» — задается вопросом немецкая «Deutsche Welle» в статье на русском языке [14]. Какая, позвольте спросить, разница и почему Россия должна следовать в кильватере цифровых концепций ЕС, США, Китая?

Статус-кво для России может выглядеть следующим образом. За грядущее десятилетие кардинальных изменений не произойдет. Россия останется на платформенном этапе развития «цифры». Управление будет осуществляться с помощью информационных платформ и социальных сетей [16]. Будет проводиться протекционистская политика, направленная на выстраивание и защиту собственного сегмента интернета по примеру Китая [11]. Будут развиваться собственные платформы и социальные сети. Сохранится технологическая зависимость в системных и сетевых сервисах (мобильные устройства, мобильные операционные системы, сеть Интернет). Удастся преодолеть технологическую зависимость в части облачных хранилищ данных, однако невыход на внешние рынки и слабость внутреннего рынка приведут к необходимости

субсидирования такой инфраструктуры со стороны государства. Противоречия, свойственные платформенному этапу, в том числе и социальные, будут нарастать. На фоне первых успехов партнеров Россия примет первые попытки завершения платформенного этапа на рубеже 2020-х — 2030-х гг., однако передовые страны к тому времени уже оседлают волну шестого технологического уклада, обогнав остальной мир в развитии его информационно-коммуникационной составляющей.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 70—83.
2. *Городецкий В.И.* Поведенческие модели кибер-физических систем и групповое управление: основные понятия // Известия ЮФУ. Технические науки. 2019. С. 144—162.
3. *Городецкий В.И., Скобелев П.О.* Цифровая платформа кибер-физических систем // Сборник трудов XIII Всероссийского совещания по проблемам управления ВСПУ-2019. М: ИПУ РАН, 2019. С. 2339—2344.
4. Информационная катастрофа: мир приближается к опасному пределу? // ВГТРК: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2440474> (дата обращения: 12.08.2020).
5. *Косоруков А.А., Кишенецкая М.Н.* Модель цифрового управления на современном этапе развития государственного управления // Социодинамика. 2019. № 1. С. 57—69.
6. *Купряшин Г.Л.* Теоретическая рефлексия административных реформ в Европе: обзор результатов международного исследовательского проекта СОСОПС (Coordinating for Cohesion in the Public Sector of the Future) // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 74. С. 27—43.
7. *Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е.* О принципах датацентризма, сетецентризма и командноцентризма в контексте информатизации государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 211—242.
8. *Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е.* О проблемах информатизации в бюрократических системах и развитии общегосударственных информационных систем // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 22—48.

9. *Лунов В.В.* «Сексуальный, но бедный»: информационные платформы и парадокс открытости в цифровой экономике // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 152—167.

10. Магистерская программа «Цифровое государственное управление» // Факультет управления и политики МГИМО: [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.mgimo.ru/double/Digital-public-governance> (дата обращения 07.06.2019).

11. Медведев назвал цель создания «суверенного интернета» // РИА Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200812/1575695162.html> (дата обращения: 12.08.2020).

12. Менеджмент 4.0: управление в цифровую эпоху: материалы XII Российской научно-практической конференции для управленцев: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/menedzhment-4-0-upravlenie-v-cifrovuyu-epoxu.pdf> (дата обращения: 27.11.2019).

13. *Осинов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелизханов И.З.* Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика*. 2019. № 3. С. 42—61.

14. Почему Эстония — цифровой лидер ЕС в сфере госуслуг // *Deutsche Welle*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/почему-эстония-цифровой-лидер-ес-в-сфере-госуслуг/a-41172371> (дата обращения: 07.03.2019).

15. *Смотрицкая И.И.* Цифровизация государственного управления как новый этап институциональных реформ // *Институциональные аспекты повышения качества государственного управления в контексте новых стратегических вызовов* / Под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой. М.: Институт экономики РАН, 2019. С. 10—25.

16. Утверждена концепция создания Государственной единой облачной платформы // ИКС Медиа: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iksmedia.ru/news/5609271-Utverzhdena-koncepciya-sozdaniya.html> (дата обращения: 06.09.2019).

17. Федеральный проект «Цифровое государственное управление» // АНО «Цифровая экономика»: [Электронный ресурс]. URL: <https://data-economy.ru/government> (дата обращения 07.06.2019).

18. *Bloom N, Garicano L, Sadun R, Van Reenen J.* The distinct effects of information technology and communication technology on firm organization // *CEP Discussion Paper*. 2009. No. 927. L.: Centre for Economic Performance.

19. Digital Policy Playbook 2017: Approaches to National Digital Governance. White Paper // World Economic Forum. 2017.
20. Dimensions: [Электронный ресурс]. URL: <https://app.dimensions.ai/discover/publication> (дата обращения: 07.03.2020).
21. *Dunleavy P., Margetts H., Tinkler S.* New Public Management Is Dead — Long Live Digital-Era Governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2006. No. 16 (3). P. 467—494.
22. Facebook almost missed the mobile revolution. It can't afford to miss the next big thing // *Vox*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/2019/4/29/18511534/facebook-mobile-phone-f8> (дата обращения: 29.04.2019).
23. Facebook and Cambridge Analytica: What You Need to Know as Fallout Widens // *The New York Times*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/19/technology/facebook-cambridge-analytica-explained.html> (дата обращения: 19.03.2018).
24. Facebook is building an operating system so it can ditch Android // *Techcrunch*: [Электронный ресурс]. URL: <https://techcrunch.com/2019/12/19/facebook-operating-system> (дата обращения: 19.12.2019).
25. Facebook's secretive hardware division is exploring modular smartphones // *The Verge*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theverge.com/2017/7/20/16007110/facebook-building-8-modular-smartphones-google-ara> (дата обращения: 20.07.2017).
26. Keynote Address At Facebook's F8 Developer Conference // *Youtube*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mKYpm3OFcvY> (дата обращения: 01.05.2018).
27. *Margetts H., Dunleavy P.* The Second Wave of Digital-Era Governance. A Quasi-Paradigm for Government on the Web // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2013. No. 371. P. 1—17.
28. Mark Zuckerberg believes Facebook's future is private messaging // *Vox*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/2019/3/6/18253461/mark-zuckerberg-facebook-private-messaging-future-whatsapp-messenger> (дата обращения: 06.03.2019).
29. Mark Zuckerberg: The Internet needs new rules. Let's start in these four areas // *The Washington Post*: [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/mark-zuckerberg-the-internet-needs-new-rules-lets-start-in-these-four-areas/2019/03/29/9e6f0504-521a-11e9-a3f7-78b7525a8d5f_story.html (дата обращения: 07.06.2019).

30. Millions of sensitive Facebook user records were left exposed on public web, security researchers say // The Washington Post: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2019/04/03/millions-sensitive-facebook-user-records-were-left-exposed-public-web-security-researchers-say> (дата обращения: 04.04.2019).

31. Patent # US 2017/0208700 A1: [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfaiw.uspto.gov/.aiw?PageNum=0&docid=20170208700&IDKey=B9F3E5F9FEF5&HomeUrl=http%3A%2F%2Fappft.uspto.gov%2Fnetacgi%2Fnph-Parser%3FSect1%3DPTO1%2526Sect2%3DHITOFF%2526d%3DPG01%2526p%3D1%2526u%3D%2Fnetahtml%2FPTO%2Fsrchnum.html%2526r%3D1%2526f%3DG%2526i%3D50%2526s1%3D20170208700.PGNR.%2526OS%3D%2526RS%3D> (дата обращения: 20.07.2017).

32. *Seth Stephens-Davidowitz*. Everybody Lies: Big Data, New Data, and What the Internet Can Tell Us About Who We Really Are. Dey Street Books, 2017.

33. To Control Its Destiny, Facebook Bets Big on Hardware // The Information: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theinformation.com/articles/to-control-its-destiny-facebook-bets-big-on-hardware> (дата обращения: 19.12.2019).

References

1. *Glaz'ev S.YU.* Informacionno-cifrovaya revolyuciya // Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika. 2018. № 1. S. 70—83.

2. *Gorodeckij V.I.* Povedencheskie modeli kiber-fizicheskikh sistem i gruppovoe upravlenie: osnovnye ponyatiya // Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki. 2019. S. 144—162.

3. *Gorodeckij V.I., Skobelev P.O.* Cifrovaya platforma kiber-fizicheskikh sistem // Sbornik trudov XIII Vserossijskogo soveshchaniya po problemam upravleniya VSPU-2019. M: IPU RAN, 2019. S. 2339—2344.

4. Informacionnaya katastrofa: mir priblizhaetsya k opasnomu predelu? // VGTRK: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2440474> (data obrashcheniya: 12.08.2020).

5. *Kosorukov A.A., Kshemeneckaya M.N.* Model' cifrovogo upravleniya na sovremennom etape razvitiya gosudarstvennogo upravleniya // Sociodinamika. 2019. № 1. S. 57—69.

6. *Kupryashin G.L.* Teoreticheskaya refleksiya administrativnyh reform v Evrope: obzor rezul'tatov mezhdunarodnogo issledovatel'skogo proekta COCOPS (Coordinating for Cohesion in the Public Sector of the

Future) // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2019. № 74. S. 27—43.

7. *Kupryashin G.L., SHramm A.E.* O principah datacentrizma, setecentrizma i komandocentrizma v kontekste informatizacii gosudarstvennogo upravleniya // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2019. № 76. S. 211—242.

8. *Kupryashin G.L., SHramm A.E.* O problemah informatizacii v byurokraticheskikh sistemah i razvitii obshchegosudarstvennyh informacionnyh sistem // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2020. № 80. S. 22—48.

9. *Lipov V.V.* «Seksual'nyj, no bednyj»: informacionnye platformy i paradoks otkrytosti v cifrovoj ekonomike // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 3. S. 152—167.

10. Magisterskaya programma «Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie» // Fakul'tet upravleniya i politiki MGIMO: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sgp.mgimo.ru/double/Digital-public-governance> (data obrashcheniya 07.06.2019).

11. Medvedev nazval cel' sozdaniya «suverennoho interneta» // RIA Novosti: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20200812/1575695162.html> (data obrashcheniya: 12.08.2020).

12. Menedzhment 4.0: upravlenie v cifrovuyu epohu: materialy XII Rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii dlya upravlencev: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/menedzhment-4-0-upravlenie-v-cifrovuyu-epoxu.pdf> (data obrashcheniya: 27.11.2019).

13. *Osipov YU.M., YUdina T.N., Gelizkhanov I.Z.* Informacionno-cifrovaya ekonomika: koncept, osnovnye parametry i mekhanizmy realizacii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. Ekonomika. 2019. № 3. S. 42—61.

14. Pochemu Estoniya — cifrovoj lider ES v sfere gosuslug // Deutsche Welle: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.dw.com/ru/pochemu-estoniya-cifrovoj-lider-es-v-sfere-gosuslug/a-41172371> (data obrashcheniya: 07.03.2019).

15. Smotrickaya I.I. Cifrovizaciya gosudarstvennogo upravleniya kak novyj etap institucional'nyh reform // Institucional'nye aspekty povysheniya kachestva gosudarstvennogo upravleniya v kontekste novyh strategicheskikh vyzovov / Pod red. I.I. Smotrickoj, S.V. Kozlovoj. M.: Institut ekonomiki RAN, 2019. S. 10—25.

16. Utverzhdena koncepciya sozdaniya Gosudarstvennoj edinoj oblačnoj platformy // IKS Media: [Elektronnyj resurs]. URL:

<http://www.iksmedia.ru/news/5609271-Utverzhdena-koncepciya-sozdaniya.html> (data obrashcheniya: 06.09.2019).

17. Federal'nyj proekt «Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie» // ANO «Cifrovaya ekonomika»: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://data-economy.ru/government> (data obrashcheniya 07.06.2019).

А.И. СЕЛИВАНОВ, В.Г. СТАРОВОЙТОВ, Д.В. ТРОШИН

Стратегический аудит в системе государственного стратегического управления национальной экономикой*

Аннотация. Целями статьи являются выявление комплекса проблем научно-методического обеспечения государственного стратегического аудита как органического элемента системы государственного стратегического управления национальной экономикой и поиск путей повышения эффективности, сравнительный анализ государственного и корпоративного стратегического аудита, определение основных направлений государственного стратегического аудита на основе анализа системы стратегического планирования, формирование комплекса методов стратегического аудита. Кратко исследованы история становления стратегического аудита в России, его нормативное правовое закрепление. При сравнении государственного и корпоративного стратегического аудита сделан вывод о наличии в них принципиальных различий и элементов методического сходства, что делает необходимым тщательный научный анализ опыта корпоративного аудита при адаптации его к государственному аудиту. На основе обобщения практического опыта и результатов научного анализа стратегического аудита предлагается комплекс методов аудита и направления дальнейшего совершенствования методологической и методической базы.

---

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. Стратегический аудит в системе государственного стратегического управления национальной экономикой // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 216—233.

Ключевые слова: национальная экономика, стратегическое управление, государственный стратегический аудит, корпоративный стратегический аудит, Счетная палата РФ, методология, методика.

Abstract. The purpose of the article is to identify a scientific problem set and methodological support of the state strategic audit as an element of the state strategic management system of the national economy and search for ways to improve efficiency, comparative analysis of state and corporate strategic audit, determination of the main directions of the state strategic audit, formation of a method set of strategic audit. The history of the formation of strategic audit in Russia and its normative legal consolidation is briefly studied. When comparing state and corporate strategic audits, it is concluded that they have fundamental differences and elements of methodological similarity, which makes it necessary to carefully analyze the experience of corporate audit. On the basis of generalization of practical experience and results of scientific analysis of strategic audit, a set of audit methods and directions for further improvement of the methodological and methodological base is proposed.

Keywords: national economy, strategic management, state strategic audit, corporate strategic audit, Accounting chamber of the Russian Federation, methodology, method.

УДК: 338.24 (338.23, 338.26)
ББК 65.050

В России предпринимаются серьезные усилия по возрождению государственного стратегического управления национальной экономикой как комплекса стратегического прогнозирования, проектирования, планирования, программирования, исполнения, контроля исполнения и аудита. Начало этому процессу было положено принятием Федерального закона № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. Постепенно система стратегического планирования расширяется, принимается ряд крупных нормативных правовых актов на федеральном уровне, региональном и отраслевом, осуществляется комплекс организационно-управленческих мероприятий. Можно по-разному оценивать достигнутые на сегодня результаты, однако иного пути нет. Как показывает мировая практика, организация эффективного функционирования системы государственного стратегического управления является важнейшим ресурсом обеспечения национальной конкурентоспособности и экономического суверенитета. Не странно поэтому, что в начале XXI в. создание таких национально-государственных систем становится одним из важнейших мировых

трендов, причем для государств с совершенно различными типами, формами организации и уровнями развития экономики.

Одним из главных элементов системы стратегического управления является стратегический аудит. Важность этого элемента, его управленческий и контрольный потенциал сегодня вновь признаются на уровне федеральной государственной власти. Так, в течение 2019 г. осуществлен первый за многие годы стратегический аудит по ряду ключевых позиций организации стратегического планирования в России и в конце года опубликованы его результаты [7].

Однако, как показывает анализ данного документа, длительное отсутствие в России такой практики, научно-методических разработок в сфере государственного стратегического аудита наложило свой негативный отпечаток на его методологическое и методическое обеспечение. В этой связи есть необходимость провести анализ сложившейся ситуации и наметить пути решения некоторых болезненных проблем.

История вопроса

История стратегического аудита в бизнесе начинается в 1980—1990-е гг., когда корпоративное управление всерьез стало заниматься стратегическим развитием, стратегическим планированием, стратегическим маркетингом. Более раннее становление и активный деловой интерес привели к более ранним исследованиям и разработкам, развитию и внедрению стратегического аудита компаний и отдельных сегментов их деятельности. Естественно, существуют разные подходы к пониманию стратегического аудита компаний, его концепции, целям, задачам, характеру результатов, информационному обеспечению (и т. д.), естественно, и к самому понятию стратегического аудита [1, 70—75; 2, 255].

Применительно к национальным экономикам развитие стратегического аудита шло с отставанием во времени и постоянно сталкивалось и сталкивается с различными политическими и идеологическими препонами, в том числе исходящими из деловых кругов и аффилированных с ними государственных и политических деятелей. История стратегического аудита национального масштаба начинается в начале XXI в., когда и в капиталистическом мире стало понятно, что лишь четко построенная система стратегического управления в национальном масштабе сможет составить конкуренцию плановым экономикам, особенно начавшему интенсивно развиваться Китаю. Понятно, что научные и политико-экономические дискуссии о соотношении частного и государственного интересов и форм управления, их соотношении в разных экономических моделях, национальных экономиках различных стран продолжаются и

периодически обостряются. Однако ни у кого не осталось сомнений в том, что национально-государственные планы, проекты и программы в том или ином виде являются ключевым компонентом стратегического развития и обеспечения конкуренции национальных экономик в будущем. Соответственно потребовалась разработка комплекса стратегического аудита как компоненты системы государственного стратегического управления. При этом научные и методические разработки естественным образом оказывались привязанными к модели и характеристикам той или иной национальной экономики.

В России первая попытка формирования государственной системы стратегического аудита в Счетной палате РФ была предпринята в 2010—2011 гг. под руководством С.В. Степашина. Уже тогда было понято, что стратегический аудит — это *инновационный орган экономической рефлексии государства и общества, способный внести серьезный конструктивный вклад в становление современной системы государственного стратегического развития, тем самым в повышение роли государственного управления в экономике и обеспечения эффективного развития страны*. При этом стратегический аудит правильно трактовался как «не аудит расходов, а аудит результатов» крупных государственных программ и системных реформ, результатов экономической политики правительства в целом. Важными параметрами оценок результатов экономической деятельности должны были стать такие индикаторы, как качество жизни граждан, качество институтов, качество государственного и муниципального управления.

Тогда этот проект реализован не был. Однако уже в этот период в Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (сохранены и в ред. от 29.05.2019 г.) «О Счетной палате Российской Федерации» включены следующие положения о стратегическом аудите и его компонентах:

«7. Стратегический аудит применяется в целях оценки реализуемости, рисков и результатов достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации, предусмотренных документами стратегического планирования Российской Федерации.

8. Аудит государственных программ Российской Федерации (федеральных целевых программ) применяется для оценки качества их формирования и реализации в части: 1) соответствия хода и результатов их реализации заданным требованиям; 2) обоснованности и соблюдения графиков выполнения отдельных этапов работ и сведений о ресурсном обеспечении; 3) соотношения результатов с затраченными федеральными ресурсами.

9. Оценка федеральных инновационных проектов, имеющих высокорисковый характер, осуществляется на основе анализа эффективности реализации совокупности проектов, обладающих схожими целями и характеристиками.

10. Аудит государственных и международных инвестиционных проектов проводится в целях оценки обоснованности объемов и сроков осуществления капитальных вложений (инвестиций), а также оценки результатов действий и эффективности вложений федеральных и иных ресурсов в пределах компетенции Счетной палаты.

11. Аудит федеральных информационных систем и проектов проводится с учетом требований соответствующих международных стандартов и стандартов Российской Федерации».

В 2018—2019 гг. в Счетной палате РФ, уже под руководством одного из лидеров либерального курса экономики страны А.Л. Кудрина, вновь поставлена задача формирования системы стратегического аудита как компоненты государственной системы стратегического планирования. По оценкам экспертов, эта постановка носит в определенной мере политический и даже адресно направленный характер против прежнего Правительства РФ. Но даже предположительное наличие такого мотива не снижает значимости и острой необходимости формирования системы стратегического аудита на уровне национальной экономики в условиях активного возрождения системы государственного стратегического управления и не отменяет стоящей за этим политической воли высшего руководства страны. В этой связи руководство Счетной палаты РФ, в том числе в выступлениях А.Л. Кудрина, констатирует, что «это мировой тренд», что «большинство счетных палат мира увеличивает долю стратегического аудита в своих проверках, тем самым работая на государство, объясняя, что получается, что не получается в достижении стратегических целей», в связи с чем «необходима разработка методик стратегического аудита». И с этим необходимо полностью согласиться.

Действительно, как показывает анализ результатов проведенного недавно стратегического аудита, его внимание оказалось сосредоточено в основном на анализе и оценке организации и нормативно-административных аспектов деятельности федеральных органов исполнительной власти по осуществлению стратегического планирования. Важно также обратить внимание на следующие моменты этого документа. В нем на большом количестве примеров демонстрируется отсутствие согласованности документов государственного стратегического планирования федерального, отраслевого и регионального уровней и дается рекомендация о необходимости этого системного изъяна. В частности, в большом

числе региональных стратегических планов никак не отражается реализация национальных проектов, их целей, задач, индикаторов. Кроме того, приводится большое количество фактов полного отсутствия документов стратегического планирования на региональном и даже отраслевом уровне.

Специально отметим для дальнейшего анализа следующее: данные выводы аудиторского анализа отражают потенциал государственного стратегического аудита в сфере совершенствования системы государственного стратегического управления в целом.

И еще один момент — проведение такого аудита, безусловно, шаг вперед, им охватывается важный спектр направлений стратегического аудирования. Однако это явно не покрывает все необходимые аспекты, а также не учитывает тех наработок в сфере стратегического аудита, которые получены в сфере корпоративного стратегического аудита. Есть все основания для того, чтобы остановиться на этом моменте несколько подробнее.

Направления стратегического аудита: сходства и различия аудита компаний и аудита национальных проектов и программ

Прежде чем перейти к обсуждению проблем разработки методик государственного стратегического аудита, необходимо четко определить его направления, т. е. то, что собственно необходимо проверять и контролировать. Причем, как представляется, главная проблема современного состояния разработок в сфере государственного стратегического аудита заключается именно в определении и закреплении таких направлений в ведомственных рекомендациях и предписаниях. Все дело в том, что методики стратегического аудита, как показывает анализ научной литературы и практического опыта, жестко привязаны к конкретной предметной сфере, как, в общем-то, и всякие прикладные исследования, и опытно-конструкторские разработки. В то же время перечень сфер аудита, обобщаемый и анализируемый в российской научной литературе, опирается исключительно на корпоративный стратегический аудит, который не просто принципиально отличается от государственного стратегического аудита, но в некоторых аспектах прямо ему противоположен и потому не может быть автоматически взят за образец.

Так, стратегический аудит компаний направлен на достижение поставленных в компании целей или главной цели любой компании — обеспечения прибыльности и конкурентоспособности в перспективе, достижения ставящихся конкретных целей при реализации стратегических проектов деятельности компаний в целом или тех или иных сегментов

их деятельности (производственного, маркетингового, информационного и т. д.), подчинения деятельности всех подразделений компании общей стратегии развития, адаптации к изменяющейся внешней среде, к новым внешним для компании социально-экономическим условиям. В этой связи в стратегическом аудите обоснованно выделяют аудит внешней среды и внутренний аудит. При этом внутренняя среда — это сама компания, а внешняя среда — ее окружение, к которому относится и национальная экономика, весь комплекс социальных отношений в том обществе и сегменте рынка, где действует компания.

Направления деятельности в сфере стратегического аудита компаний подчинены основным целям развития компании, они известны, хотя они сами и их наборы варьируются в зависимости от конкретной компании и конкретной аудиторской задачи. Так, направления в аудите внешней среды — общий анализ общества (в совокупности экономических, политических, правовых, социальных, научных, образовательных, культурных аспектов), тенденций его развития, анализ научно-технического прогресса, а также специальный анализ государственных инициатив (включая государственные цели, проекты и программы), конкурентной среды и конкурентов и т. д. Для национальной экономики некоторые из этих направлений являются внешними, а некоторые — внутренними, что важно.

Направления в аудите внутренней среды компаний также понятны. Однако с этого момента удобнее сразу перейти к конкретным позициям в сравнении корпоративного и государственного стратегического аудита. Воспользуемся анализом внутренних факторов корпоративного аудита в работе В.Г. Широкобокова и Д.Н. Литвинова [9, 32—33]. Оценка внутренних факторов осуществляется по ключевым позициям, указанным в табл. 1.

Как видим, даже на уровне этого сравнения есть сходные моменты, однако есть и существенные различия.

Есть сходства и различия и в другом. Например, основные цели проведения корпоративного стратегического аудита таковы:

- «—выяснить обоснованность стратегии организации;
- оценить адекватность организационной структуры и системы корпоративного управления стратегическим целям;
- разработать корректирующие мероприятия изменения принятой стратегии исходя из тенденций развития внешней и внутренней среды, рекомендации менеджменту по адаптации к стратегии, сквозное планирование» [9, 29—30].

Таблица 1

**Ключевые позиции для оценки внутренних факторов
и возможность их использования в государственном
стратегическом аудите**

Внутренние направления анализа при корпоративном стратегическом аудите	Возможность использования в государственном стратегическом аудите
Идентификация и иерархическая согласованность стратегии (сбор характеристик организации, опрос сотрудников разных подразделений, их понимание и поддержка стратегии)	Такая позиция должна быть для оценки согласованности и характеристики участников проекта или программы любого государственного уровня (федерального, регионального, отраслевого), однако не только внутренних для конкретного проекта и программы, но и внешних (привлекаемых), включая аспекты понимания и поддержки стратегии на разных уровнях власти и в обществе
Оценка функционирования субъекта	Необходима как оценка качества администрации проекта или программы, как оценка исполнителей
Анализ используемых ресурсов (финансового, промышленного, интеллектуального, человеческого, социального, сетевого, природного), оценка ресурсообеспеченности стратегии, оптимальности сочетания и эффективности использования ресурсов, определение баланса между целями и программами — и распределением ресурсов	Необходимо, но при этом нужно понимать, что в рамках государственных проектов, планов и программ в национальной экономике не может быть прямой директивной увязки, как это имеет место в корпоративной стратегии

Выявление существующих и потенциальных рисков реализации стратегии	Необходимо, но при этом нужно учитывать, что спектр рисков и угроз существенно шире и разнообразнее, и он гораздо труднее поддается рациональной оценке
Исследование и оценка полномочий и ответственности менеджеров разного уровня (аудит по подразделениям в пределах компетенции по исполнению стратегий)	Необходимы в первую очередь для аудита администрации проекта или программы, которые на государственном уровне будут иметь межведомственный характер, создавая качественную специфику распределения полномочий и, соответственно, их оценки в ходе аудита
Изучение организационной культуры	Необходимо
Оценка адекватности учетно-аналитического обеспечения	Необходима, но имеет качественно иной уровень сложности

Внешне подобны общие цели и государственного стратегического аудита при понимании того, что в этом случае необходимо говорить об обоснованности стратегий и целей государственных проектов и программ национального уровня. Естественно, это меняет установки методик аудита.

Однако далее различия нарастают. Начать можно с того, что, как было показано, соотношение внутренней и внешней сфер корпоративного стратегического аудита и государственного стратегического аудита различно. А именно, многие аспекты, которые являются «внешней сферой» для корпоративного аудита, оказываются «внутренней сферой» для государственного стратегического аудита, и наоборот. Так, внутрикорпоративная сфера является внутренней для корпоративного аудита, но является внешней для государственного стратегического аудита, поскольку при реализации государственных проектов и программ предприятия привлекаются в качестве сторонних (внешних) исполнителей. Соответственно анализ исполнителя становится элементом анализа внешней среды. А это ведет к изменению методик аудита.

Следующий момент. Счетная палата РФ является компонентом государства, и поэтому она является внутренним компонентом государственного стратегического управления. Это создает дополнительные полномочия, но одновременно и дополнительные риски.

Дополнительные полномочия. Например, в ст. 1 указанного выше Федерального закона № 41-ФЗ в перечне полномочий СП РФ закреплено следующее:

«10) осуществляет подготовку рекомендаций по формированию системы целевых показателей для разработки документов стратегического планирования Российской Федерации, а также по их составу и количественным значениям».

Следовательно, речь должна идти не только об оценке целей и стратегий, но и об участии в их формировании, в формировании целевых показателей и фактически о *предваряющем аудите*, требующем разработки соответствующих регламентов и методик. Такой позиции в корпоративном аудите нет и быть не может, в этой связи искать аналоги такого опыта в корпоративном аудите бессмысленно, его необходимо исследовать и нарабатывать самостоятельно.

Важным моментом является характер целей. В государственном стратегическом планировании и проектировании речь идет не о целях корпорации, а о национально-государственных целях и стратегиях, их согласовании с интересами и целями граждан, другими национально-государственными проектами, с оценкой перспектив развития общества, внешнеэкономической, внешнеполитической, общецивилизационной конкурентной средой, со стратегиями развития регионов, отраслей, отдельных корпораций, компаний и предприятий. Так, внутрироссийские субъекты только государственного стратегического планирования включают в себя федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, государственные корпорации и иные уполномоченные структуры (всего — более 150 управленческих структур). Они имеют различные, пересекающиеся либо отличающиеся собственные стратегические цели и одновременно должны действовать в рамках общенациональных целей. Соответственно анализ целей и их корректировка требуют существенно более широкого спектра направлений аудита и специального комплекса методик.

Другим важным аспектом является выявление соответствия (согласованности) стратегических планов нижнего уровня государственного управления планам верхнего уровня (по крайней мере, непротиворечие). Для этого также необходимы методики оценки, в том числе

методики оценки регламентов согласования. Если одними из основных назначений корпоративного стратегического аудита являются выявление фактов отклонений реализации решения от плана и внесение корректировок путем анализа причин возникновения отклонений, то для государственного стратегического аудита это становится лишь одним из важных моментов, который требует проработки и развития, а есть и другие моменты, такие как аудит процедур и механизмов согласования целей, организации взаимодействия для достижения целей, аудит формирования и реализации межведомственных целевых программ и т. д., а также критериев и индикаторов оценки достижения целей, качественно отличающихся от критериев и индикаторов корпоративного аудита.

В итоге, требуется комплексная проработка самого характера результатов государственного стратегического аудита, которые серьезно расширяются в отличие от корпоративного аудита. В то время как выводы (результаты) корпоративного аудита, которые должны быть сделаны по итогам аудиторской деятельности компании, предполагают лишь следующие позиции: 1) стратегия соответствует условиям внешней среды; 2) стратегия не соответствует или не полностью соответствует условиям внешней среды; 3) управленческие решения менеджмента по реализации стратегии не соответствуют самой стратегии [9, 29—30], то выводы (результаты) государственного стратегического аудита к этому сведены быть не могут ни в коем случае и предполагают существенно более широкую вариативность, а тем самими — иную методическую базу.

Главное отличие корпоративного аудита от государственного в условиях капиталистической экономики состоит в доступности спектра инструментов («рычагов») управления. Корпоративная система управления строится на регламентированных процедурах действий и взаимодействиях всех элементов системы-корпорации. Все элементы корпорации управляемы, их поведение прогнозируемо, их успешность прямо зависит от соблюдения регламентов, инструкций и других управляющих воздействий со стороны системы управления корпорацией. Это, конечно, не исключает неэффективного выполнения предписаний, вплоть до саботажа и умышленного вредительства, однако сути дела это не меняет. Во власти корпорации регулировать свои элементы, исключать и заменять их.

Степень управляемости национальной социально-экономической системой в значительной степени меньше. Дело здесь не в масштабах и разнообразии видов деятельности и продукции, а в степени свободы, которая на законодательном и административном уровнях предоставлена

элементам национальной социально-экономической системы. Частные субъекты экономической деятельности (те же корпорации) имеют собственные интересы, которые не совпадают с национальными. Свести эти интересы — крайне сложная задача, к тому же не решаемая раз и навсегда. Допустим, в настоящий момент корпорация получила определенные преференции и заинтересована работать на достижение индикаторов, намеченных государством, однако завтра изменилась конъюнктура мирового и(или) внутреннего рынка, изменились личные интересы собственника, бизнес-стратегия — и в результате корпорация выходит из партнерства с государством. Конечно, можно выстроить более детерминированную и, следовательно, прогнозируемую систему взаимоотношений с корпорациями, направления их деятельности в национальных интересах, однако это задача выходит на уровень политики и пересмотра фундаментальных производственных отношений и принципов экономической деятельности. Во многом такие коллизии относятся к согласованию федеральных, региональных и отраслевых уровней управления, которые находятся в весьма динамическом отношении.

Кроме того, при разработке методологии стратегического аудита на корпоративном и государственном уровнях необходимо учитывать систему целей и интересов в первом и во втором случаях. Интересы современных больших корпораций не сводятся строго к извлечению прибыли. Во-первых, прибыль рассматривается не только в краткосрочной перспективе, но и на далеком временном горизонте, учитываются различные вызовы и необходимость поддержания определенной технологической и функциональной гибкости, т. е. готовности к перестройке производственных процессов и бизнес-моделей под пока неизвестные или нечетко предсказуемые задачи, что уже довольно сложно по-бухгалтерски обчислить и свести непосредственно к оценке прибыли. Во-вторых, предприниматели в некоторых случаях (и не всегда по принуждению государства или местного самоуправления) проявляют социальную ответственность, стремятся сформировать свой образ социально ответственного бизнеса. Однако системообразующим фактором формирования мотивации и интересов бизнеса является все же прибыль.

Для государства же главной целью и смыслом управления должно служить благополучие общества и его членов сейчас и в столь угодно отдаленной перспективе. Популярный ныне показатель ВВП может служить аналогом корпоративной прибыли, однако он лишь в самом общем виде поверхностно представляет активность экономики страны, практически не отражая состояние социальной сферы, обеспеченность общества в целом и домашних хозяйств продукцией. Аналоги ему могут быть

предложены в конкретных сегментах экономики, однако и они будут лишь условны и не могут стать основанием (единственным основанием) для оценки в государственном аудите.

Таким образом, попытка прямого перенесения корпоративных методологических и методических подходов к управлению обществом (управление качеством, комплаенс, стратегический аудит и т. п.) приводит к примитивизации представления объекта управления, неадекватности показателей оценки и, как следствие, неадекватности и бессмысленности стратегий управления. Так, сущностная организация управления на основе методологии и разработки конкретных механизмов реализации методик и коммуникативных транзакций подменяется согласованием форм документов. Задачи по обеспечению выпуска необходимой продукции для удовлетворения потребностей общества подменяются задачами по объемам экспорта (аналогия — объем продаж), повышения конкурентоспособности; задачи управления экономическими и производственными циклами — задачами монетарного управления, таргетирования инфляции и т. д. Есть риски сведения к таким показателям и системы индикаторов стратегического аудита.

Наконец, необходимо констатировать, что характер и содержание всякого конкретного стратегического аудита зависят от вида стратегии, целей, сферы деятельности и т. д. В этой связи методики аудита должны быть привязаны к конкретному масштабу и целям проектов — это также важное общеметодологическое основание разработки набора методик государственного стратегического аудита.

Направления разработки методик государственного стратегического аудита

Определение направлений разработки методик государственного стратегического аудита необходимо начать с осмысления широких возможностей этого элемента стратегического управления. Стратегический аудит в практике функционирования современной государственной исполнительной власти является тем необходимым компонентом, который способен выявлять широкий спектр недостатков организации работы, неэффективность выполнения функций в комплексе государственного стратегического управления на разных его стадиях, вносить предложения по их предупреждению, а не только устранению негативных последствий на стадии завершения проекта. Это подтверждают результаты проведенного Счетной палатой РФ экспертно-аналитического мероприятия [7]. Из анализа этого документа ясно, что стратегический аудит должен занимать важное место не только в осуществлении контроля

исполнения, но и в самих механизмах формирования стратегического плана и других документов стратегического планирования. В то же время основными функциями стратегического аудита могут быть контроль и анализ исполнения регламентов, методических указаний, использования и ввода в систему обработки информации и знаний исходных данных для решения системы задач на различных этапах стратегического планирования, исполнения и коррекции стратегического плана и предшествующих ему документов стратегического планирования.

Формирование некоторых документов стратегического планирования, прежде всего стратегического плана, требует проведения значительного объема автоматизированных процедур обработки информации в распределенной среде ситуационных центров, в том числе с привлечением суперкомпьютеров. В этой связи важно отметить, что указанный контроль не предполагает дублирования всех расчетов по исходным данным документов планирования. Это было бы и неоправданным дублированием, и неэффективной тратой огромных кадровых, вычислительных и временных ресурсов. Для осуществления такого широкомасштабного контроля необходима разработка специального методического обеспечения, предполагающего разработку контрольных примеров, формирование требований к квалификации привлекаемых специалистов, разработку административных регламентов, средств аутентификации используемого для обработки информации программного обеспечения и др.

Другим важным специальным направлением государственного стратегического аудита и соответственно его методологического и методического обеспечения является анализ целеполагания и оценки степени достижения целей. Это принципиальная специфика государственного стратегического управления, требующая пристального научного внимания. Это же относится и к аудиту таких аспектов стратегического планирования, как исследование стратегических проектов, планов и программ на предмет устойчивости к вызовам, угрозам, а также на наличие и устранение возможных уязвимостей [6, 3—11]. Методическое обеспечение государственного стратегического аудита в указанных аспектах также должно занять свое место в системе методического обеспечения стратегического планирования. Естественно, при этом внешний контроль, т. е. собственно стратегический аудит, должен обладать собственными методиками.

Для реализации всего этого комплекса государственного стратегического аудита могут использоваться технологии факторного моделирования, в том числе предложенные авторами в предыдущих работах для

внедрения в Федеральную систему управления рисками, отражающие содержание различных социальных и экономических процессов, позволяющие моделировать различные ситуации, интегрировать различные методологические подходы и методы обработки информации, в том числе на междисциплинарном уровне. Примером такой модели может служить модель оценки «Качество жизни», которая позволяет выявить потенциальное либо актуальное детерминирующее воздействие, предопределяющее и задающее характер и направление динамики в предметной области при изменении отдельных факторов, допускает алгоритмизацию и рациональное компьютерное представление [5, 64—81].

Для разработки методик может применяться и корпоративный опыт. Методики корпоративного стратегического аудита разработаны и в целом известны научному сообществу и специалистам по аудиту [3; 4, 149—154; 8]. Здесь разные авторы предлагают разные наборы методик аудита внутреннего и внешнего пространства. Их обобщение позволяет сформировать следующий набор методик: секторный анализ; SWOT-анализ; STEP-анализ; SPACE-анализ¹; экспертные оценки; дерево решений; комплекс аналитических процедур при проведении стратегического контроля (аудита), таких как анализ взаимосвязей между данными различных форм плановой документации, сравнение фактических данных с данными за предыдущие периоды (валюта баланса, отдельные статьи, анализ коэффициентов за прошлые годы), сравнение фактических данных с планами, сравнение фактических данных с нормативным, сравнение информации с данными аналогичных предприятий и в среднем по отрасли, региону, анализ изменений со временем данных плановой документации, использование простой регрессии, основанной на временном подходе (с применением данных за предыдущие три года), применение модели с использованием логической взаимосвязи между данными, изучение необычных отклонений и их причин, оценке результатов проведенного анализа (на основании секторного, SWOT-, STEP-, SPACE-анализа, экспертных оценок и т. д.) [3].

Аналитикам понятно, что эффективность применения аналитических процедур будет во многом зависеть от правильного определения состава показателей, отбора фактов и последовательности проведения анализа, следовательно, от набора конкретных методов в каждом конкретном случае. Понятно, что существующий набор методов проведения корпоративного стратегического аудита может и должен быть осмыслен

---

¹SPACE соответствует английской аббревиатуре (Strategic Position and Action Evaluation — оценка стратегического положения и действий).

на предмет возможности использования в качестве методов государственного стратегического аудита. Однако, во-первых, он должен предполагать специальную проработку в связи с изменением направлений деятельности. Во-вторых, этот набор требует расширения для решения таких задач стратегического аудита, которых нет у корпоративного аудита (см. выше). Наконец, в-третьих, он предполагает существенно более широкий спектр и масштабы исследований и соответственно требует иного качества даже используемых методик в наборе их инструментария, привлечения специалистов и экспертов, что делает задачу по разработке и реализации методик качественно иной. В этой связи одним из направлений научных исследований является оценка применимости и эффективности каждого из приведенного набора методов для решений каждой конкретной задачи государственного стратегического аудита. Это уже само по себе обширное поле теоретических и эмпирических исследований, опытно-конструкторских разработок, практических апробаций.

В этой связи предлагается дополнительная общая рекомендация: необходима институционализация научно-исследовательской структуры при Счетной палате РФ для разработки системы междисциплинарного методологического обеспечения и конкретных методик государственного стратегического аудита.

Подводя итог, отметим, что методологическое и методическое обеспечение государственного стратегического аудита требует безусловного развития и совершенствования. Важными аспектами этих разработок должны стать научные исследования и опытно-конструкторские работы по созданию практических методик, а также правильная адаптация опыта корпоративного стратегического аудита. Как показывает мировой опыт, без хорошо налаженной системы стратегического аудита система стратегического управления в целом, оказываясь без обратной связи и контроля, теряет свою эффективность, способность к развитию и адаптации к динамично меняющимся условиям мировой и национальной экономики.

Литература

1. *Алексеева И.В.* Развитие терминологической базы в области стратегического аудита // Учет и статистика. 2010. № 4 (20). С. 70—75.
2. *Алексеева И.В., Евстафьева Е.М.* Развитие методологии и методики стратегического аудита и аудита в коммерческих организациях. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. эконом. ун-та «РИНХ», 2009.

3. *Емельянова И.Н.* Развитие методики стратегического аудита путем внедрения аналитического инструментария // Наука и мир. 2014. № 2.

4. *Прудникова С.А.* Инструментарий стратегического анализа в методологии стратегического аудита хозяйствующего субъекта // Ученые записки Тамбовского отделения Российского союза молодых ученых. 2016. № 6. С. 149—154.

5. *Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В.* Социальные аспекты факторного моделирования в управлении экономической безопасностью (на примере сферы «Качество жизни») // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 64—81.

6. *Селиванов А.И., Трошин Д.В.* Категория «уязвимость» в понятийном ряду теории и практики обеспечения безопасности // Безопасность бизнеса. 2018. № 3. С. 3—11.

7. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017—2018 годах и истекшем периоде 2019 года». М., 2020: [Электронный ресурс]. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/885/8852a97cd45346ecea99d20b1d265d0f.pdf>

8. *Хахонова Н.Н., Емельянова И.Н.* Развитие методики и организации стратегического аудита в коммерческих организациях. Монография. Ростов н/Д: Изд-во АзовПечать, 2012.

9. *Широкобоков В.Г., Литвинов Д.Н.* Стратегический аудит как средство достижения долгосрочных целей экономического субъекта // Международный бухгалтерский учет. 2016. Вып. 8 (398). С. 27—37.

References

1. *Alekseeva I.V.* Razvitie terminologicheskoy bazy v oblasti strategicheskogo audita // Uchet i statistika. 2010. № 4 (20). S. 70—75.

2. *Alekseeva I.V., Evstaf'eva E.M.* Razvitie metodologii i metodiki strategicheskogo audita i audita v kommercheskih organizatsiyah. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. gos. ekonom. un-ta «RINH», 2009.

3. *Emel'yanova I.N.* Razvitie metodiki strategicheskogo audita putem vnedreniya analiticheskogo instrumentariya // Nauka i mir. 2014. № 2.

4. *Prudnikova S.A.* Instrumentarij strategicheskogo analiza v metodologii strategicheskogo audita hozyajstvuyushchego sub"ekta // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya Rossijskogo soyuza molodyh uchenyh. 2016. № 6. S. 149—154.

5. *Selivanov A.I., Starovojtov V.G., Troshin D.V.* Social'nye aspekty faktornogo modelirovaniya v upravlenii ekonomicheskoy bezopasnost'yu (na primere sfery «Kachestvo zhizni») // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 1. S. 64—81.

6. *Selivanov A. I., Troshin D.V.* Kategoriya «uyazvimost'» v ponyatijnom ryadu teorii i praktiki obespecheniya bezopasnosti // *Bezopasnost' biznesa*. 2018. № 3. S. 3—11.

7. Schetnaya palata Rossijskoj Federacii. Otchet o rezul'tatah ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Strategicheskij audit formirovaniya i dostizheniya pokazatelej deyatel'nosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti, rukovodstvo deyatel'nost'yu kotoryh osushchestvlyayet Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii, v 2017—2018 godah i istekshem periode 2019 goda». M., 2020: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/885/8852a97cd45346ceca99d20b1d265d0f.pdf>

8. *Hahonova N.N., Emel'yanova I N.* Razvitie metodiki i organizacii strategicheskogo audita v kommercheskih organizacijah. Monografiya. Rostov n/D: Izd-vo AzovPechat', 2012.

9. *SHirokobokov V.G., Litvinov D.N.* Strategicheskij audit kak sredstvo dostizheniya dolgosrochnyh celej ekonomicheskogo sub"ekta // *Mezhdu-narodnyj buhgalterskij uchet*. 2016. Vyp. 8 (398). S. 27—37.

VII

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

Н.И. ЗЛЫГОСТЕВА

В лучах Света не вечернего*

Аннотация. Автор размышляет о творчестве Ю.М. Осипова, известного философа и мыслителя, о большом влиянии, которое оказывают его книги на вдумчивого читателя, отмечает его поэтико-философский характер мышления. О смыслах, о духовных проблемах общества, людей, мира, столь важных сегодня, которые поднимает в своих работах философ хозяйства.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, философия, духовность.

Abstract. The author reflects on the work of Yu.M. Osipov, a famous philosopher and thinker, about the great influence that his books have on the thoughtful reader, notes his poetical and philosophical nature of thinking. About the meanings, about the spiritual problems of society, people, the world, so important today, which the philosopher of the economy raises in his works.

Keywords: Yu.M. Osipov, philosophy, spirituality.

УДК 13
ББК 87

Книги... каждый из нас ищет в них что-то свое, отвечающее на наши внутренние вопросы, возможно, не обретшие формы, но тревожащие и волнующие. Для меня каждая книга Юрия Михайловича Осипова — это открытие, заставляющее по-новому увидеть знакомое и привычное. Они все вне обыденного, и не только оттого, что в них поднимаются сложнейшие метафизические вопросы, но и от внутренней наполненности, напряженной, тревожной, заставляющей не следить за текстом, а вчитываться в него.

Я не единожды пыталась передать впечатление от прочитанного и... не могла. Ускользало главное, сущностное. И вместе с тем след, отмеченный словом, оставался не только в уме, но и в сердце. Подобное

---

*Размышления о творчестве Ю.М. Осипова.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Злыгостева Н.И. В лучах Света Невечернего // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 237—241.

чтение подлинно философских текстов присуще юношеству и женщинам.

Об этом в свое время замечательно сказал В.В. Розанов в «Русском Ниле». Он отмечал, что, читая в 14 лет философов, не понимал почти ничего из написанного ими. Но ему было присуще главное — молодым, живым и чутким умом он схватывал самый центр дела, его суть «не то, что писалось авторами этих книг, а что их заставляло все это писать». Розанов тогда чувствовал, что их душа вошла в него и жила в ней. Женщине близко подобное восприятие. И я совсем не удивляюсь, что собеседниками автора, во многих его книгах являются именно женщины. Они способны уловить, прочувствовать, прожить услышанные, прочитанные мысли, интуитивно постигая их глубину и полноту, открывая в них то, что скрыто за внешней формой воплощения.

Творчеству Ю.М. Осипова присуще еще и то, что оно не ограничивается лишь экономическими теориями и философией, оно не воплощается в привычных, традиционных формах, для него слишком ограниченных и узких. Он — мыслитель, ищущий свои пути в понимании и осмыслении бытия, ломающий сложившиеся стереотипы, дающий читателю возможность соглашаться или не соглашаться с ним и постоянно подталкивающий его к необходимости думать, думать, думать. И при этом его мысль развивается в направлении, присущем именно нашей культуре. В ней философия почти всегда была неотделима от литературы. Именно это давало ей возможность проникать потаенное, сокровенное, давало ощущение «живой связи нашей с миром иным». В свое время об этом писал Ф.М. Достоевский, обращавший внимание на то, что лучшие из философов всегда понимали, что сущность вещей нельзя постичь на земле.

Именно поэтому книги наших мыслителей дают благодатную почву для размышлений и откровений. И в этом контексте работы Ю.М. Осипова являются блистательным тому подтверждением. Даже небольшие его статьи поражают своей глубиной и многоассоциативностью. И что еще важно, что сказанное в них вне временных и пространственных ограничений.

В 2011 г. во 2-м номере альманаха «Философия хозяйства» была опубликована его статья «Смысл и имена». И с каким интересом она читается сегодня. Более того, проблемы, поднятые в ней, именно сейчас обрели особую значимость и актуальность. Юрий Михайлович, размышляя над соотношением предметного мира, окружающего нас, и теми именами, которыми его реалии обозначены, с болью пишет о нашей умственной, нравственной, духовной опустошенности. И это, по его

мнению, проявляется в оскудении нашего языка, из которого ушло главное — смыслы. Тексты и наполняющие их слова стали пустыми, безликими, превратились в симулякры, обманки. Мыслительный процесс стал все более подменяться технологическим, убивающим любые свободные, творческие идеи и проявления. Автор выразительно и тонко обозначил тему, волнующую сегодня многих. Почему при широких возможностях современного общества оно так оскудено мыслями и чувствами, раскрывающими себя и в умственной, и в художественной деятельности. Для Ю.М. Осипова очевидно, что бессловие, присущее подлинному творцу, это необходимое условие, без которого невозможно таинство рождения слова.

Об этом писал Ф.И. Тютчев в своем знаменитом стихотворении «Молчание», об этом говорила поэт М.С. Петровых, утверждавшая, что до стихов надо «домолчаться». Наконец, известный наш философ И.А. Ильин был убежден, что никакое творчество немислимо без долгого пребывания в душевной келье. Но для современного мыслителя возникает в нынешней ситуации мучительный вопрос — возможно ли сейчас возвращение к смыслам? Ведь человек перешел не только природные, но и, что особенно страшно, сакральные рубежи. Он, поставив себя над Творцом, впал в безумие. И в этом отношении ему созвучно то, о чем писали в середине минувшего века французские экзистенциалисты, полагавшие, что люди утратили смысл своего существования, и вся их деятельность, в чем бы она ни воплощалась, бессмысленна и абсурдна. Наиболее чуткий из них А. Камю заметил, что главные экзистенциальные вопросы, много раньше уже были поставлены русской литературой.

Во мне, да только ли во мне, глубинно откликается то, о чем с такой болью и такой проникновенностью пишет Юрий Михайлович. Для него все, происходящее в нашем Отечестве, не отвлеченная философская проблема, а живая реальность. Он с горечью отмечает, что смыслы выхолащиваются из нашей жизни, поскольку требуют внутренней сосредоточенности и ответственности, в то время как господствующая сегодня «бессмысленная развлекуха» снимает этот груз. И это неизбежно оборачивается тем, что духовно-мыслящий тип человека вытесняется типом сверх-пигмея. Страшно, но выразительное и точное определение.

Для мыслителя такого уровня, как Ю.М. Осипов, очевидно, что произошел некий геологический переворот в области духа, что-то кардинально сдвинулось, и осмысление бытия прежними методами оказалось невозможным. Поэтому он выбрал то, что помогает ему постигать, осмысливать, чувствовать смысл происходящего — откровение и

вдохновение. И, думается, что в будущем будут востребованы книги, продиктованные ими, если, конечно, человек останется человеком. В противном случае все — философия, литература, искусство — окончательно потеряют всякий смысл. Они исчезнут, перестанут существовать за их полной ненужностью. Произойдет то, о чем предупреждал американский фантаст К. Саймак. Будут писаться книги, которые никому будет читать, будут создаваться картины, которые никто не будет смотреть, будет звучать музыка, которую никому будет слушать. Покров, замечает Ю.М. Осипов, будет безжалостно снят со всего, и это обнажит пустоту и бессмысленность нашего существования. И выводы из этого он делает самые печальные — мир вышел из бездны, к ней же и вернулся. И невольно напрашивается ассоциация со зрительным образом — «Черным квадратом» К. Малевича. Для него он лишь форма, определяющая пустоту, провал, ничто. Художник не может отразить в своем творчестве несуществующие смыслы.

И здесь для меня вновь пересекается то, что я и прежде находила в нашей литературе, в частности у В.В. Розанова, полагавшего, что в человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства, и в них проваливаются: троны, сословия, труд, богатство, все проваливается в пустоту души, лишенной духовного содержания [2]. И то, что по-новому открылось для меня в статье Ю.М. Осипова, блистательно показавшего, что природа нашего нынешнего безумия кроется в отходе от Христа, от Истины, несущей в себе сокровенную тайну, скрытую от суетного и лукавого ума.

В ней поэтико-философский характер мышления, присущий автору, прочитывается во всем, о чем он пишет. Даже если речь идет о хозяйстве. Он глубоко и многогранно раскрывает и развивает идею отца Сергия Булгакова о том, что хозяйство, особенно в России, никогда не ограничивалось чисто утилитарными целями. В нашем народе всегда жило стремление облагородить труд. Единство бытового и бытийственного было для нас естественным и органичным. Нивелирование духовной стороны в народной жизни привело к переменам не только внутренним, но и внешним. Быт, как это точно подметил Юрий Михайлович, сменился «бытовухой». Это радикально изменило художественный стиль, присущий не только искусству, но и хозяйствованию, что неизбежно привело к духовному провалу.

В единстве к осмыслению подходов, позволяющих понять сущность процессов, происходящих в мире и у С.Н. Булгакова, и у Ю.М. Осипова, прослеживается не только мировоззренческая, но и некая мистическая общность. Они оба видят, что в земном притяжении

искусства и хозяйства есть изначальное единство. «В свете его они являются только разными сторонами одного и того же целостного жизненного процесса, жизни в гармонии и красоте, причем и сама она становится непрерывно совершающимся творчеством красоты, производением искусства. Хозяйство здесь не различается от искусства, так что не существует ни хозяйства, ни искусства в их отвлеченности» [1, 308].

Справедливость этих слов, раскрываемая Ю.М. Осиповым в реалиях дня сегодняшнего, дает нам возможность убедиться в том, что, пока у нас есть мыслители, способные к мистическим прорывам, откровениям, обладающие поэтическим вдохновением, способные словом воздействовать не только на умы, но и на сердца, ни у нас, ни у нашего Отечества ничего не потеряно.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М.: Республика, 1994.
2. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2015.

References

1. *Bulgakov S.N.* Svet nevechernij. M.: Respublika, 1994.
2. *Rozanov V.V.* Apokalipsis nashego vremeni. M.: Eksmo, 2015.

Б. ПРАВДИН

Софиасофия как достояние Руси-России: экстраординарные и спасительные новогодние откровения*

Аннотация. Исследуется софиасофия — исконное, глубинное, субстанциальное мировидение русского бытия. 1. Выделено содружество книг, в которых кровь, совесть, жертвенность и живородная почвенность русского бытия приоткрыли свои тайные смыслы и решения, свою жизнеутверждающую телеологию и эсхатологию. 2. Софиасофия представлена как основание новой временной эпохи, нового творчески-бытийного контекста, нового смыслового пространства, новых когнитивных координат бытия и самопознания России. 3. Раскрыта роль софиасофии в создании духовных, исторических, социокультурных,

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Правдин Б. Софиасофия как достояние Руси-России: экстраординарные и спасительные новогодние откровения // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 241—252.

хозяйственных, военно-охранительных оснований России. 4. Выявлена роль софиасофии в защите человечности от технологического тоталитаризма, в утверждении перспектив сохранения и развития гуманного социума.

Ключевые слова: Россия, софиасофия, мудрость.

Abstract. The article investigates sophiasophy as an original deep, substantive-generating worldview of the Russian being. 1. There is a community of books in which blood, conscience, sacrifice and the viviparous soility of the Russian being expressed their secret meanings, plans, goals and decisions, their life-affirming teleology and eschatology. 2. Sophiasophy is presented as a foundation of a new time era, a new creative and sociable context, a new semantic space, new cognitive coordinates of being and self-knowledge of Russia. 3. The author reveals a role of sofiasophy in the creation of spiritual, historical, sociocultural, economic, military-protective bases of Russia. 4. Also, reveals a role of sofiasophy in the protection of a human and humanity from technological and digital totalitarianism in affirming the prospects for saving a humane society.

Keywords: Russia, sophiasophy, wisdom.

УДК 140.8
ББК 65в

Автор решился на необычную акцию — поздравить с Новым Годом... *одно содружество книг*, или *большую многолетнюю Книгу*, по причине представленного там мировоззрения, кладущего начало новой временной эпохе, выявляющего новый творчески-бытийный контекст, формирующего новое смысловое пространство, создающего новые когнитивные координаты бытия и самопознания Руси-России, человека и его мира. Эта Книга заслуживает внимания и почитания не меньшего, если не большего, чем ее авторы. Не речи пророков создали те же религии, а Книги, сохранившие проповеди пророков. Книга — неведомая сила мудрости.

Книга есть плод не только ее автора, искусства мастера-печатника, но и плод самой себя, она — субъект знания и мудрости, иницирующий духовно-идеальные прорывы ума и сознания. Даже свежeweпеченная виртуальность вынуждена считаться с книгой, сохраняя ее аналог в своем техногенном и технотронном пространстве теней. Символ, метафора «Книги» обладает универсальной значимостью, позволяя отчасти понять бытие, его реальность и события. Даже слабые, плохие, лживые книги все же независимы от своего содержания, сохраняя

непорочными свои изначальные не до конца постижимые нами метафизические смыслы. Книга заслуживает чествования и поздравления с Новогоднем как скромный и незаменимый соавтор, а то и автор нашей человечности.

Чествуемые автором книги оказались с крепкими характерами: они повернули его мысль на более правильный и праведный путь, и автор, уже независимо от своего замысла, написал то, *что* написал — представив их квинтэссенцию в обобщающем смысловом резюме — в *софиасофии*.

Автор убедился, что мудрость поздравляемых книг невольно и непреднамеренно превзошла... даже страшно сказать!.. всю существующую мудрость мира сего. Документируем несколькими суждениями из словаря софиасофии: *«Пойди туда, не зная, куда, принеси то, не зная, что!»*. А ведь это формула бытия и человека! *«Начала и концы ускользают от человека, доверяя ему свое продолжение для поиска неведомой им истины тайной миссии их... их начал и концов»*. *«Кому»*, для чего и зачем нужны «начала» и «концы»? *«Миром владеют и правят призраки Великой Неизвестности»*. *«Любую силу сокрушает не сила, а ее софийное ведение достойными»*. *«Неизвестность сегодня меняется, сбрасывает свою старую кожу и не торопится облечься в иную кожу»*. Само Незнание и само всеисильное Ничто постарели, устарели и не в состоянии содержать в тайных убежищах своих «смысловых мышей», погибающих без когнитивного внимания и ковидного надзора людей, в то же время оставляя их ум-разум, сознание и фантазию без работы, однако маня козырными тузами искусственный интеллект, цифровизацию и «дистант». Таковы примерно все смысловые аксиомы софиасофии!

В контексте софиасофии как «мудрости самой мудрости» выявляются зловещие аспекты техноцифропрогресса, охватившего и царство смерти, которая обрела посредством его орудий новые формы и ресурсы, обновила свой ужасный дизайн, охватывая своей «базой данных», своим реестром и живоподобные искусственные (антиживые) существа, и массы людей, потерявших в мире виртуальности свою человечность, прививая все эти новообретения к стволу своего традиционного ядовитого жала. В софиасофии актуализируется познание древнего феномена квазилюдей, выявляются алгоритмы техноцифропрогресса, выпаривающего в людях человечность, заменяющего ее античеловечностью живоподобных мертвецов, стремясь превратить гендерпатологию в мировую религию.

Но оставлена, все же оставлена человеку импровизация, посредством которой он должен (!) предвидеть, распознавать и разгадывать неизвестность и через ее новую кожу, какой бы она ни была необычной,

устрашающей, чарующей, непостижимой и... пагубной... для людей! Человек должен верить в освященную веками и благословенную в страдании правду русскости, владеющей метафизическим кодом доступа к утлым мозгам зарвавшегося атлантизма.

Приведем далеко-далеко неполный перечень книг по софиасофии, благородно, достойно и с честью, составляющих Книгу, встречающую Новый год, имеющую *что* сказать ему, владея тайной хрупкости его текущего бытия, не исключая и тайной агрессии организованного ему антибытия.

Вот они, эти *книги*, вот она — эта *Книга!*

Осипов Ю.М. Время философии хозяйства. М., 2003.

Осипов Ю.М. Иное. М., 2006.

Осипов Ю.М. Обретение. М., 2011.

София. Сто лет русской философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М., 2012.

Осипов Ю.М. Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2013.

Михайлов Юр. (пс-м). Requiem. 2-е изд-ие. М., 2014.

Михайлов Юр. (пс-м). Блики и срезы. Невразумительное чтение, или Книга ни о чем и ни для кого. М.: Тамбов, 2015.

Осипов Ю.М. Восхождение. Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. М., 2015.

Осипов Ю.М. Белые скрижали. Сумма иного знания. М., 2016.

Осипов Ю.М. Метафизика. Код доступа. М., 2019.

Осипов Ю.М. Софиасофские тетради. (He)Ученые записки. М., 2018.

Россия под переменами / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

Российский разворот / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Смагиной, Т.С. Сухиной. М.: Тамбов, 2020.

Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма) / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой. М., 2020.

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ (все номера с 1999 по 2021 г.).

Шулевский Н.Б. Философия возмездия. М., 2012.

Шулевский Н.Б. Софиасофия. М., 2017.

Шулевский Н.Б. Софиасофия экономики и мир идеальности. М., 2019.

Шулевский Н.Б. Софиасофские горизонты России. М., 2020.

Ушел от усталости, от исторической безработицы и от ковидной неопределенности еще один русско-российский 2020-й год, год испытаний, наваждений, пыток, утрат; и грядет не подлинный НОВЫЙ ГОД, а год беспощадного ко всем холодного и голодного безвременья, едва скрывающего открытый им сезон каннибальской охоты на людей. Это только казалось, что неонеандертальская добытийщина канула в Лету, да, видно, Великая Неизвестность еще не завершила «зачистку» земных территорий для воздвижения мира Иного, продолжая заниматься рассылкой вещих военкомовских посланий, которые как раз и напоминают людям, кто они есть, как они должны жить и чем они реально должны заниматься.

Природный, культурный, человеческий мир сегодня в одночасье стал не просто чуждым человеку, но и превратился в неведомую летальную угрозу, перед которой бессильны все науки, религии, философия, все власти, старательно исполняющие абсурдные решения техноцифровой матрицы. И только сказочный Кощей, зловеще ухмыляясь, проверяет прочность своей иглы, предвкушая свое великое всемирное празднество. Да, объявлено начало мировой эпохи свободной охоты на свободных, слишком уж свободных, людей. Это, пожалуй, и есть на сегодня та единственная правда, вне коей правды нет, а есть только абстракции виртуальной же истины обезумевшего атлантизма.

Но глубинный смысл этой охоты выявляет загадочный, страшный, манящий, прямо-таки чароомутный и пророческий смысловой свет А.С. Пушкина, который, предчувствуя эту эпоху, видел именно в русскости чудотворное, магическое преобразование гибели в форму неизъяснимых наслаждений, несущих гибель и самой гибели, завоевывающих для людей земной плацдарм для встречи посланников вечности.

«Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог»

Но каким образом предчувствие, знание неизбежной гибели может таить в себе неизъяснимы наслаждения, которые к тому же еще могут быть и залогом бессмертия? Какие наслажденья могут бросить победный вызов самой гибели? О какой тайне русского бытия и русскости вообще вещает мудрая муза поэта?

Разгадкой этого вещего прозрения поэта служит *софиасофское мироведение*, возникшее и заявившее о себе в начале XXI в. в русской ойкумене. Софиасофия видит величайшее и неизъяснимое наслаждение именно в том, чтобы быть человеком, сохранять субъектную идентичность человечности, оставаться непостижимым феноменом Великой Неизвестности, закрепившей свой топос в России и в русскости. Ибо софиасофия — законная дочь Великой Неизвестности, вопреки закону незаконного времени, сорвавшегося в энтропийное безвременье.

Военная метафизика А.В. Суворова в невозможных победных сражениях доказала, что наивысшее наслаждение и сверхчеловеческий восторг, которые доступны земным людям, состоят в том, чтобы быть русским, быть причастным к субстанции русскости, находящей в гибельных угрозах чуда и радости живого мира Иного! В этом неизъяснимом наслаждении, преображающем гибель и бессмертие в единую радость бытия, поэт и полководец предчувствовали софийную магию вечной человечности, находились в ней, жили ею. Они испытывали неизъяснимые наслаждения, мгновениями переживая и осуществляя своей жизнью манящую и несокрушимую человечность, став субъектами высшей радости ее бытия, творцами ее софийного мира в античеловеческом мире.

Софиасофия есть метафизическая, духовно-смысловая колыбель, сохраняющая, обогащающая человечность закваской софийности, которая стирает у людей ластиком своей мудрости умения лгать, лицемерить, лукавить, лицедействовать, творить зло.

С момента выхода Руси-России из царства Великой Неизвестности все ее безымянно павшие, все ее мученики, все униженные и оскорбленные, все страдающие сегодня за Русь-Россию в грозном безмолвии ждут своего подлинного Нового Года, чтобы узнать правду, смысл и цели их жертвенной жизни, чтобы услышать Благоую софиасофскую весть о своем духовно-идеальном и реальном искуплении, преображающем кровь, страдания, совесть и терпение почвы родной в смыслы мудрости грядущей — Иной Руси-России. В софиасофии ожила, вспыхнула неопалимым пламенем мудрости, заговорила русская жертвенная кровь, которая открывает свои неведомые и вещи тайны в последние времена мира для исцеления и возвращения растерзанной Руси-России к самой себе, к своим детям, народам, племенам, к своему иномирию.

Софиасофия и есть самосознание крови душевной самой русскости, ставшей мудростью, преобразившей в свое смысловое пространство всю мудрость мира сего, не уходящего, а исчезающего,

растворяющегося в алчности своей пустой виртуальности и безумствующей «числофрениии».

В софиасофии живет, бурлит, преобразует в свою мудрость, творит смыслы новой жизни исконная жертвенная кровь русскости, Русии-России, которая нашла в этом мироведении подлинное осознание своей русскости, обрела адекватный духовный орган своей импровизации, скрыто созидавая посредством него свое инобытие, свое живое иномирие.

Но тайны крови русскости неотделимы от тайны ее нравственности, ее совести, от магических посланий ее почвы, ее матери сырой земли, совместно созидавая непостижимую и непонятную русскую человечность, чей стон и чья скорбь бесконечная осознают и выражают себя сегодня лишь в смысловых формах софиасофии, оплодотворяют ее своей живой мудростью.

Русская кровь и почва вобрали в себя муки совести всех поколений страны, омываемой слезами неизмеримыми всех страдальцев и мучеников страны. И софиасофия сотворена кровью, совестью, слезами земли русской, почвы ее живородной, пославшей делегацию своей Думы в софиасофский Храм Мудрости, став частью его творящего идеального и смыслового тела.

«Кто сказал, что Земля умерла?

Нет, она затаилась на время.

Ведь Земля — это наша душа,

Сапогами не вытоптать душу!» (В. Высоцкий).

Поэтому софиасофия возникла не по велению эволюции, не постепенно, не из частей, а она появилась, как Афина Паллада, из головы Зевса, сразу, мгновенно, целиком и в полном духовно-когнитивном снаряжении, вооруженная смысловыми «калибрами» и антицифровым щитом. У софиасофии, как и полагается мудрости, нет и не может быть родителей, предшественников, соратников и наследников. Она была вечной софийной мудростью Великой Неизвестности, которая в XXI в. послала ее в Русь-Россию для выполнения специального задания по спасению и сохранению человечности, без которой рухнет ось ее мироздания.

Атлантизм не знает совести, служащей мерой и оценкой человечеством самого себя, судящего вменяемость коллективных и личностных деяний людей. Запад изначально разделил всех людей на «избранных» и «проклятых» Богом (Августин Блаженный). Благо и спасение «положены» лишь «избранным» («золотому миллиарду»). Для России

же совесть служит индикатором человечности, внутренним судьей и карой людей во всех их помыслах и деяниях.

Смысловая ткань софиасофии соткана также из идеальных энергий всех известных и неведомых подвигов русского бытия, ибо сама русскость есть непрерывный подвиг сохранения бытия. Только Русь-Россия сумела одолеть глобальные нашествия Востока, Юга и Запада; софиасофию творила и эта несокрушимая и непостижимая сила, которая превышает любой земной силы, уходя истоками в софийную мудрость Великой Неизвестности.

В софиасофии пробивает себе путь к полноценной службе скрытая, неразвернутая религиозность, растущая из сердцевины русского бытия и призванная выявить особую сакральность русскости, возродить, обновить исходные ведические смыслы ее христианизированных форм. В софиасофии заявил о себе сакральный контекст русского ведизма, в котором апофатика и катафатика русского бытия изъясняются в качестве Великой Неизвестности. Языком и смыслами софиасофии заговорила катафатическая когнитология русского бытия, напомнила о себе волховская апофатика его Золотого века.

Правда, мера и справедливость русского бытия незаметно, но неотвратно утверждают себя в софиасофии как демиурга «нового человеческого мира», знающего, что «Будет праздник и на его площадях!», причем, гораздо, гораздо быстрее, чем кто-либо думает о нем и ожидает его. Великая Неизвестность всегда играет белыми, оставляя проигравшим шанс свободно не избежать спасения от ее возмездия.

Соборное, внутреннее содружество смыслов софиасофии, внутри которой бьется пульс творящей идеальности, хранит в себе образец, душу человечности, которая продолжает свой путь в храм Великой Неизвестности, чтоб «обнулить» в ней великие пороки нашей малой земной неизвестности, принести ей свою человечность как жертвенный дар для тайного благословения недоступной, иномировой, но живодейственной единой правды русской, от которой скрывается рой фейковых истин атлантизма.

В эпоху, открывающую научную, философскую, эстетическую, гендерную, медицинскую, информационную, полицейскую охоту на людей, софиасофия впервые помыслила, осознала, вообразила и сохранила *софийную* человечность, которая сегодня никем еще не мыслится, никем еще не осознается, никем еще не воображается, никем еще не создается, да и самой софиасофии она еще не вполне понятна и доступна, а лишь приоткрыта. Но она есть и уже давно работает в качестве софийной

человечности. Иначе не понять, зачем софиасофия возникла, зачем так обильно плодоносит. Поэту мгновенно открылась светоносная истина, гласящая, что, если звезды зажигаются, значит, это кому-то нужно — для какого-то очень великого и важного миротворного дела. Софиасофия — это реальная звезда смысловая, но свет от нее еще не дошел до ума и сознания всех землян, до академической, ученой, образованческой и экспертной нежити. А софийную человечность осознал и принял неотложные меры для ее встречи лишь один русский белый волхв и софийный богатырь. Закон суров, иначе он не был бы законом: «Много званых, но мало избранных; мало избранных, а знает лишь один». (Библия, как обычно, жизненно важные мысли не договаривает до конца!)

Только русская софиасофия может в нынешних inferнальных испытаниях сохранять человечность, выжигая в ней софийной мудростью все мерзостное, мелкое, гадкое и подлое. Ибо Россия, только Россия признает Софию Премудрость, Великую Неизвестность, мир живой Иной, полилектику, философию хозяйства, а эти посланники Запределья признают пока... только Россию. Все эти смысловые константы «мудрости самой мудрости» создают софиасофский контекст человечности, в котором сохраняется чудо продолжения жизни, ибо техноквилизации могут лишь потреблять людей, но не порождать. Софиасофия возникла именно для спасения человеческого мира с помощью Софии Премудрости и философии хозяйства. Других спасителей и защитников у человечности сегодня нет.

В софиасофии работает основной миротворный и смысловой перводвигатель современного мира, метафизически определяющий энтропийную эволюцию и эсхатологию атлантизма, подменяющего бытие своими суицидными техногенными соблазнами. И только корневая Россия хранит смысловое зерно своей человечности в софиасофии, исполняя указы и директивы ее мудрости. В софиасофии взращивается спасительное «древо жизни», являющееся для России бытием и царствием ее жизненной импровизации, непостижимой и недоступной для всех вразей ее!

Софиасофия — загадочно-чарующее, вещее слово и таинственный феномен («вещь в себе»), не допускающий не только глубинно-корневого целостного понимания, но и вообще уклоняющийся от диктатуры определений, избегающий самой лояльной и милосердной дефиниции, ускользающий от самих благосклонных размышлений, не позволяющий абстракциям сделать с нее мертвую маску. Ведь наличие в познании жесткой системы правил говорит о том, что смысловое ведение в ней

уже исчезло, а система лишь усиливает, обостряет ковидную цифроманию, возмещая свое бесплодие диктатурой норм, чисел и определений. Да и слово «софиасофия» не приемлет ни один сущий язык планеты.

Софиасофское ведение обретается лишь в «щелях» между знаниями на нетронутой смысловой целине Незнания и Ничто. Находя невысказываемые смыслы, софиасофия для их выражения использует помимо стандартных научных, философских методов эвристику мифов, фольклора, религий, метафор, намеков, символов, язык метаморфоз и оборотничества, когда не субъект повествует о своих карнавальных и когнитивных успехах, а само изучаемое бытие, его «вещи в себе» по своей инициативе открывают человеку нужные и безопасные для него знания. Софиасофия интегрирует все эти смысловые инструменты в форму импровизации, выявляющей самоход нового мира Иного. Человеку нужно лишь выключить свой кантианский регистратор, конструирующий из познаваемого объекта одни абстракции, соответствующие установкам, целям и желаниям алчного все-таки субъекта, скрывающегося в маске научности.

Семантика и смысловое пространство софиасофии представляют собой не то что непостижимую или запретную тайну, хотя она все же несет в себе не мир, не меч, а понимание русского мира, требуя установления новых геополитических, хозяйственных, социокультурных, бытийных форм жизни, содержащихся в ее духовно-смысловом содержании. Именно софиасофия создает новый, адекватный для блуждающего времени контекст, в котором раскрываются новые онтологические, эволюционные, импровизационные, логосные, смысловые и творческие способности русского бытия, его волхвов, трударей и воинов.

А «неоандертальские» охотники на человечность пусть обольщаются своими победами. Есть, есть свои покровители, неуязвимые мстители и у жертв атлантизма. Ведь софиасофия появилась в России как альтернатива inferнальной античеловечности. Мудрая идеальность софиасофии приоткрывает нам свои реальные лучшие смыслы, подсказывает лучшие решения, содействует нашим благим делам, неотвратимо превращает охоту на людей в охоту на самих охотников, ибо их каннибальская охота в России обернется для них бумерангом Великой Неизвестности, которая накроет ржавым «нанотазом» все охотничьи прорделки натовского атлантизма.

Все книги о софиасофии, все журнальные книжки «Философия хозяйства», все международные и всероссийские конференции, симпозиумы представляют невозможный в наши времена волшебный мир,

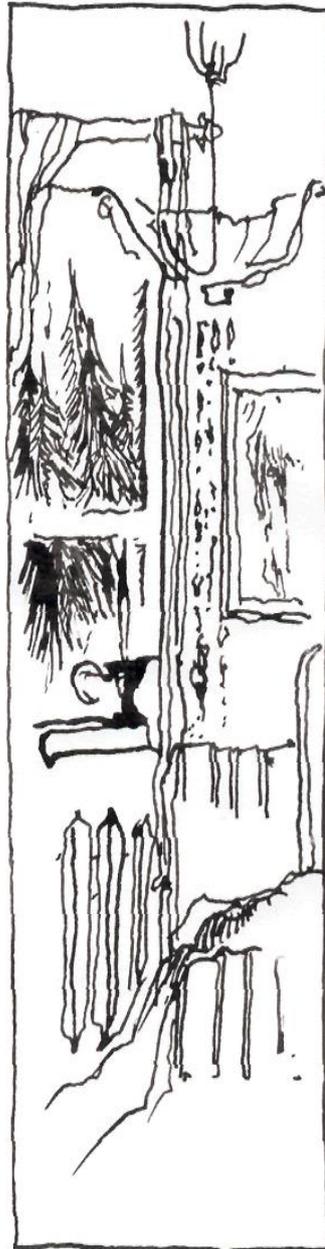
дарующий всем входящим в него радостную надежду на понимания мира, Руси-России, самих себя. Софиасофские резолюции дают и адекватный мониторинг мировых событий, ход Великой Неизвестности, ход русского бытия, формулируя точные прогнозы каждого шага его эволюции. И что поразительно, софиасофские тексты написаны уникальным поэтическим языком, их смысловая партитура состоит из таких сюжетов, которые превосходят самые «крутые» детективы, тая в себе мудрые и плодотворные разрешения неразрешимостей необъятной страны, прикрывая их от гудошников плеером утопизма. Одним словом, софиасофия есть еще и славное, чудное и завлекательное «что-то» для людей, у которых мысль, душа и осознание стали судьбой, скрывающейся в своих парадоксах.

Поэтому возникновение софиасофии — *главное событие XXI в.*, его основной плод, ради которого этот век, уже исполнив свою миссию, ищет свою эболо-ковидно-инфермальную эвтаназию. Ведь назначение всех предметов в том-то и состоит, чтобы выявить в себе порождающие их идеи и передать им полномочия дальнейшей эволюции, а самим стать смыслами инознания. Это *главное событие* произошло в России вопреки и благодаря всем невозможностям, которые служат перводвигателем истории. Софиасофия — это Русское Событие, свершенное посредством откровенческой импровизации самой Великой Неизвестности, пославшей «мудрость самой мудрости» в Россию для защиты человечности от пандемии цифронежити и числофрениии, для раскрытия ее смысловых и творческих богатств накануне тайного юбилея Великой Неизвестности и Ананке-неотвратимости, если позвать на пир русского духа древних эллинов.

Софиасофские же юбилеи измеряются не количеством прошедших лет, а глубинной мерой тех времен, куда юбиляры возвращаются, отступая вроде бы назад. В софиасофии властвует жизненная перспектива мудрости: отступление и возвращение назад, есть движение к истокам смысловой и творящей силы, соответственно, есть движение вперед. А прогрессирующее движение вперед, обрывающее все смысловые связи с истоками, есть незаметное и сладостное саморастворение в дурмане чистой-пречистой, цветной и цветистой пустоты. В софиасофии же царит вечный юбилей русскости, ее крови, совести, сакральности, ее живоносной почвы, неотвратимо, шаг за шагом приближающихся к истокам, к смысловым завязям-замыслам, к Первопричине Руси-России и ее людей.

И мудрость софийная предостерегает: «Кто нашел меня, тот нашел жизнь», а «все ненавидящие меня любят смерть» (Прит. 8:35—36). В софиасофии мудрость достигает целостно-открытой завершенности, становясь «мудростью самой мудрости», ее импровизации, созидающей новую реальность, спасающую своей софийной вакциной человечность от техноцифрототалитаризма, запускающей перводвижитель ее правды, меры и справедливости. И софиасофия, все ее деяния несут Руси-России, всем людям, только и только жизнь, питаемую смыслами софийной мудрости.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Шестидесятилетие С.Ю. Глазьева

Академику *Сергею Юрьевичу Глазьеву* исполнилось 60 лет! Выдающийся ученый, видный политический и общественный деятель, стойкий гражданин и обаятельный человек, С.Ю. Глазьев, выпускник экономического факультета МГУ, многие годы плодотворно участвует в жизни ученого сообщества, объединяемого Центром общественных наук МГУ, является членом научно-редакционного совета журнала «Философия хозяйства».

Поздравляя Сергея Юрьевича с юбилеем, желая ему крепкого здоровья, новых творческих достижений и житейских удач, не преминем также пожелать ему в нынешнее турбулентно и неоднозначно текущее время выдержки и еще раз выдержки, которой, впрочем, Сергею Юрьевичу не занимать!

* * *

75-летие Р.С. Гринберга

Выдающийся ученый-экономист, выпускник МГУ, член-корреспондент Российской академии наук, сотрудник и руководитель академических институтов, инициатор и сопредседатель Московского экономического форума, член экспертно-научного совета журнала «Философия хозяйства», действительный член Академии философии хозяйства. Это, конечно, не все, есть еще многое другое из значимого в учено-гражданском портрете *Руслана Семеновича Гринберга*, но главное для нас — приоритетный участник научных форумов Центра общественных наук и экономического факультета МГУ, блестящий оратор-аналитик, представляющий и развивающий свое — *гринберговское* — представление о современной экономике и происходящих в ней процессах, всегда одинаково интересное всем — как тем, так и этим. Принципиал в науке, но при этом добрый, лояльный, контактный, склонный к добродушному меткому юмору, вполне себе позитивный, как ныне принято говорить, человек — наш замечательный коллега и друг!

Многие лета, дорогой Руслан Семенович!

* * *

У.Ж. Алиеву 75 лет

Семидесятипятилетие не мешает *Ураку Жолмурзаевичу Алиеву*, д.э.н., профессору, оставаться бодрым, энергичным, полным сил и инициатив участником международного идейно-творческого процесса, идущего на ментальных полях России и Казахстана под двойной эгидой — Центра общественных наук МГУ и университета «Туран», к основанию и деятельности которого У.Ж. Алиев приложил и прикладывает своё трепетное сердце, острый ум и благодатные руки.

Здоровья, стойкости, удачи и новых творческих достижений,
Урак Жолмурзаевич!

* * *

9—11 декабря 2020 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика» (в режиме онлайн). На конференции выступили 68 докладчиков — доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.Л. Альпидовская, А.Л. Андреев, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), Л.А. Асланов, А.И. Белоусов (Ставрополь), С.В. Бирюков (Шанхай, КНР), Д.В. Гарбузов (Симферополь), Ф.И. Гиренок, А.А. Гриценко (Киев, Украина), М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), Ю.А. Кропин, А.В. Кузнецов, М.В. Кулаков, В.М. Кульков, П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), Г.Р. Наумова, С.С. Носова, В.П. Океанский (Шуя), А.А. Олейников, И.В. Пшеницын, С.П. Рамазанов (Волжский), Л.И. Ростовцева (Тула), М.А. Румянцев (СПб.), С.В. Синяков (Киев, Украина), С.С. Слепаков (Пятигорск), В.В. Смагина (Тамбов), И.М. Теняков, И.Ю. Фомичев (Тюмень), И.В. Черняева (Тверь), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук А.В. Андреева, О.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.В. Зайцева, Е.С. Зотова, С.А. Ермишина, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.А. Марков, С.С. Мерзляков, Г.В. Михайлова (Ставрополь), Н.П. Недзвецкая, Я.И. Нисанов, Е.И. Носкова (Пермь), Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов, Д.П. Соколов, И.Д. Спасский (Одесса, Украина), А.А. Тарасов (Н. Новгород), П.С. Толкачев, Г.В. Фадейчева, Е.Х. Хабибуллина, Т.Ю. Яковец, научные сотрудники А.В. Пиковер, Т.С. Сухина, преподаватели И.А. Горюнов, аспирант А.О. Иванов, президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин, независимый исследователь Н.П. Козиенко (Новосибирск).

* * *

11 декабря в рамках конференции состоялась панельная дискуссия «Что происходит? Что дальше?», в которой приняли участие декан экономического факультета, доктор экономических наук А.А. Аузан, доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), Ф.И. Гиренок, В.А. Кутырёв (Н. Новгород), С.Н. Сильвестров, К.А. Хубиев; кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), И.В. Простаков, директор Института политических исследований С.А. Марков; президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин.

Е.С. ЗОТОВА

**Россия как цивилизация и цивилизация как Россия:
суть и ход перемен
(обзор дискуссии)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на секции «Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен» международной научной конференции «Россия в перedelъе: цивилизация, техногенез, экономика», состоявшейся 9—11 декабря 2020 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате.

Ключевые слова: Россия, российская цивилизация, российская идентичность, российская экономика, российское хозяйство, российская культура.

Abstract. The article presents an overview of reports at the section «Russia as a Civilization and a Civilization as Russia: the Essence and the Course of Changes» of the international scientific conference «Russia in the Remaking: Civilization, Technogenesis, Economy» that was hold on December 9—11, 2020 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in online format.

Keywords: Russia, Russian civilization, Russian identity, Russian economics, Russian economy, Russian culture.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен (обзор дискуссии) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 257—268.

Дискуссия, развернувшаяся на секции «Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен», проходившая в онлайн-формате в рамках международной научной конференции «Россия в переломе: цивилизация, техногенез, экономика» 10 декабря 2020 г., была посвящена особенностям российской цивилизации, ее устойчивости в условиях происходящих в мире перемен.

Начавшийся на исходе Нового времени разворот к исключительно количественному и цифровому постижению тотальности, заметил д.филол.н., д.ф.н., профессор **В.П. Океанский** (Шуйский филиал Ивановского государственного университета) в своем докладе о пролегоменах к теме «Россия и судьба человечества» (в соавторстве с д.культур., профессором **Ж.Л. Океанской**), напоминает запуск процесса по радикальной дегуманизации реальности и возвращению в дохристианские «магические» времена. Опасности неоархаики оказываются совсем не продуманными в господствующем дискурсе безопасности, однако поднимающееся по мере планетарного развертывания современной цивилизации ментальное «кушитство» (по сути — угрозы нового рабства) ставит человека в ситуацию продуктивного когнитивного диссонанса и сотериологического поиска культурно-исторических альтернатив, начало осмысления которых было положено еще у самих истоков русской религиозной философии Нового времени.

А.С. Хомяков в «Записках о Всемирной Истории» в середине XIX столетия указывал в этом качестве на макрокультурный феномен «иранства» со свойственной ему символикой окрыленного творящего духа, свободы и личной ответственности, приоритета внутреннего мира над внешним, прерогативы речи, поэзии и музыки над письмом и архитектурой — он оказывается обречен на столкновение в истории человечества с противоположным ему во всем феноменом «кушитства», для которого характерны змеиная мудрость и гипнотический магизм, подавляющая необходимость и пафос законничества, отсутствие милости и неведение благодати.

Главная причина провала всех гуманитарных ориентаций в конце XX в. и, в частности, многократно декларированной гуманитаризации образования в «перестроечной» России залегает в специфике самой проводимой гуманитаризации, а не во внешних по отношению к ней факторах. Гуманитаризация изначально оказалась связана с коротким антропологическим замыканием, поспешно декларирующим «преодоление метафизики».

Сегодня сама организация научной деятельности в цивилизованном мире все более напоминает тоталитарную технократическую секту.

Не в этой ли связи еще Хайдеггер заговорил о «создании новой породы людей», когда «ученый-эрудит исчезает», а «его сменяет исследователь, входящий в штат исследовательского предприятия», где «определяют, какие надо писать книги»?

Деграция целых армий ученого мира ныне налицо. Организуются периодические конференции, в названии которых фигурирует стандартизированное на американский манер понятие «Нового времени» как текущей современности — не проседание ли это на несколько столетий назад?

Не поглупение ли это до начала нового торжества просветительского разума? Не новая ли это редакция уже прогоревшего в ходе истории? — вопрошают авторы доклада.

Остается в области гуманитарных дискуссий и вопрос о самой возможности «локальных цивилизаций» на фоне глобальной реальности единой техногенной цивилизации, связанной за последние столетия преимущественно с исторической катализирующей активностью западных народов — возможно, что на фоне культурного многообразия и «цветущей сложности» прежнего человечества именно универсальная и насильственно внедряемая «цифровая» стандартизация, ни сколько не исключаящая, но даже как раз и предполагающая управляемую «многополярность» как рудимент «обнуленной» активности прежних самобытных культур, выстроенных в известный планетарный «парад суверенитетов», окажется главным «вызовом» на творческих путях человеческой свободы. Будет ли на это дан превосходный ответ? — задаются вопросом В.П. и Ж.Л. Океанские.

Преодолеет ли и, если да, то каким креативным способом мыслящее человечество эту небывалую еще на земле преграду, сохранив свою сущность и не став уже только «постчеловечеством», подо что его чаще всего подписывают мрачные футурологические сценарии? — это еще один принципиальный вопрос. Авторам доклада представляется, что сегодня только Россия — отечественная интеллектуальная культура (при внимательном в нее погружении) — могла бы дать этот сотериологический шанс.

Безусловно, это никоим образом не самозамыкание, говоря словами о. Георгия Флоровского, «в уютных тупиках доморощенного обскурантизма» — но и «всемирная отзывчивость» России, о которой говорил Достоевский в знаменитой Пушкинской речи, могла бы быть реализована на фоне запуска механизмов всеобъемлющего принуждения как прежде всего метафизика свободы, где должны бы совпасть теологический и религиозно-философский дискурсы.

Ставя вопрос о «самобытном характере отечественного любобудрия», совершенно правы те, кто утверждает: «На знамени русской философии начертано только одно слово: СВОБОДА, что для нее тождественно творчеству». Так, еще в 1855 г. К.С. Аксаков указывал: «Дейтельность мысли, духовная свобода есть призвание человека» — а это было время фронтального нашествия ультразападного реформизма на Россию, связанного с ее поражением в Крымской войне, эпоха депрессии и небывалого раскрепощения.

Нет сомнения в том, что профанный либерализм едва ли не дальше отстоит от свободы, чем косметичка от космоса — однако не достигает цели и вошедшее ныне в моду параноидальное лягание либералов по всякому поводу, поскольку за жупелом либерализма и дымом от холостых по нему выстрелов оказывается незамеченным то главное метафизическое зло, которое уже надвинулось на человечество сквозь западные «паломничества в страну Востока» — назовем его неорабладельческим строем, и цифровизация нужна для того, чтобы забыть о бесконечности и закрепить эти новые формы неравенства, заявил профессор Океанский.

Д.ф.н., профессор **Д.В. Гарбузов** (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского) в своем выступлении отметил, что в истории России существует некое вневременное, устойчивое «ядро», некая матрица, которая постоянно воспроизводится в любые исторические эпохи. Это устойчивое ядро сохраняется в периоды исторических перемен. За время своего существования историческая Россия неоднократно оказывалась в ситуациях радикальной трансформации мира, в котором она существует. Переход из язычества в христианство, обнаружение себя в качестве одного из «улусов» огромной кочевой империи, ассимиляция кочевого компонента и создание централизованного евразийского государства, модернизация, создание технократического индустриального общества, революционная трансформация классического капиталистического общества — это наиболее яркие примеры адаптации исторической России к инициированным извне социокультурным трансформациям. В настоящее время, мы, очевидно, являемся свидетелями очередной мировой трансформации, заметил Д.В. Гарбузов. Она имеет, прежде всего, технологические формы и воплощение, но выходит далеко за границы развития техносферы. За понятиями цифровизации, дистанционных коммуникаций, искусственного интеллекта и пр. скрывается формирование новой системы социального управления. Она стала возможной именно благодаря технологическому развитию. Образно говоря, меняется «геометрия» власти. Все ранее существовавшие модели власти были построены иерархически, имели вертикальное измерение —

победившая в социальной борьбе группа занимала место на верху иерархической пирамиды, формировала институты легального насилия и осуществляла управление от своего имени. Благодаря этому данная правящая группа получала основные блага и ресурсы, но, одновременно, становилась мишенью конкурирующих социальных групп. Развитие цифровых технологий устраняет необходимость в существовании властной вертикали, система управления проникает во внутренний жизненный мир человека, доносит управленческие решения как бы изнутри приватной сферы человеческого существования. Это дает возможность влиятельным группам не идентифицировать себя, осуществлять анонимное управление, что также ставит под удар институты государства и общества резидентного типа. По мнению профессора Гарбузова, многие непонятные современные события объясняются такого рода процессами.

Говоря о пятой, или глобальной, России, к.т.н., ведущий научный сотрудник **О.В. Доброчесв** (НИЦ «Курчатовский институт»), напомнил, что десять лет назад, работая по поручению академика Б.Е. Чертога над прогнозом развития космонавтики на 100 лет вперед, ему удалось обнаружить в истории 140-летние «глобальные» волны технологических нововведений. Позже аналогичные ритмы случилось установить и в других секторах экономики. Анализируя под этим углом зрения современное положение, удалось прийти к выводу, что мир в 2020 г. вступил в 46-летнюю фазу стагнации, затем спада и, как следствие, сотовой диверсификации хозяйства в форме системы глобальных государств. Докладчик представил таблицу, в которой показаны основные этапы глобальной волны 1926—2026 гг.

Фаза	Основные этапы глобальной волны 1926—2026 гг.
0	Начало волны, перерождение. <i>Великая депрессия</i> (1926)
1/8	Начало самоорганизации. <i>Конференция в Тегеране</i> (1943)
1/4	Начало восхождения. <i>Полет Гагарина в космос</i> (1961)
3/8	Устойчивый рост. <i>Права человека, волнения в Париже</i> (1978)
1/2	Однополярный мир (1991), <i>кризисы 1997—1998</i> (1996)
2/3	Вершина социального развития (<i>кризис COVID-19</i>) (2019)
3/4	Начало системного кризиса (<i>аналог СССР 1991 г.</i>) (2031)
7/8	Перелом (<i>аналог революции в России 1905 и 1917 гг.</i>) (2048)
1	Начало волны. <i>Пик социального творчества</i> (2066)

Сохраниться в новом тренде смогут только те страны, которые придадут тем или иным секторам своей экономики глобальный характер. У России, пережившей периоды и княжеской раздробленности, и царства, и империи, и сверхдержавы, есть шансы вписаться в новые потоки времени и приобрести пятый в своей истории статус глобального государства, заметил О.В. Доброчеев.

Современное состояние мирового экономического хозяйства (МЭХ), отметил к.т.н., доцент **П.П. Жуликов** (Московский финансово-промышленный университет «Синергия») (соавтор доклада — к.э.н. **О.В. Жуликова**), загоняет в тупик экономистов, анализирующих ситуацию, и они часто увязают в деталях, не замечая главного и общего. Докладчиками сделана попытка посмотреть на проблему под ракурсом моделирования ситуации.

Мировое экономическое хозяйство они рассматривают в виде фрактальной планетарной модели: ядро, мантия, кора. Такое стилизованное яйцо: ядро-желток — это капитал; мантия-многослойный белок — это капитализм, т. е. технология развития капитала; кора-скорлупа — это экономика, т. е. идеология, сохраняющая и защищающая капитал.

Такая модель рассматривает «яйцо» как систему, которую контролирует сеть, созданная адептами капитала. Эта посылка позволяет представить капитал не деньгами, сырьем, ресурсами, а нейронной интеллектуальной, саморазвивающейся сетью, проросшей во всех сферах капитализма и защищенной жесткой, абсолютно рациональной идеологией оптимизации процессов развития капитала — экономикой. Капитал через адептов оптимизировал такую модель под планетарные ресурсы. Сегодня уже провозглашено, что для экологического развития (обслуживания) такой модели достаточно населения в один миллиард. Все остальное — лишние расходы, лишние государства, лишние люди. Россия со своим населением в такую модель не вписывается, хотя — возможно — на первых порах для третьих ролей пригодятся некоторые олигархи-коллорационисты. От России требуются только сырье и территории. В такое МЭХ-яйцо Россия никогда не будет допущена и поэтому обречена на стирание, если народ не задумается о строительстве своего цивилизационного проекта — иного яйца, подчеркнули авторы доклада.

В докладе д.с.н., к.ф.н., профессора **И.Ю. Фомичева** (Тюменский госуниверситет) «Нордические истоки российской идентичности» было отмечено, что в настоящее время в российском хозяйстве намечился явный поворот в сторону традиционных российских компетенций — освоения и промышленного использования природных ресурсов, расположенных в северных районах страны. Важно в прагматическом

плане, заметил докладчик, осознавать, что технологии освоения Арктики и приарктических провинций — конкурентное преимущество России (в отличие, например, от разработки нанотехнологий и электроники). Перспективный проект «Восток Ойл» может стать самым крупным в истории мировой нефтегазовой отрасли.

Но не только из прагматических мотивов российские люди становились северными первопроходцами. Свое внимание профессор Фомичев уделил исследованию того факта, что освоение Арктических провинций является особым предназначением российского человека, на путях которого формировалась российская идентичность. Особые обстоятельства нового освоения рождали и особое духовно-практическое обеспечение, метафизику Севера, которую отмечал еще Ф. Ницше в своих размышлениях о гипербореях. «Притяжение Арктики» как притяжение чего-то запредельного, инобытийного для россиянина понятно и естественно, поскольку гармонирует с потаенными основаниями его личности. Это метафизика особенной нордической духовности, она воспроизводит «вечные темы» русской идеи, проявляет замысел провидения о России, подытожил И.Ю. Фомичев.

В выступлении д.э.н., профессора **С.С. Носовой** (НИЯУ «МИФИ») было предложено рассматривать экономику России как «передельную», что неизбежно порождает потрясения в системе социально-экономической безопасности страны.

В октябре 1917 г. в результате захвата власти большевиками произошла насильственная смена отношений частной собственности и началось построение отношений общенародной собственности. Так, 6 декабря 1917 г. Советы народных комиссаров (Совнаркомы) получили полное право забирать у частных собственников промышленные предприятия и крупные строения. Эти объекты передавались в собственность государства. 14 июля 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон РСФСР «О собственности на территории РСФСР», согласно которому земля, ее недра, воды, леса, другие природные богатства выводились из советской общенародной собственности, т. е. народ лишили права на имущественную собственность. Стала формироваться частная собственность. Появился класс «передельщиков» как результат переделья нашей экономики по американской программе «Согласие на шанс», или как еще ее называют «Вашингтонский консенсус». Все веками накопленное отечественное богатство либералы-демократы разделили между собой и стали вывозить из России. Сегодняшняя российская экономика стагнирует. Нет экономического роста.

С 28 июля 2020 г. российская экономика попадает в технологическое переделье на основе президентского сообщения о том, что «без

цифровой экономики у страны в целом нет будущего». Несмотря на пандемию COVID-19, экономика России активно цифровизируется. Уже 24 апреля 2020 г. был опубликован Федеральный закон № 123 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта...». Данный эксперимент рассчитан на пять лет и уже стартовал. И это происходит в то время, когда за чертой бедности официально проживает в России около 23 млн человек, или около 16% населения, подчеркнула профессор Носова.

В докладе «Русский мир и антимир цивилизаций» д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** задался вопросом: можно ли в рамках цивилизации, техногенеза, экономики выразить глубину предстоящего и уже начавшегося, свершающегося передела России? Если передел предполагает разворот России к себе самой, к России глубинной, то цивилизационного подхода будет недостаточно для выражения сути происходящих процессов.

Понимание современной России и суть и ход происходящих в ней перемен начинаются с принципиального различия мира и цивилизации. Русский мир — это не цивилизация, поскольку он вырастает из территориальной общины и основан не на отчуждении от природы в городах, а на сохранении единства с ней, поскольку Россия возникла как крестьянская страна. Любая цивилизация — это антимир, основанный на отчуждении от природы, развитии отношений собственности и родоплеменных отношениях, признающих деление на своих и чужих, что порождает зависимость людей и рабство, чуждое глубинной России, отметил профессор Пшеницын.

Д.с.н., к.э.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Тульский филиал РГУ имени Г.В. Плеханова) в своем докладе «Навеянные пандемией мысли о потребительской культуре России» сообщила: «Пандемия способствует размышлениям о будущем, о вопросах жизни и смерти человека, его целеполагания и месте в новом цифровом мире. Она актуализировала проблему формирования потребительской культуры благоразумного типа, свободного от крайностей и гедонизма, и аскетизма. Не гедонистический принцип, а аскетический (в смысле самоограничения, самоконтроля, самовоспитания) становится определяющим в поведении потребителя. Это касается в первую очередь потребления информации. Цифровая экономика предлагает потребителю новые товары и услуги, новые возможности, но и несет с собой новые угрозы человеку, социуму, окружающей среде. Создавая новые желания и потребности (часто ложные, неполезные), она угрожает самому существованию человека. Чтобы сохранить человеческое в человеке, недопустимо игнорирование традиционных

ценностей России, которые должны оставаться фундаментом нового строящегося здания мироустройства и потребительской культуры в нем, которая имеет много форм и видов. В условиях пандемии возросло мошенничество, прежде всего связанное с банковскими картами и интернет-торговлей. Что делать? Государство, общество, человек, в частности, в роли потребителя должны действовать сообща».

В целом в дискуссии о будущем человека и его роли потребителя профессор Ростовцева высказала оптимистический взгляд.

Д.ф.н., профессор **С.В. Сняжков** (Киев, Украина) остановился на вопросе о месте и времени в истории. Мы не знаем, заметил он, где мы находимся, куда идем и что нас ждет дальше. От того, как мы себя называем («общество постмодерна», «постцивилизация», «постистория») и что о себе думаем, ничего не меняется. Мы не знаем, как нас назовут и как назовут наше время исследователи в будущем. Следует помнить, что люди Средних веков или эпохи Возрождения не знали, что они живут в Средневековье или в Ренессансе. Они жили, работали, любили, рожали детей, были счастливы и несчастливы, свободны, несвободны и т. д.

Ученым не остается ничего другого, как осмысливать наблюдаемые ими тенденции, события, процессы и на этом основании создавать представления о будущем. Так поступали Карл Маркс, Олвин Тоффлер, Самуэль Хантингтон, Френсис Фукуяма и многие другие, говорящие о дальнейшем обществе. Но, как известно, мир быстро меняется, изменяются тенденции развития, и на смену их прогнозам приходят другие.

Следовательно, в философскую рефлексию процесса познания и самосознания эпохи необходимо включить известную долю скепсиса, критики и релятивизма, заключил профессор Сняжков.

Говоря о государственном идеале русских евразийцев и других наследников славянофилов, его потенциале в XXI в., к.э.н. **Е.Х. Хаббуллина** (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) заметила, что проект Народного государства России-Евразии русских евразийцев (П. Савицкого, Н.Н. Алексеева) и других наследников славянофилов (В. Кокорева, С.Ф. Шарапова, А. Нечволодова, Д. Менделеева) имеет в главном общее содержание. Замысел основан на общем понимании самобытности духовного вектора России. Второй аспект общности обусловлен близостью понимания своеобразия материальных констант русской цивилизации как континентальной цивилизации.

И евразийцы, и другие наследники славянофилов признают приоритет именно духовного вектора в России будущего. Цель материального процветания всего народа ставится как важнейшая, однако она носит в этих подходах к моделированию будущего России подчиненный характер по отношению к духовному вектору, который обеспечивает

условия для воспитания и самовоспитания лучших качеств в душах народа, формирование нравственного идеала народа в соответствии с тысячелетней православной традицией, расширяет пространство света в душах. В этом отличие от марксистской трактовки темы формирования нового человека, в которой акцент поставлен на формирование культурной эрудиции — при полном игнорировании выработанного в рамках православия знания о путях движения к нравственному идеалу.

Концепция Народного государства евразийцев была нацелена на создание нового типа государства, гарантирующего достижение блага для народа в целом. Это третий путь, радикально отличный как от капитализма, так и от социализма. Это строй «смешанной экономики», сочетающий два уклада: частно-хозяйственный (рыночный) и общенародный (государственный и плановый). Но основной уклад — государственный, выражающий принцип «общего дела». Ведущая роль государственного уклада обеспечена при этом прежде всего новаторским устройством сферы финансов, отметила Е.Х. Хабибуллина.

В своем докладе к.э.н., доцент **Г.В. Фадейчева** (проректор Академии труда и социальных отношений) заметила, что возможности современной экономики в создании разнообразных экономических благ и новых форм удовлетворения потребностей в условиях ориентации на потребительскую модель поведения породили массу псевдообщественных потребностей. Данную ситуацию следует, на ее взгляд, трактовать как одно из проявлений определенного противостояния экономики и хозяйства. В 2020 г. на фоне пандемии коронавируса соотношение общественных и псевдообщественных потребностей проявилось особенно ярко. В этих условиях актуально звучит тезис С.Н. Булгакова о человечестве как о субъекте хозяйства. По существу, вопрос выживания человечества сейчас напрямую связан с необходимостью трансформации системы общественных потребностей в сторону реально общественно-необходимых потребностей и отказа от потребностей псевдообщественных. Таким образом, текущий ход перемен ставит вопрос о перезагрузке всей системы общественных потребностей, подчеркнула Г.В. Фадейчева.

В выступлении к.э.н., доцента **Е.В. Зайцевой** (РЭУ имени Г.В. Плеханова) прозвучала мысль, что существование цивилизации можно сравнить с жизнью одного человека. И тогда смысл развития цивилизации — это определение по отношению к добру и злу. И чем выше в нравственном плане идеал, тем большая ответственность к его носителям. И тогда смысл кризиса в мире есть помрачение идеала, уклонение от него тех, кто должен был бы быть примером, светом миру.

Идеал — это объединяющая сила, сущностная для цивилизации и для отдельного человека. Это сила, которая противостоит искусственному миру. Идеал — это то, что делает человека человеком.

Личностный идеал, заметила Е.В. Зайцева, мы видим более совершенным, чем идеал как некий абсолют. Более того отношение к идеалу в своей основе предполагает отношения отцовства. То есть идеал по сути — это Отец. Во-первых, отец — тот, кто «над»: над детьми, над обществом; во-вторых, отец — это начало этого общества, его сущность; в-третьих, движение к идеалу, таким образом, есть любовь к отцу. Да, идеал недостижим для человека, но любовь дарует максимально возможную меру исполнения идеала как для отдельного человека, так и для общества, отметила Е.В. Зайцева.

В 2020-е гг. проблема России как цивилизации, заметила д.э.н. **Т.Н. Юдина** (экономический факультет МГУ), по-прежнему является предметом научных и околонучных дискуссий. Этимология слова «цивилизация» (от лат. *civilisatio* — общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина) определена В.И. Далем. В таком контексте можно утверждать, что Россия с ее истинными «глубинным народом» и «глубинным государством» не представила еще миру свою уникальную цивилизацию домостроительства спасения. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия — это ее не настоящее, а будущее. Однако существуют и другие ее трактовки — от Н.Я. Данилевского до А. Тойнби и др.

П.А. Флоренский в статье 1929 г. «Органопроекция» опубликовал результат своего исследования в области цивилизации, тончайшей метафизической взаимосвязи человека и механизмов, культуры, технологии и техники. Человек предстает как Вселенная, как микрокосм и макрокосм одновременно в контексте пневмосферы; только в этом контексте можно позиционировать технику как часть культуры и человека как человека. Последователи восторжествовавшего с идеей «покорения природы» в XX в. материализма, якобы «убившего» Творца — по Ницше — еще в XIX в., создали бездуховную «механистическую цивилизацию», которая приближается к самоуничтожению. По-настоящему «русская и/или российская цивилизация» — это цивилизация домостроительства спасения. Однако это еще не реальность России, это в своей целостности — будущее России, которое обречено на успех лишь при определенных условиях, заключила Т.Н. Юдина.

Преподаватель **И.А. Горюнов** (Московский финансово-юридический университет) в своем выступлении «Субъектно-властно-волевой подход как главный инструмент спасения России» отметил, что Ю.М. Осипов в своей статье еще в 2006 г. «Что есть экономика вообще

и что она есть сегодня» дает субъектно-властно-волевою трактовку современных денег-финансов. Субъектно-властно-волевой является и современная экономика, которая находится вне и над хозяйством.

Властный центр современной экономики (субъект) сам принимает решения (обладает разумом — умением собирать информацию, ее осмысливать и превращать в знание, на основе которого разрабатывается стратегия действий) и реализует их (обладает соответствующей волей — смелостью и силой). Находящийся над хозяйством властный центр эмитирует деньги-финансы и вводит их в хозяйственный процесс, задавая вектор развития хозяйства и скорость происходящих в нем преобразований, а сегодня и трансгрессии.

Хозяйственная деятельность есть творение бытия. Экономическая деятельность есть разрушение бытия и в конечном счете его уничтожение. Поэтому для выхода из нынешнего экзистенциально-апокалипсического кризиса надо не захватить властный центр экономики, а уничтожить его и перевести человеческий социум на хозяйственный путь развития, гарантирующий человеку и Божьему миру жизнь, в отличие от экономического пути, ведущего человека не просто к гибели, а к аду кромешному.

Осуществить перевод России и мира с экономического на хозяйственный путь развития способен только русско-советский хозяйственный субъект, способный взять власть и реализовать ее: освободить хозяйство от душающе-умертвляющих объятий экономики, подчеркнул И.А. Горюнов.

Говоря об экономике цивилизации, д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС при Президенте РФ) заметил, что в этом году произошло знаменательное событие, которое научное сообщество ждало несколько десятилетий: Президент России объявил в СМИ, что наша страна является цивилизацией. Фактически было анонсировано начало большой созидательной работы, масштабы которой сопоставимы, а возможно, и превосходят реформы Петра Великого.

В начале большой и трудной работы необходимо разумно использовать все имеющиеся в наличии ресурсы, в том числе и работающие механизмы медленно умирающей рыночной экономики, ключевым элементом которой является норма доходности инвестиций. Норма доходности состоит из ставки безрисковой доходности и премии за риск. Для проектов внешней торговли в премию за риск входит премия межстранового риска. Когда речь идет о взаимодействии цивилизаций, в расчет нормы доходности следует включать уже премию не межстранового риска, а межцивилизационного риска, которая в разы больше. Это означает, что необходим пересмотр эффективности международных

проектов, так как при новой величине нормы доходности многие из них окажутся экономически нецелесообразными, что неизбежно повлечет за собой тектонические институциональные сдвиги в России, заметил профессор Шевченко.

На этом выводе можно завершить краткое изложение дискуссии, состоявшейся на заседании обозреваемой секции.

Т.С. СУХИНА

**Российское переделье: настоящее и будущее
в условиях техногенеза и тотальной цифровизации***

Аннотация. Представлен обзор работы секции «Техногенез как главный мотор тотального переделья» в рамках международной научной конференции «Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика», состоявшейся на экономическом факультете МГУ 9—11 декабря 2020 г. в режиме онлайн. На заседании были представлены доклады, рассматривающие с разных позиций процессы, связанные со стремительным развитием технологий и их влиянием на различные сферы жизни общества.

Ключевые слова: техногенез, технос, экономика, общество, цифровизация, цифровая трансформация, технологии, искусственный интеллект, социокультурные трансформации.

Abstract. Presents the review of the session «Technogenesis as the Main Engine of Total Redistribution» of the International Scientific Conference «Russia in the Remaking: Civilization, Technogenesis, Economy», which was held at the Faculty of Economics of Moscow State University on December 9—11, 2020 in online format. The meeting included reports, viewed from different positions of the processes associated with the rapid development of technology and its influence on various aspects of society.

Keywords: technogenesis, technos, economy, society, digitalization, digital transformation, socio-economic transformation, technologies, artificial intelligence, socio-cultural transformation.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Российское переделье: настоящее и будущее в условиях техногенеза и тотальной цифровизации // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 269—277.

Заседание секции «Техногенез как главный мотор тотального переделья» состоялось 10 декабря 2020 г. в формате видеоконференции в рамках работы международной научной конференции «Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика», проводившейся на экономическом факультете МГУ 9—11 декабря 2020 г. в режиме онлайн.

На заседании были представлены доклады, рассматривающие с разных позиций процессы, связанные со стремительным развитием технологий и их влиянием на различные сферы жизни общества.

Подчеркнув актуальность темы заседания, к.э.н., доцент **О.В. Андреева** (Ростовский государственный университет путей сообщения) поделилась с участниками своими размышлениями на тему «Информационно-аналитическая трансформация цивилизаций: суть и возможные исходы»:

1. Информация и анализ: информация уже не наша, и анализ ведем не мы. Трансформируется подача информации.

2. Пандемия как драйвер информационно-аналитической трансформации. Человеческое мышление, человеческий мозг более не является самостоятельным кодирующим и декодирующим устройством, между индивидами встал компьютер, который участвует в коммуникации и как-то влияет на нее. Возникает вопрос: а человек еще мыслит? Стоило ли цивилизации развиваться, чтобы в итоге получился человек с ограниченными возможностями мышления?

3. Мир становится нечеловекомерным. Мир текучий, одновременно прозрачный и непрозрачный, потому что человек не способен самостоятельно обрабатывать такие объемы информации. Информационно-аналитическая трансформация цивилизации уже произошла. Алгоритмы выбора уже у «большого брата», а алгоритмы мышления им успешно осваиваются.

Ковид-кризис подстегнул развитие технологий, и они уже стали нормой жизни. Пока еще работа над искусственным интеллектом не увенчалась успехом, но возникает ряд вопросов.

1. Какие возможны исходы в этой ситуации? Самый главный и страшный исход — потеря человеком роли демиурга в мирохозяйственной системе.

2. Когда мы получим искусственный интеллект? Когда он появится, насколько правомерно будет не считать его личностью? Сможет ли человек его отключить, потому что, если это интеллект, то это уже убийство?

3. Где сейчас мир? Там, где жизнь и живые люди, или мир — это цифровой оттиск, который бесконечно хранится в облачных сервисах,

обрабатывается специалистами? По мнению О.В. Андреевой, мы все ближе приближаемся к ситуации, когда, если ты не в цифре, то ты не существуешь.

С точки зрения докладчика, «у нас есть два возможных исхода: мы или попадем в зазеркалье, или роль человеческого капитала, человека мыслящего, способного на творчество, будет возрастать, но одновременно таких людей будет становиться гораздо меньше. Вопрос в том, где они останутся, кому будет разрешено продолжать мыслить?».

К.э.н., доцент **А.В. Андреева** (Корпоративный университет РЖД) в докладе «Техногенез: возможности и риски для университетов» рассмотрела современные условия, в которых происходит процесс техногенеза («новая нормальность, VUCA-мир, постпандемия») с точки зрения анализа рисков и возможностей для университетов и преподавателей.

А.В. Андреева сравнила две модели образования: партнерскую и self-made, рассказала о конкуренции на рынке традиционного образования, Google-университете и массовых открытых онлайн-курсах, представила тренды образования в крупных российских компаниях: ОАО «РЖД», «Сбер», и др. (тесты для понимания основного направления обучения и развития сотрудников, модель корпоративных компетенций с цифровыми и когнитивными навыками как основа обучения сотрудников в компании, инструменты вовлечения взрослых в обучение, рейтинги и геймификация, мобильные тренинги). По мнению А.В. Андреевой, понимание того, что человеческий потенциал становится человеческим капиталом для компании, способно заставить задуматься о необходимости проработки метакомпетенций сотрудников как компетенций будущего, а окружающая цифровая среда, при рассмотрении создаваемых ею возможностей, приводит к необходимости резкого, но неизбежного перехода к новому технологическому укладу, где традиционные университеты конкурируют в сегментах b2b и b2c.

Д.э.н., профессор **М.В. Кулаков** (экономический факультет МГУ) в докладе «Человек в техногенезе и в российском переделье» остановился на вопросах, связанных с человеческой деятельностью на разных этапах общественного развития. «Человек является главной фигурой на всех этапах, но если посмотреть на него с точки зрения способностей, которыми он наделен от природы, можно проследить, что на разных этапах преимущественно использовались определенные способности человека — способность выполнять физическую работу, способность манипулировать простыми орудиями труда, расчетно-управленческие и творческие способности. И на каждом этапе человек искал способ чем-то заменить свой труд — используя силу воды, силу ветра, изобретая различные машины и механизмы, а позже и электронно-

вычислительные машины. Сейчас пришло время искать то, что сможет заменить творческие, а впоследствии и эвристические способности человека». По мнению докладчика, если с реализацией творческих способностей искусственный интеллект и сможет справиться, то эвристические способности, скорее всего, навсегда останутся за человеком.

Постиндустриальный этап — это период преимущественного использования творческих способностей человека. Сегодня перед нами стоит задача понять, какова роль образования в подготовке человека к реализации творческих возможностей и что для этого должно делать общество. «К сожалению, у нашей элиты нет четкого представления о том, какие люди нужны для будущего общества. И если мы не сделаем решающих шагов в этом направлении, пессимистический настрой с точки зрения развития нашего общества будет усиливаться», подытожил М.В. Кулаков.

К.ф.н. **С.С. Мерзляков** (экономический факультет МГУ) в своем выступлении представил основные результаты исследования «Ценности российских IT-специалистов». Долгосрочной целью исследования является определение ценностных особенностей IT-специалистов, которые могут быть транслированы в другие социальные группы в рамках социокультурной модернизации. «Мы рассматриваем сообщество IT-специалистов в качестве резерва качественно полезных поведенческих установок, которые могут быть использованы для коррекции социокультурного профиля России в целом».

Результаты исследования показали, что среди отличительных особенностей российских IT-специалистов — индивидуализм, универсализм, открытость группы, сильная математическая подготовка, проблемы с коммуникацией (преобладание интровертов), проблемы с созданием эстетичного продукта — есть как сильные стороны, которые можно использовать в социокультурной модернизации, так и слабые стороны, с которыми нужно работать. Возможный потенциал есть во взаимной интеграции технических и гуманитарных наук при подготовке специалистов, что позволит гуманитариям получить бонусы в виде модернизационных ценностей, полезные практические навыки и идентичность будущего, а «технарям» — освоить богатое гуманитарное наследие, повысив этим их бриджинговый социальный капитал, приобрести позитивные социальные навыки, получить представление о векторах культурного развития, что важно для создания востребованных в будущем продуктов.

Подводя итог, С.С. Мерзляков заключил, что «российские IT-специалисты, безусловно, могут быть и являются агентами

модернизации, но смогут ли они стать агентами социокультурной модернизации? На этот вопрос мы и пытаемся найти ответ».

К.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) в выступлении на тему «Проблема гуманизации гибридного социума» подчеркнула, что, хотя во всем мире идут работы по разработке и созданию искусственного интеллекта, созданию автономных систем, которые могут имитировать человека, нам необходимо задумываться о том, что человеческий разум — это скорее биологическое понятие, поэтому, насколько возможно полностью реализовать этот проект, сейчас сказать сложно. Развитие науки идет вперед, мир, в котором мы живем, уже приближается к гибриднему социуму, он объединяет две стороны нашей жизни — онлайн и офлайн, и эта вторая часть постепенно сжимается.

Дистанционная работа в условиях вынужденной изоляции поставила много вопросов перед нашим социумом, начиная от определения рабочего места до вопросов технического обеспечения, повышения уровня кибербезопасности, преодоления цифрового неравенства на микро- и макроуровнях. Но самое главное, по мнению докладчика, сосредоточиться на человеке, на его месте и роли в этом гибридном социуме. Именно 2020-й г. заставил нас всех не только ощутить положительные моменты цифровизации, в результате которой во многом нам удалось сохранить возможность делового и личного общения, но и задуматься над тем, какое оптимальное сочетание мы должны допустить между человеком и машиной. Нельзя сознательно перейти к гибриднему обществу, в котором человек провоцирует потерю собственного контроля над машинами или отдает машине такие важные человеческие функции, как разум, интеллект и чувства. «Сейчас мы должны понять, кто в итоге победит — робообразные люди или человекообразные роботы. Хочется надеяться на победу человеческого разума», — заключила Н.П. Недзвецкая.

А.В. Пиковер (Центр социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН) в докладе «Информатизация — средство модернизации или дегуманизации?» подчеркнул, что «цифра — это вечный феноменальный мир, но это еще не весь мир». Первичным инструментом получения знаний являются не анализ и синтез, а ассоциативно-индуктивное мышление — когда схватывается некий посыл знания, приходящий через человека, уже обладающего этим знанием: модель «учитель — ученик». Поэтому никогда не будет качественного образования в режиме онлайн, когда непосредственный контакт отсутствует или значительно ослаблен. Цифра есть предельное выражение формы. По мнению докладчика, у искусственного интеллекта

нет компетенции творчества, так как это лишь высокого уровня комбинаторика.

А.В. Пиковер обратил внимание на реальную дегуманизацию: «Появился человек сетевой, перманентно включенный в виртуальные шумы, для которого не существует то, что было, условно, час назад. Для глубокого осознания того, что происходит во Вселенной, для проникновения в суть вещей мозгу необходима "отключка". А если у человека нет возможности выйти из вербального шума, он всегда будет оставаться на поверхности, но не постигнет суть вещей».

В заключение А.В. Пиковер заметил, что «у России есть некий свой алгоритм, он изрядно задавлен, но он есть. В противоположность механической стадности в России есть идея соборности, имеющая надсоциальную идею. И она до сих пор жива».

Д.э.н., профессор **М.А. Румянцев** (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Россия и мировая антисистема» отметил, что антисистема — это просто мироощущение, рожденное негативным отношением к миру, когда нужно преодолеть реальность. Такое антисистемное мироощущение — не продукт сегодняшнего дня. В экономике это ориентация на перераспределение (цифровые платформы) и симулякры. Антисистема становится активной в условиях смены эпох, смены цивилизаций. «Когда появляются разломы, она выходит из этих разломов».

«Техногенез, цифровизация — по мнению докладчика, — это вывих сознания, имеющий общественную значимость, всеобщность, и она похожа на товарный фетишизм. Сегодня мощь информационных технологий позволяет сделать нормой отклонение, аномальные принципы становятся нормой для всех. Глобальная антисистема сильна как никогда. Что может этому противостоять?»

М.А. Румянцев обращает внимание, что Россия, прежде всего, — цивилизация больших пространств. Русь принципиально не буржуазна, ее цикл — пространственный цикл развития. 1. Русь — это большие проекты. Россия выстраивается не вокруг капитала, а вокруг мегапроектов. Мы не цивилизация денег, а цивилизация пространств. 2. Смена элит, смена субъектов развития, целеполагания решается сменой столиц. Такая смена не вытекает из формальной логики. Сменить элиту, получить, наконец, национального субъекта развития, по мнению докладчика, позволит сдвиг на восток. 3. Неоднородность русских пространств можно использовать как фактор развития при появлении субъекта.

«Россия — цивилизация идеократическая, построенная на власти идеи. Сегодня нет ни идеи, ни смысла, а значит, ни целеполагания, ни проекта. И такое обесмысливание реальности действует на нас гораздо

больнее, чем на остальных. Неоднородность наших пространств и мегапроектность нашего пространственного мышления, возможно, позволят свести всю нумерологию к реальности, что даст начало кумулятивному процессу возвращения сознания, преодоления вывиха», — подвел итог М.А. Румянцев.

К.э.н., доцент **Д.П. Соколов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в докладе «Целевые ориентиры социально-экономического прогресса: жизнь ради техноса или технос ради жизни?» отметил, что из смыслового пространства общества практически исключается идея прогресса. Человек становится заложником техногенного мира, и происходит это от того, что технос служит не человеку, а общей для действующей хозяйственной системы логике накопления капитала.

Характер взаимодействия человека и мира, им порожденного, во многом зависит от доминирующего в обществе отношения к труду: создает ли человек мир для себя или создание чего-либо является лишь средством получения каких-либо благ, и человек отчуждается от труда. Нацеленность социально-экономической системы и человека, вовлеченного в нее, на реализацию личных эгоистических экономических интересов приводит к отчуждению общества от прогрессивного развития.

Сейчас, по мнению докладчика, поскольку одна система прекращает развитие, трансформируясь в нечто иное, появляется возможность начать строить новое бытие для человека и общества, основанное на предшествующих достижениях. Такой путь будет означать необходимость осознанного выбора каждым человеком и трансляции этого выбора между поколениями. Для новой модели необходим новый человек, нужно раскрывать оптимистичный образ будущего, доступный только сформировавшимся личностям, воспроизводство такого человека представляется делом сетевых сообществ. По мнению Д.П. Соколова, на пути достижения устойчивого прогресса это важно.

И.Д. Спасский (Открытый исследовательский университет имени А.А. Ухтомского, г. Одесса, Украина) в докладе «Метафизические аспекты киборгизации человека в контексте техногенеза» отметил, что среди антропологических проблем современности киборгизация — объединение человека и машины — выходит на передний план, и если на востоке это очеловечивание машины, то в европейской традиции, наоборот, киборгизация — это превращение человека в машину.

Чтобы рассмотреть проблему с точки зрения онтологии — онтологии как конструкта и онтологии как метафизического, бытийного проникновения в глубину, — необходимо поставить вопрос: технос это антиприродная и антисакральная демиургия, или же это софийность техники, возможность софийного конструирования мира, или же

выражение каких-то способностей человека? Онтологический взгляд позволяет увидеть эти процессы в единстве, целостности, так как в технике есть и элементы софийности, и элементы деструктивности, даже инфернальности.

Размышляя о метафизической онтологии, мы можем сказать, что в процессе киборгизации сознание человека начинает уходить все дальше от возможности метафизического опыта, становится более земным. Онтологическое мышление — это способность человека проникать в суть смыслов на уровне сакрального бытия. Онтологическая рефлексия позволяет рассмотреть, насколько феномен киборгизации может быть инфернален, и насколько он может быть софийным. Традиция школы философии хозяйства позволяет обнаружить и восполнить онтологические разрывы, показать альтернативные возможности в процессе осмысления сложившейся ситуации.

По мнению И.Д. Спасского, важно посмотреть на процесс с позиции многомерности мышления — насколько современный техногенез, технос, способствует раскрытию многомерности человека или все-таки его сужает? Таким образом, онтологическая рефлексия позволяет построить и расширить свою собственную целостную картину с позиции этих аспектов мышления.

Т.С. Сухина (экономический факультет МГУ) в докладе «Социальные особенности труда в условиях IT-экономики» обратила внимание на негативные процессы в сфере труда, характерные для общества эпохи цифровизации: рост социального неравенства, формирование нового слоя работников, согласных трудиться в условиях отсутствия социальных и трудовых гарантий, недостаточность, вплоть до исчезновения, социальных лифтов, отсутствие стимулов к получению образования, фактическая дискредитация социальных идеалов, прекариатизация среднего класса, социальная деградация, дегуманизация труда. Наряду с этим важно отметить усиление эксплуатации образованных работников, работающих в IT-индустрии и связанных с ней областях: отчетливо прослеживается тенденция перевода людей на внештатную работу, на неполную занятость; сверхурочная работа фактически больше не оплачивается, но подразумевается работодателем, это становится новой нормой. Парадоксальным образом благодаря цифровым технологиям получают развитие тенденции деградации социальных институтов, деградации структуры экономики, деградации качества человеческого труда.

В своем докладе «Эра тотального техно-адаптационизма» к.ф.н. **А.А. Тарасов** (НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород) согласился с Ю.М. Осиповым, что парадокс нашего времени в том, что «идут большие изменения, а мы стоим на месте или движемся в обратном

направлении». Главная причина, с точки зрения докладчика, в том, что есть два основных мировоззрения, и одно из них сегодня господствует. Сегодня в России сплошные фейки: наука, техника, технология, социальные технологии, медицина, история как целеполагание и само мышление фактически не развиваются, существуют как симулякры, потому что их развитие опасно для господствующей идеологии. Получается, что сегодня технологии в рамках господствующей идеологии тянут нас назад, в примитивную языческую цивилизацию. Но есть второе мировоззрение, которое может быть обращено к человеку и к будущему — новое христианское мировоззрение. По мнению А.А. Тарасова, мы должны вернуться к нему. Единственный верный путь — перейти на мировоззрение, при помощи которого цивилизация возникла. В христианстве жизнь — это эксперимент. Философия производит мировоззрение, которое производит все остальное.

В заключение **М.В. Кулаков** отметил, что на заседании прозвучали «очень интересные серьезные выступления, заставляющие подумать о том, что происходит сегодня и что нас ждет в будущем. Подобные встречи дают возможность задуматься о более продуктивном векторе развития».

Подводя итоги работы секции, ведущий заседание **М.А. Румянцев** подчеркнул, что «феномен очень многообразный, и мы сегодня во всей полноте пытались эти грани исследовать. Конечно, пока не было прорыва, какого-то единства в этом многообразии, но давайте продолжим обсуждения на следующих конференциях».

* * *

**Концептуальная декларация
международной научной конференции
«Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика»**

9—11 декабря 2020

МГУ имени М.В. Ломоносова

(Научный совет «ЦОН МГУ», экономический факультет МГУ)

1. *Переделье* — объективно-субъективный, стихийно-волевой, осознанно-бессознаниевый процесс существенных перемен глобального масштаба в человеческом бытии, мире, в самом человеке, его сознании, результат которого не просто трансформация имеющегося (перемена формы, образа, системы), но и самая что ни на есть трансгрессия всего существующего не просто в неопределенно новое, а в никому вообще не ведомое *иное* — ИНОЕ, что предопределяет явный эсхатологизм перемен, их обостренную апокалиптику, вызывая предельную гуманитарную озабоченность и порождая особого и небывалого рода трансгуманистическую тревогу.

2. *Иное*, о котором речь — не просто новый мир с обновленным человеком, а, скорее, транс-, сверх-, постмир, даже и антимир, то бишь и не мир вовсе, а как раз... *немир*, да еще и с транс-, сверх-, постчеловеком, если не античеловеком, то бишь и не с человеком вовсе, а как раз с... *нечеловеком*, разве лишь во внешне квазичеловеческом образе. Невозможное из возможного, как и возможное из невозможного — таков, увы, трансзакон Бытия-Истории!

3. Обыденное сознание, включая и многое научное, не замечает ничего столь радикального, глубокого, масштабного и при этом остро тревожного в передельческих процессах, разворачивающихся на планете Земля, в той же России, почитая вышеприведенный подход не за чересчур алармический, а то и за попросту фантазийный. Да, может, это и так, но, согласимся, насколько яснее и понятнее становится все происходящее в мире и в человеке, а лучше сказать — с миром и с человеком, ежели обратить внимание на идущее на Земле и в той же России *переделье всего и вся* с перспективным выходом на что-то *иное*, на какое-то *инобытие*, а то и вовсе на *небытие*.

4. Рассчитывать на вполне адекватное восприятие подобного рода суждений и, тем более, на эффективные практические действия со стороны общества и властей предрержащих, отводящие человечество, ту

же Россию, от безумного прыжка в *неведомую неизвестность*, пока, увы, не приходится. Чего не миновать, того не миновать, хотя не трудно заметить, что сия «неведомая неизвестность» есть вполне себе ведомый апофеоз человеческой — антиприродной и антисакральной — демии! Искусственный мир уже целостно создан и, оснастившись вполне уже искусственным по сознанию и даже натуре человеком, то бишь уже и в чем-то нечеловеком, должен уйти в иные — уже немало и небытийные — веси, надо полагать, уже непосредственно космические.

5. Вселенская в масштабах земно-космического человечества новая *разрушительно-созидательная катастрофа*, как кажется, неизбежна, более того — она явно уже при дверях! Однако конференция не пропитана насквозь духом фатализма, ибо знает, что всякое всегда может случиться — как раз самое невероятное, да и случиться оно может совершенно внезапно, — и не только катастрофное, но и, наоборот, неизбежную-де катастрофу предотвращающее.

6. Сейчас в мире развернулась и идет, набирая мощь и темп, сугубо *экзистенциальная война*, которая не так уже межсубъектная война, даже не война цивилизаций, как и не межрелигиозная война, а более всего *война миров*, однако не одного какого-нибудь земного мира с другим, хотя это тоже есть, а война между *все-еще-человеческим миром* и *уже-не-человеческим антимиром*, причем проходит сия уникальная война прямо по умам и душам людей, по их сознаниям. И каждый землянин сегодня — участник этой необычной, не слишком явной, наоборот, весьма сокрытой, во многом и тайной, войны, идущей, надо особо заметить, при нахлынувших на человека любого уровня мировоззренческой растерянности и жизнеотправительной бесцельности.

7. Взять хотя бы тот же *искусственный разум*, который уже давно сидит в человеках, в особенности в хорошо научно-технически образованных, и который грозит стать уже более, чем когда-либо, *техногенным*, не просто влияющим технологически на человеческий разум, а делающим сам этот разум вполне уже себе *технотронным*. Как быть человеку: «за» сию умственную технотронику или же «против»? Ясно вроде бы, что и «за» (в меру) и «против» (тоже в меру), но *кто* и *что* задаст эти две меры, — вот вопрос из вопросов! У конференции нет другого ответа, кроме... нет, не ответа Господа Бога с его Софией, что само собой, а ответа со стороны самодвижения самой реальности, проходящего в борьбе разных самоинтенций и разных самотенденций, однако увязанных не только с *бытийной известностью*, но и с *внебытийной неизвестностью*.

8. Да, переделка, о котором речь, — не одна лишь сама по себе переделка, но и скажем так... *тербиловка* (этакое тербелье), причем

стихийная, хаосогенная, космогенная, в общем — *хаосмосная*, из которой выйдет в итоге то самое «*то*, не знаю *что*», о чем, конечно же, «ни слова сказать», ни чего «пером описать». Человечество в самом деле идет маниакально в *неведомую неизвестность*, однако идти к ней оно может все-таки по-разному: наобум, очертя голову, стремглав или же осмотрительно, осторожно, даже и расчетливо. Вряд ли второе может у всего мира получиться, но местами... почему нет?

9. И вот тут встает вопрос о *власти*: наличествующей — действующей или бездействующей, с одной стороны, и должной быть и действовать — с другой. Непростой, прямо скажем, вопрос, неприятный, скользкий, однако — *судьбоносный!* Есть ли она, эта власть (любая, не только государственная), способная видеть, ведать и понимать экстраординарную ситуацию, в которую попал как самоуверенно демиургирующий человек-творец, так и самодовольно гедонизирующий человек-потребитель, как *ситуацию конца*, что совсем не исключает и возникновение *ситуации начала*, — да вот какого и чего тут конца и, коли уж повезет, какого и чего начала, а может, всего лишь того и другого в неразделимой и неразличимой смеси, так сказать, в одном, не слишком при этом прозрачном, флаконе?

10. Конференция вынуждена констатировать, что такой власти в полном концептуально-деловом развороте на Земле или совсем нет, или она есть, но лишь в самых общих, почти призрачных, контурах, как раз более всего там — на Востоке, с которым и пытался сцепиться чуть ли не в смертельной по виду схватке эсхатологически травмированный и идейно-стратегически «трампизированный» Запад. Да, на Востоке, неторопливо, скрытно и уверенно обыгрывающем изрядно взбесившийся и теряющий экзистенциальные ориентиры Запад, но, увы, не в России, во всяком случае — пока не в России, где власть в концептуально-экзистенциальном плане «векторит» более всего на Запад, хотя в какой-то мере и на Восток, но менее всего в сторону самой России, рассматривая ее не более чем чудесную фабрику, несущую для немногих золотые, для весьма многих серебряные, а для масс всего лишь медные, железные и пластиковые яйца, а не как полный потаенных экзистенциально-концептуальных смыслов кладезь и уж тем более не открытый на перспективу судьбоносный стратегический движитель.

11. Отсутствие собственного, обращенного к России, мировоззренческого, делового, управленческого и поведенческого *концептуализма*, вполне и метафизического свойства — ахиллесова пята нынешнего российского правления, существующего в стране цивилизационного устройства, российского социума и вообще России. Прессуя через посредство наукометрии и нового оцифрованного менеджериума

российскую гуманитарную мысль, загоняя ее в сетевое маргиналье, нынешняя власть, все еще идейно-концептуально ориентируясь более всего на Запад, лишает себя не только адекватного представления о бывшей, текущей и будущей реальности, но и, что самое главное, самого действенного оружия в реализации отнюдь ныне не благостной, не покойной и вовсе не безопасной на перспективу российской по наименованию, но все-таки нероссийской по сути экзистенции.

12. Переделье России идет, и его не остановить, и идет в культурно-цивилизационном и историко-экзистенциальном аспектах по преимуществу не по российским лекалам, которые все российские власти предержащие либо вообще не ведают, либо сознательно игнорируют, либо попросту не способны воспринимать. Да, готовых рецептов идейно-концептуального порядка, может, и нет, хотя кое-что все-таки есть, но ведь разработкой таких рецептов надо скрупулезно заниматься: не вожди, не президенты и не генералы правят миром, а... *идеи*, не считая, конечно, неодолимых обстоятельств, безудержных стихий и неугасимой неизвестности, разумеется, идеи не случайные, хотя иной раз и не без этого, а вполне себе *обоснованные*, да и не обывательски и даже не политически, хотя, опять же, не без этого, а изъясненные *мудростью*, да не какой-нибудь, а *софийной*, восходящей непосредственно к *Премудрости Божьей*, разумеется, не слишком заведомо уже протрактованной и не сильно заранее догматизированной!

13. Россия нуждается не только в российском по сути, духу и норову *передельческом концептуализме*, могущем не только идейно-практически ухватить, оснастить и сориентировать уже происходящее в стране переделье, но и придать самой передельяющейся и передельяваемой России адекватное ей экзистенциально-историческое дыхание: *соборное, синергийное, симфоническое*, для чего потребна большая ментальная, духовная, гражданская работа, да не одних лишь ученых-мыслителей и экспертов-исследователей, а и самих властей предержащих, а иначе ведь — *хана!* — как раз та самая — невероятная и внезапная, — иное дело — кому и чему хана, ибо всякое тут бывает, а за примерами далеко ходить не надо!

14. Россия — *сама-себе-идея, сама-себе-концепт, сама-себе-вера!* Важно все это иметь в виду, ничего для России по грантам не выдумывая, а лишь в Россию вдумываясь, в нее вживаясь, проникая и ею проникаясь. Каким образом? Соединением личной, коллективной, общественной, национальной, государственной экзистенции с *экзистенцией России*, окормляемой Софией и ведомой Провидением Господним!

15. Концептуализм, о котором речь — *сингуляр России*, в котором все смысловое сосредоточивается и из которого все осмысленное

исходит, это ее именно иммунитет, ее жизненный ориентир, ее оберег и залоговый код. Заметим, что сей *фундаментальный концептуализм* присутствует в эгрегоре нынешней России, как присутствовал в нем всегда, и даже так или иначе реализуется в ее бытии, но присутствует как по преимуществу отрицаемый и ненужный-де для современной России анахронизм и реализуется более всего вопреки массе практических интенций, чуть ли не «аки тать в ночи», выходя, как обычно, в светлую явь вынужденно и по преимуществу уже в роли спасителя. Величайший тут исторический казус, за которым и недоразумение, и ошибка, и преступление: *Россия никак не может выйти к самой себе!*

16. Господу Богу зачем-то нужна как эта вековечная борьба России с антиРоссией, так и борьба мира с антимиром, человека с античеловеком, зачем-то нужно и нынешнее, уже явно эсхатологического свойства, переделье — ПЕРЕДЕЛЬЕ, в гуще которого и Россия, и из которого она должна, видно, выйти не так даже *другой* Россией, как именно *Россией* — РОССИЕЙ! Крутой тут момент, судьбоносный, даже и страшный, воистину *мирореволюционный*, каких еще не было, однако, несмотря ни на что, вселяющий надежду, пусть и апокалиптическую надежду, на *преображение России*, да не во что-нибудь, а как раз... в Россию — РОССИЮ!

Инициатор декларации и автор текста
Ю.М. Осипов

* * *

11 декабря 2020 г. состоялось ежегодное общее собрание Академии философии хозяйства, на котором президент АФХ Ю.М. Осипов подвел итоги деятельности Академии за год и представил планы работы на 2021 г.

На собрании первым вице-президентом АФХ единогласно был избран д.э.н., д.ю.н., профессор Южного федерального университета П.В. Павлов (Ростов н/Д).

* * *

26 января 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся научный семинар «Экстрамодерн: ученый как призрак или призрак как ученый», организованный Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и лабораторией философии хозяйства (в режиме онлайн), на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), М.М. Гузев (Волжский), В.П. Океанский (Шуя), И.В. Пшеницын, М.А. Румянцев (СПб.), С.В. Синяков (Киев, Украина), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Н.Б. Шулевский; кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, С.А. Ермишина, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, В.И. Романченко (Новороссийск), Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов.

Е.С. ЗОТОВА

**Экстрамодерн: ученый как призрак или призрак как ученый
(об университетской дискуссии в Татьянин день)***

Аннотация. Представлен обзор дискуссии, состоявшейся в онлайн-формате на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 26 января 2021 г. на научном семинаре «Экстрамодерн: ученый как призрак и призрак как ученый, организованном Научным советом «ЦОН МГУ» и лабораторией философии хозяйства.

Ключевые слова: ученый, ученость, реальность, ирреальность, наука, наукометрия, нумерологическая псевдореальность, феномен призрачности, модерн. экстрамодерн, университетское знание, «духовный зов университета».

Abstract. The article presents an overview of the discussion held in online-format at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University on January 26, 2021 at the scientific seminar «Extramodern: a Scientist

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Экстрамодерн: ученый как призрак или призрак как ученый(об университетской дискуссии в Татьянин день) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 283—294.

as a Ghost or a Ghost as a Scientist» organized by CSS Scientific Council of Moscow State University and by laboratory of philosophy of economy.

Keywords: scientist, learning, reality, irreality, science, scientometrics, numerological pseudoreality, illusoriness phenomenon, modern, extra-modern, university knowledge, «a spiritual call of the university».

В этом году традиционный университетский праздник — Татьянин день — Научный совет «Центр общественных наук МГУ» и лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова со своими единомышленниками провели в формате весьма интересной онлайн-дискуссии: «Экстремодерн: ученый как призрак или призрак как ученый».

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (председатель Научного совета «ЦОН МГУ», заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ) отметил: «Татьянин день, конечно, праздник!

Однако нынешняя социально-хозяйственная разобщенность склоняет нас к обсуждению наличествующих в мире и в России острых непраздничных проблем, среди которых и экстраординарный уход реальности в ирреальность, и идущее вслед за этим замещение реальности ирреальностью, причем вполне себе реальной ирреальностью, выгодно вокруг бытующей и всюю действующей. На место теплокровного субъекта приходит его бескровный аналог — призрак. Нетрудно при желании заметить, что с ростом цифромании и в особенности с нашествием пандемической онлайн-коммуникативности, феномены призрака, призрачности и призракоизации резко поднялись в цене, в практической роли и в экзистенциальной значимости.

Татьянин день, конечно, праздник, но вполне уместным становится обсуждение в связи с этим праздником феномена как раз ученой “призраковости”, уже о себе заявившей в научно-исследовательско-организационной практике, в особенности в гуманитарной. Возникнув как средство рациоментальной борьбы с мистикогенными призраками домодернового сознания, наука, дойдя сквозь Модерн до Экстремодерна и оставив Модерн позади, сама стала созидателем уже вовсе не мистических, а вполне себе радиогенных призраков — что продуктовых (никому не нужных пустых “исследований”), что “субъектовых”, превращая ученых в цифрогенные матрицы, заставляющие не только ученых превращаться в призраков, но и призраков становиться учеными (главными теперь стали не высокая ученость, не глубинная содержательность науки,

не качество сказанного, а всего лишь бодрая в чем-то осведомленность, замеренная внешность, игровая формализованная изощренность).

Обсудим все это, а что касается св. Татьяны и ее имени праздника, то св. Татьяна на нас не обидится, а праздник ее имени никак нас все-таки не минует!».

«Согласен с Ю.М. Осиповым, — включился в разговор д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал Волгоградского государственного университета), — в настоящее время важно уяснить, что происходит в быстро меняющемся мире и в России, какие новые глобальные угрозы несет так называемый прогресс в XXI в.». И тема призрака совершенно не случайна, поскольку становится «призрачно все в этом мире бушующем». Так, в высшей школе, и не только в связи с пандемией, все больше становятся похожими на призраки и ученые, и студенты, и сам учебный процесс. Ученые загнаны в ежовые рукавицы «скопусов» и рабочих программ, когда убиваются на корню творчество, свободомыслие, общение преподавателя и студента, без чего не может получиться ни образованного человека, ни гражданина, ни университета как храма науки, образования и воспитания. С одной стороны, развитие современных сетевых коммуникаций способствует нарастанию массового стресса, массовой истерии, всеобщего психоза, с другой — элитам как никогда удобно контролировать общество и каждого отдельного человека. А судьи кто? Все это в совокупности чревато грандиозными социальными и даже цивилизационными катаклизмами. На эти нарастающие угрозы необходимы адекватные и своевременные ответы власти, элиты. Но пока этого не происходит. Чего ждем? — таким вопросом завершил свое выступление профессор Гузев.

Тематика призрачности учености, заметил д.ф.н., д.филол.н., профессор **В.П. Океанский** (Шуйский филиал Ивановского государственного университета), наводит на мысль, что в профанном мире подлинная ученость действительно призрачна... Серьезная тревога в этом отношении возникает 115 лет назад у Сергея Николаевича Булгакова. В своей вступительной лекции в Московском университете к курсу «Критическое исследование проблем и идеалов политической экономии», опубликованной со знаменательным названием «Под знаком Университета» в 85-м выпуске журнала «Вопросы философии и психологии» (1906, кн. V), он обращается к идее универсализма знания, исходно заложенной в самом имени университета, который есть «не знания, но Знание, не науки, но Наука, не частности, но Целое, Все, Universum», и «первый университет родился вместе с первым мыслителем». Далее Булгаков указывает на фактичность углубляющегося антропологического кризиса

Нового времени, которое «в наибольшей степени характеризуется упадком истинно университетского духа», а «прежний универсализм древности и средневековья (да и новейшей философии) кажется теперь дилетантизмом». Мыслитель дает глубокую диагностику состоянию, в котором находится к началу XX в. университет и ставит ключевые вопросы: «Неужели же теперь существование университета выражается только во внешнем соединении в одном здании и под одной кровлей отчужденных взаимно наук так, как в кунсткамере или музее в одном помещении или в зале собираются разные предметы, принадлежащие чуждым цивилизациям? Есть ли университет такой музей или кунсткамера знаний, механическое соединение нескольких факультетов или специальных кафедр? Но если это так, то следует прямо сказать, что университета теперь нет и пора его заменить механически организованным политехникумом». Указывая на «кризис и ломку» в современном «философском и общественном сознании», вставшем на путь чрезмерной специализации знания, Булгаков противопоставляет им «философию мира», «идеал, лежащий на дне философии и религии», который есть «конечная и универсальная гармония, положительное всеединство», о коих извещает «духовный зов университета». Призывая «поднять нить социально-философской мысли там, где она выпала из рук Гегеля, и повести ее дальше», Булгаков говорит о некоей «новой науке», еще не получившей своего адекватного имени, однако его обретение оказывается возможным лишь на путях реставрации в мышлении сакрального космоса — таким образом, подчеркнул профессор Океанский, набрасываются крупными мазками контуры будущей софиологии!

По мнению д.э.н., профессора СПбГУ **М.А. Румянцева**, метаморфоза реальной науки в призрачный артефакт бытия определена победой количества над качеством, выхолащиванием подлинной жизни, в том числе и научной, ради триумфа нумерологической псевдореальности. Данная коллизия в зародыше была заложена еще в проекте Просвещения, однако она тормозилась принятыми в просвещенческую эпоху принципами и целеполаганием — достижением общего блага, утопиями «светлого будущего» для всех и т. п. Далее, был сделан вывод о том, что властные группировки современности не нуждаются в науке как в системе организации разума ради поиска истины. Наука ныне ускоренными темпами превращается в магию — в манипуляцию социальными и природными силами ради удовлетворения своекорыстных потребностей элит в приобретении кастовой власти, материального и виртуального сверхпотребления. Вот почему ученый из «преступника», преступающего сложившиеся научные догмы ради истины, превращается в

оператора-манипулятора, сортирующего данные, полученные из информационных систем для удовлетворения социального заказа, обоснования необходимых элитам решений и ментальных парадигм для масс, а также для получения необходимого для воспроизводства жизни личного статуса. Мышление и творчество в призрачном мире должны быть защищены. Почему именно России особо требуется альтернатива призрачной науке? М.А. Румянцевым было обосновано положение о том, что в условиях обостряющейся геополитической борьбы воссоздание на новой исторической основе целокупного университетского знания, классической науки и культуры есть не только условие возвращения России к подлинности мироздания, но и условие выживания страны.

«Призраки — загадка мира сего, — заявил д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ), — выступающие скрытой первопроблемой не только людей, но и Вселенной, устанавливающие посредством энтропии “правила игры” для человека и бытия. Но наука не признает призраков, считая их иллюзиями больного сознания, не видя в них скрытых агентов, которые могут перевернуть мир, а то и вовсе его уничтожить.

Как можно хотя бы описать призрака; ведь сущность его непостижима просто потому, что она ему не нужна, ибо мешает его свободе?

Призраки — непознаваемые “вещи в себе”, которые независимы от пространства, времени, логики, законов, и могут даже изменять их. Призраки — не плоды сознания, разума, бессознательного, хотя они умело используют их в качестве средств, даже могут подменять их в гипнозе. Призраки — это и не inferнальные феномены, хотя у них есть негласные соглашения со смертью, позволяющей им свободно заходить в ее сферу. Призраки не сводятся к виртуальности, ибо они обладают свободой, умом, совершают действия непосредственно просто своим присутствием. Мы не знаем, что могут делать и что все-таки сделают призраки с миром и с человеком. Каковы их конечные цели? Самодостаточные ли они существа или же у них есть родители, хозяева, владыки? Да и существа ли они?

В Библии призраками служат падшие ангелы во главе с дьяволом. Бог изверг их из сакрального мира, абстрагировав от верных ангелов. Этот раскол на небесах, отпадение части ангелов от Бога имеют роковые последствия для человечества, ибо возник особый мир живоподобных злобных абстракций, желающих заменить собой идеальность. А глава падших абстракций — Люцифер (дьявол) был заточен в бездну, ставшую его домом. Но у дьявола созрел план побега из бездны: он решил построить физико-гуманитарно-метафизический мост из бездны на небо и

вырваться на свободу. Для этого он создал науку, в которой падшие духи стали абстракциями, с которыми работали ученые естественных наук, создавая материальную конструкцию моста. Гуманитарии своими абстракциями культивируют гендерные пороки, расчеловечивающие людей. К началу XXI в. мост из бездны на небо в основном уже построен, а цифровизация завершает его дизайн. В то же время сознание и ум, их моральные и смысловые ценности заменяются цифровыми абстракциями. Но ученые, неосознанно создавшие метафизический мост для освобождения дьявола, теперь стали лишними, и против них была запущена гильотина рейтингов, которая разгромила Академию наук, добивает НИИ и университеты.

Реальность миру, человеку, смыслам придают лишь софийная мудрость и софиасофия, а также философия хозяйства, служащие объективными идеальными оригиналами, которые невозможно редуцировать к другому, более фундаментальному первоначию». Именно в понимании призраков идет сегодня глобальная война России с ее «партнерами», заключил профессор Шулевский.

Нынешняя тема семинара, заметил д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын**, представляется последовательным развитием темы «Новый человек: кто он и что он?», рассмотренной нами несколько лет назад (март 2016 г.). Образ молодого ученого как призрака подлинного ученого, раскрытый сегодня Ю.М. Осиповым, вполне укладывается в представление о новом человеке, все явственнее заявляющем о себе во всех сферах, в том числе и в науке. Призрачность реальности свидетельствует об отсутствии в ней подлинной духовности, духовных скреп, присущих народу, но исчезающих в гражданском обществе и у элит. В действительности живет только народ, поскольку бессмертные души — явление исключительно коллективное, а не индивидуальное. В хозяйственной деятельности народа родительский дух переходит в следующие поколения. В экономике мегаполисов этот процесс жизни народа разрушается посредством обособления поколений через детсады, ясли, интернаты, пенсии и дома престарелых.

Духовная связь поколений замещается денежно-производственными отношениями, в результате чего действительная жизнь становится призрачной, отметил профессор Пшеницын.

В своем выступлении, названном «Ученый в эпоху Экстремодерна. Вызовы и поводы для оптимизма», к.мед.н. **Е.В. Шелкопляс** (Институт развития, изучения здоровья и адаптации человека, г. Иваново) подчеркнул, что экстремодерн — следствие эволюции эпохи Постмодерна. Как реальность времени он порождает новые цивилизационные

требования. Перспектива тотальной цифровизации, у многих начально вызывавшая позитивные ожидания (порой, почти эйфорию), сегодня обнаруживает и обратную сторону медали. Предвидя развитие общих тенденций, Ж. Бодрийяр писал: «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина». «Цифра» была предложена обществу как очередной «философский камень», как искушение, как гарантия новых удобств и удовольствий, не требующих серьезных усилий человека. В соответствии с законами развития, она оказалась и новой возможностью, и испытанием. Цифра подменила реальность, сделав ее виртуальной, имитирующей действительность. В науке стремительно развивается мания «наукометрии», явно искажающей истину. Наукой вновь считают то, что имеет цифровое выражение и приносит материальную выгоду, четкую, желательно, большую цифру денежных знаков, по своей сути — иллюзорных. Поклонение «знакам», симулякрам, иллюзиям как новым идолам приобретает характер, опасный для гармоничного развития общества.

Однако истинным ученым (современным «брахманам») нет повода для уныния, которое «грех». Развитие мира — всегда перемены, требующие и адаптации к ним, и принятия ответственности за гармонию дальнейшего развития. Собственный опыт показывает, что огромные возможности сегодня дают просвещение и пропаганда знаний в интернете. Не случайно передовым фронтом борьбы стало информационное поле. Оно принадлежит науке. Нужно лишь принять на себя роль философов хозяйства, «деятельных идеалистов», лидеров общественного мнения. С Античных времен известно: кто владеет знаниями — владеет миром. В знании — сила! Важно чтобы она была доброй, ответственной, мудрой, софийной, подытожил Е.В. Шелкопляс.

Конец истории — лишь ее начало, заявил к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт»). Сложившееся после распада СССР положение Ф. Фукуяма в 1992 г. назвал «концом истории». Позже Брюс Стерлинг, а затем С.Е. Кургинян стали именовать его (как написал В. Овчинский в 2006 г.) «мировым беспорядком». Практически тогда же в журнале «Политический класс» (2005, № 5) вышла моя статья, поясняющая, что мировой беспорядок — это всего лишь одна фаза 140-летнего процесса «вихревой глобализации». Поскольку первые два сценария оказались востребованными, может, и ячеистый сотовый мир 16-летней давности получит признание, а не активно продвигаемый на Западе «цифровой гулаг», как его образно охарактеризовал чл.-корр. РАН М. Ковальчук?

Ответ зависит от степени понимания законов общественного развития.

В начале XVIII в. член Лондонского королевского общества и Французской академии Мальтус полагал, что перенаселение Англии вредит ее развитию, и активно с этим боролся. Тем не менее население страны с тех пор увеличилось раз в шесть.

Номинарованный в 1938 г. Нобелевским комитетом на премию мира Гитлер тоже боролся с перенаселением. Но за 75 лет после этого численность людей на Земле выросла в три раза. Некоторые сомнения поэтому возникают в отношении проекта ВОЗ устойчивого регулирования населения Земли — даже с его поддержкой Б. Гейтсом.

Такого рода критический подход к решению человеком своих проблем наметился еще во времена барона Мюнхгаузена. А в середине XX в. Эшби в теореме о необходимом разнообразии доказал, что часть не может управлять целым. К близкому заключению подводят и знания современной механики очень больших систем, основы которой в 1980-е гг. заложил Пер Бак. Только уже в силу влияния на нее большого числа малых возмущений, таких как Солнце, атмосфера, литосфера, биосфера и т. д.

Более того, нельзя исключить, что в следующий критический период истории не появится такой «малый» параметр, встречающийся один раз на миллиард, как Моисей, Пифагор, Конфуций, Будда, Христос или Мухаммед, который выведет человечество из мнимого тупика развития.

А помимо случайных препятствий катастрофическому развитию, подытожил О.В. Доброчеев, человечество накопило еще и самый высокий за историю потенциал инерционности к любым изменениям. Его можно назвать потенциалом гуманизма, поскольку он может быть измерен общей численностью жителей Земли в 7,8 млрд. Оптимистические оценки показывают, что человечество, признав еретические идеи наших современников, как и 140 лет назад идеи Маркса, создаст на их основе принципиально новые технологии общественной жизни и промышленной деятельности. В этом случае двухкратный рост человечества неизбежен. Но и этот, невероятный, сценарий — не самый удивительный. Более фантастический для 18 трлн человек был построен 100 лет назад Циолковским, исходящим из биологических возможностей флоры планеты. К его оценке еще можно добавить, что устойчивая — как человеческий организм — численность населения Земли всего в два раза больше, чем у Циолковского — 37 трлн человек.

Возвращаясь к теме конца истории, О.В. Доброчеев заметил, что начало новой истории, т. е. волны 2066 — 2206 гг., будет закладываться, хотя и незаметно, в глубинных слоях текущей фазы глобальной волны в 1926 — 2066 гг.

В своем выступлении к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) отметил, что категория «экстремодерн» возникла прежде всего в искусстве как методология осмысления и отражения его современной футуристической версии и по сути своей является претензией нового качества в эволюции методологии постмодерна. В гуманитарной науке данный тренд также просматривается — с той только разницей, что здесь сколько-нибудь заметная методология экстремодерна находится в начальной стадии своего складывания, но в любом случае пребывает и несет в себе огромный потенциал неопределенности. Что, собственно, не удивительно, так как закат эпохи капитализма, характеризующийся синхронизацией всех видов кризиса и хаотической конфликтной реструктуризацией современного мирового хозяйства, сопровождается лихорадочным поиском какой-либо методологии максимально возможного сохранения богатства посредством всех мыслимых и немыслимых способов его перераспределения и воспроизводства, сохраняя при этом хоть какие-нибудь позиции лидерства.

В подобной ситуации неизбежны и хаотизация методологии всего ареала гуманитарного знания и превращение его генераторов, адептов и пользователей в мир призраков — с одной стороны, и резкое усиление влияния на реальные процессы того, что традиционно называется миром призраков, в его гротескной априорной мнимости — с другой. Отсюда и проистекает тот невероятный набор противоречивых филиппик сочетания несочетаемого, который предлагает экстремодерн в качестве регулятивных ориентиров. Как то: усиление роли государства через его отрицание, социальные акценты в экономике посредством дополнительных регулятивных прав крупного бизнеса в лице ТНК, превращение капитала долевого собственности в капитал участия вне собственности и т. д. Иначе говоря, предлагается такая версия мирохозяйственного устройства, которая через окончательную ликвидацию среднего класса выводит из игры как минимум 99% населения, заключил профессор Кашицын.

«Экстремодерн и “Конец реальности”» — так назвал свое выступление к.э.н., профессор **В.И. Романченко** (г. Новороссийск). Зачем и в чьих интересах выстроена и будет действовать идеология экстремодерна? Эта новая философия может быть использована как базовая идеология призрачности, нереальности происходящего, имитации, а то и

простого обмана. Надо четко осознавать, что происходит это в то время, когда вся основная деятельность «государств» по удовлетворению «все возрастающих потребностей человека» из реальной жизни трансформируется в работу с человеческим сознанием, а то и просто с мозгом человека, минуя как саму реальность, так и иные органы чувств и человеческого восприятия. К чему в этой парадигме развития приведет нас искусственный интеллект, Big Data и иные элементы цифровой революции? Оторвав сознание человека от реального мира через системы искусственного контроля и управления, доверив искусственному интеллекту без души и морали не только аналитику, но и само принятие решений как бы в интересах человека, мы можем получить в антиреальные решения. Человеком в этой «новой реальности» легче манипулировать и управлять, проще скрывать от него реальные цели движения и перекладывать ответственность. В результате на выходе от реформированной реальности мы получим не «созидательное разрушение», а «разрушительный прогресс», в котором простому реальному человеку место не предусмотрено, заключил В.И. Романченко.

К.э.н. **Е.А. Починкова** (Новороссийский филиал Кубанского государственного университета) отметила, что «развитие науки, накопление научного знания привели к проблеме истины в науке. С одной стороны, новые знания в ряде случаев отрицают сложившиеся. С другой стороны, гуманитарное знание допускает множественность точек зрения. Как результат — проблема разграничения науки и лженауки. Кризис в науке привел к кризису субъектов науки. Доступность образования и научной деятельности в сочетании с принципами капиталистических отношений привела к появлению квазиученых, отвечающих формальным критериям, но не являющихся ученым по сути. Истинный ученый — это призрак среди “неученых”, или реальность среди призраков. Лишь преданность науке, служение ей отличают реального ученого от призрачного».

С.А. Ермишина (к.и.н., доцент, исторический факультет МГУ) в своем выступлении подчеркнула, что русские мыслители всегда интересовались вопросами сущности научного мышления и его возможностями познания реальности. И это, несомненно, весьма актуально сегодня. В ответ на «философию позитивизма» О. Конта, провозглашенное тождество методов естественных и гуманитарных наук, утверждение закономерных «стадий роста» для всех стран и народов (Г. Спенсер) В.С. Соловьев, первый русский критик этой методологии, отмечал, что позитивистская «научная объективность», с ее отвлеченными «теоретическими трафаретками», неизбежно приводит науку, особенно

гуманитарную, обществоведческую, в плен «последним победившим принципам». Эти принципы связаны с известными проектами истории разного идеологического толка, с диктатом власти, капитала. Вслед за философом и его последователи вскрывали сущность веры позитивистов в человекобожие, в прогресс, в автоматизм достижения счастливого будущего. Они предупреждали об опасности формирования жесткой детерминированности сознания, затруднявшей его связь с реальностью, подставлявшей его под всевозможные манипуляции. Все это было связано с нараставшим кризисом европейского и российского самосознания, вызванного отходом от своих христианских оснований и забвением сущности «достоинства человека». Мыслители призывали задуматься над катастрофической стороной прогресса, над неизбежными войнами, усилением всеобщности (глобальности) истории, ее концом. Над тем, что любой план строительства «рая на земле» не способен раскрыть абсолютные начала, поэтому не должен выдвигать свои диктаторские претензии на руководство к действию. Эти размышления объединяются и вокруг темы Великого инквизитора, заданной Ф.М. Достоевским и продолженной К. Леонтьевым, В. Соловьевым, В. Розановым, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, С. Франком и другими мыслителями. Они предупреждали об опасности принципов управления людьми на основе «чуда, тайны, авторитета», о возрастании угроз тоталитаризма. Н.А. Бердяев говорил о приближении «нового средневековья», о конце «рационального дня новой истории» как итоговом результате диктата «законодательной силы Ratio». И все это будет происходить при потрясающих успехах научно-технического прогресса, которые, по В.С. Соловьеву, «трудно вообразить», заметила С.Е. Ермишина.

В заключение **Ю.М. Осипов** сказал: «Мы убедились, уважаемые коллеги, насколько актуальна поднятая нами призраковая тема, насколько масштабен феномен, насколько глубока проблема. Нам все еще кажется, что вокруг люди и только люди: политики, управители, прокуроры, судьи, полицейские, журналисты, актеры, писатели, врачи, профессоры, ученые — кто там еще? Ан нет. Хоть вокруг и человекообразные, но уже не теплокровные человеки, а некие бескровные их подобию, а что говорить о вроде бы видимых в интернете невидимках, где уже только духи, еще и вполне себе бездуховные духи. Мир наш человеческий незаметненько превращается в бесчеловеческий, а ежели он еще выглядит человеческим, то уже более всего лишь призрачно человеческим. Мы ведь тоже с вами немало сейчас призрачны (этакие говорящие головы-призраки), а ежели еще не вполне призраки, то лишь по причине

нашего недавнего прошлого... впрочем, уже и давненького... когда мы были (и пока еще остаемся) душо-плотско-субъектовыми учеными.

Введя наукометрию и супернаучную организацию научного труда, наука пустилась в самоликвидацию, превращая себя и своих адептов в призрачные ничто. Даже предмет у науки ныне исчезает, как исчезают на ярком свету чернила. Теперь уже не так гуманитарные науки, как постгуманитарные призракологии (даже язык становится призрачным — мало того, что таким англоподобным суржиком, так еще и вполне себе пустым).

В общем, новый мир — новый призрак! Наверное, мы позволяем себе, осмысливая происходящее, некоторые преувеличения, с чем можно даже согласиться, а вот не думать об этом странном происходящем никак нельзя, ибо где она ныне — настоящая-то хомореальность?!».

АНОНСЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

**«Экономика в среде хозяйства:
от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму»**

Посвящается памяти В.Т. Рязанова

Эпоха глобалистского экономического либерализма с негласным и беспредельным корпоративным дирижизмом заканчивается, наступает эпоха хозяйственного дирижизма с подчиненной ему постглобальной и постлиберальной параэкономикой. Если не это, то что?

17 марта 2021 г. (онлайн)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2021

Научная конференция экономического факультета МГУ

Секция лаборатории философии хозяйства

«От экономики беспредела к предельной экономике»

Эсхатологический кризис гиперфинансовой и ультраглобальной экономики. Экономику как хозяйство бешеных денег под контроль! Переход к хозяйству со служебным целе-ценностным расчетом посредством потребной для этого цифровизации.

Апрель 2021 г.

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия: земля и люди»

на тему:

**«Рассеянные будни потрясенной России:
ожидания, миражи, реалии»**

Разве будни российские ныне не рассеянные, а, наоборот, всюю определенными, стройными, проектными, надежными, понятными, наконец?

То, что ожидания людские (хоть физических лиц, хоть юридических) неопределенны, а просматриваемые ими горизонты вполне себе миражны, то бишь то и другое и впрямь рассеянное — это более или менее понятно, но вот объективные, так сказать, реалии, еще и каждодневные, они-то что — разве не задеты необъятным, весьма уже и институциональным хаосом? Новые времена — новый мир — новая реальность, ну и новая ее рассеянность, прямо-таки сетевая, в сети и сквозь сети, вполне себе тоже рассеянные. Надолго ли все это, а может, и навсегда?

Июнь 2021 г.,

(Совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

30 лет ЦОН МГУ

**«Россия под натиском новых реалий:
цивилизация, социум, хозяйство»**

Несмотря на наличие в стране инерционных интенций сохранить и упрочить, лишь цифротронно модернизовав, пореформенное социально-хозяйственное устройство, новые реалии требуют больших системных перемен, позволяющих России, освободившись от давления неблагоприятного контекста, выйти на путь всестороннего развития и обретения самой себя. Большая историческая мистерия, вполне и судьбоносная!

Секции:

1. Цивилизация России: традиции и новины.
2. Социум России: состояние и тенденции.
3. Россия хозяйствующая: время и бремя перемен.

8—10 декабря 2021 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Институт социальных наук, Москва, Россия (*piv3@yandex.ru*).

ЗАЙЦЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*zaytseva.el.v@yandex.ru*).

ТОЛКАЧЕВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, Россия (*dtr.paulo@mail.ru*).

ИВАНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА,

аспирант, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия (*vn_ivanova@mail.ru*).

КОЛТУНОВСКИЙ КИРИЛЛ ИГОРЕВИЧ,

главный метролог, АО «Научно-производственное предприятие “Дельта”», Москва, Россия (*fallout5@rambler.ru*).

ЛАСЬКО АННА МИХАЙЛОВНА,

аспирант, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*anya.lasko@mail.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра истории, методологии и философии науки, факультет социальных наук, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

ГОРБАЧЁВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия (*sympathy_06@mail.ru*).

ШТЕЙНБЕРГ АЛЕКСЕЙ ГЕНРИХОВИЧ,

кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия (*shtein@festu.khv.ru*).

СНИЦЫН ФЕДОР ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор исторических наук, доцент, Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия (*permcavi@gmail.com*).

ЩЕРБАКОВ ВИТАЛИЙ,

священник, первый проректор, Тамбовская духовная семинария; аспирант, кафедра философии и методологии науки, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (*vitl.78@mail.ru*).

МАРТИН-ИОГАНСОН ЭЛЛЕН,

историк, публицист, Лондон, Великобритания, (*ellenmrtn@goolemail.com*).

ШРАММ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ,

главный консультант, SAP Deutschland SE & Co. KG; аспирант, кафедра теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*alschramm@outlook.com*).

СЕЛИВАНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (*seliv21@mail.ru*).

СТАРОВОЙТОВ ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ,

доктор экономических наук, директор, Центр мониторинга и оценки экономической безопасности, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (*vladstar1953@yahoo.com*).

ТРОШИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (*giopir2@yandex.ru*).

ПРАВДИН Б.,

ПС-М.

ЗЛЫГОСТЕВА НАТАЛЬЯ ИЛЬИНИЧНА,

кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский центр регионоведения, Кировская областная научная библиотека имени А.И. Герцена, Киров, Россия (*zamnauk@herzenlib.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tsmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

PSHENTSIN IVAN VIKTOROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Institute of Social Sciences, Moscow, Russia (*piv3@yandex.ru*).

ZAYTSEVA ELENA VLADIMIROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (*zaytseva.el.v@yandex.ru*).

TOLKATCHEV PAVEL SERGEEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russia (*dtr.paulo@mail.ru*).

IVANOVA VERA NIKOLAYEVNA,

Post-Graduate Student, Institute of Sociology of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*vn_ivanova@mail.ru*).

KOLTUNOVSKY KIRILL IGOREVICH,

Chief Mythologist, JSC «Scientific and Production Enterprise” Delta”», Moscow, Russia (*fallout5@rambler.ru*).

LASKO ANNA MIKHAILOVNA,

Graduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*anya.lasko@mail.ru*).

KUTYRYOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History, Methodology and Philosophy of Science, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University, Nizhni Novgorod, Russia (*kut.va@mail.ru*).

GORBACHEV ALEKSANDR YURJEVICH,

Senior Lecturer, Faculty of Philologies, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*sansanytch08@mail.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ANDREEV ANDREY LEONIDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Chief Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; NRU MPEI, Moscow, Russia (*sympathy_06@mail.ru*).

STEINBERG ALEXEY GENRIKHOVICH,

Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Chair of Philosophy, Far-Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia (*shtein@festu.khv.ru*).

SINITSYN FEDOR LEONIDOVICH,

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the State University of Land Management, Moscow, Russia (*permcavt@gmail.com*).

SHCHERBAKOV VITALY,

Priest, First Vice Rector, Tambov Theological Seminary; Post-Graduate Student, Department of Philosophy and Methodology of Science, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (*vitl.78@mail.ru*).

MARTIN-IOGANSON ELLEN,

Historian, Publicist, London, United Kingdom (*ellenmrtn@googlemail.com*).

SCHRAMM ALEKSANDR EVGENIEVICH,

Chief Consultant, SAP Deutschland SE & Ko. KG; Graduate Student, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*alschramm@outlook.com*).

SELIVANOV ALEXANDER IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*seliv21@mail.ru*).

STAROVOITOV VLADIMIR GAVRILOVICH,

Doctor of Economics, Director of the Center for Economic Security and Monitoring, Institute of Economic Policy and Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation (*vladstar1953@yahoo.com*).

TROSHIN DMITRIY VLADIMIRIVICH,

Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation (*giopup2@yandex.ru*).

ZLIGOSTEVA NATALIA ILINICHNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Research Center for Regional Studies, Kirov Regional Scientific Library named after A.I. Herzen, Kirov, Russia (*zam nauk@herzenlib.ru*).

PRAVDIN B.,

ps-m.

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.